

P. C. Woodhouse

**ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ
ВУДХАУС**

РАДОСТЬ ПОУТРУ
БРАЧНЫЙ СЕЗОН
НЕ ПОЗВАТЬ ЛИ НАМ
ДЖИВСА?

NEO-Классика

Пелам Гренвилл Вудхаус

**Радость поутру. Брачный сезон. Не
позвать ли нам Дживса? (сборник)**

«АСТ»

1946, 1949, 1953

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Радость поутру. Брачный сезон. Не позвать ли нам Дживса?
(сборник) / П. Вудхаус — «АСТ», 1946, 1949, 1953 — (NEO-
Классика)

ISBN 978-5-17-107332-9

Самый известный, самый популярный, самый любимый читателями всего мира вот уже много десятилетий британский юмористический цикл. Цикл, каждое из произведений которого, будь оно романом, повестью или рассказом, — настоящий эталон неподражаемого английского юмора. Снова и снова непутевый, но обаятельный шалопай-аристократ Берти Вустер попадает в немыслимые передраги, а хитроумный камердинер-эрудит Дживс помогает ему выпутаться из, казалось бы, совершенно безвыходных положений. Ну а мы снова и снова перечитываем истории их приключений и каждый раз смеемся, будто читаем их впервые!..

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107332-9

© Вудхаус П., 1946, 1949, 1953

© АСТ, 1946, 1949, 1953

Содержание

Радость поутру	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	46
Глава 11	50
Глава 12	55
Глава 13	62
Глава 14	66
Глава 15	71
Глава 16	76
Глава 17	82
Глава 18	86
Глава 19	90
Глава 20	94
Глава 21	100
Глава 22	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Пелам Гренвилл Вудхаус

Радость поутру. Брачный сезон. Не позвать ли нам Дживса?: Сборник

Этот неподражаемый Дживс (1923)

Вперед, Дживс! (1925)

Посоветуйтесь с Дживсом (1930)

Дживс, вы – гений! (1934)

Ваша взяла, Дживс! (1934)

Фамильная честь Вустеров (1938)

Радость поутру (1946)

Брачный сезон (1949)

Не позвать ли нам Дживса? (1953)

Дживс и феодальная верность (1954)

Дживс готовит омлет (1959)

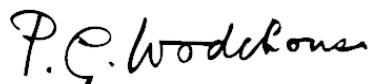
На помощь, Дживс! (1960)

Держим удар, Дживс! (1963)

Дживс и скользкий тип (1965)

Тысяча благодарностей, Дживс (1971)

Тетки – не джентльмены (1974)

Серия «NEO-Классика»

Pelham Grenville Wodehouse

JOU IN THE MORNING

THE MATING SEASON

RING FOR JEEVES

Перевод с английского *И. М. Бернштейн*

Печатается с разрешения The Trustees of the P.G. Wodehouse Estate и литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1946, 1949, 1953 © Перевод. И. М. Бернштейн, наследники, 2017 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Радость поутру

Глава 1

Когда описанные треволнения отошли в прошлое, опасность перестала маячить на горизонте, всем направо и налево были пригоршнями розданы счастливые концы и мы ехали домой, лихо сдвинув шляпы набекрень и отряхнув прах Стипл-Бампли с наших шин, я признался Дживсу, что в ходе этой истории Бертрам Вустер, вообще-то не слабодушного десятка, времени был очень близок к отчаянию.

– Ну просто, можно сказать, на грани, Дживс.

– Обстоятельства, бесспорно, принимали угрожающий оборот, сэр.

– Ни луча надежды. Впечатление было такое, будто Синяя Птица подняла лапки кверху и закрыла лавочку. А теперь вот мы едем-веселимся, и солнышко сияет. Тут, пожалуй, задумаешься.

– Да, сэр.

– Есть такое выражение, на языке вертится, как раз подходит к данному случаю. Вернее, не выражение, а поговорка. Афоризм такой. Вроде шутки. Что называется, присловье. Словом, изречение. Что-то такое насчет радости.

– Вечером водворяется плач, а наутро радость¹, сэр?

– Вот-вот, самое оно! Не вы придумали?

– Нет, сэр.

– Здорово сказано, – похвалил я его.

Я и теперь считаю, что невозможно в двух словах лучше передать суть того убийственного происшествия, в котором принимали участие Нобби Хопвуд, Чеддер по прозвищу Сыр, Флоренс Крэй, мой дядя Перси, Дж. Чичестер Устрица, бойскаут Эдвин и старина Боко Фитлуорт, – или, как впоследствии, наверное, назовут эту историю мои биографы, «Ужас в Стипл-Бампли».

Этот географический пункт у меня еще до описываемых событий занимал первую строчку в списке мест, которые следует как можно дальше обходить стороной. Вам не приходилось замечать: на старинных картах, бывает, какое-то место помечено крестиком и подпись: «Здесь драконы» или «Смотри в оба, тут гиппогрифы»? Что-нибудь в этом же роде, по моему, надо из человеколюбия написать возле Стипл-Бампли для предостережения пешеходам и транспорту.

Поселение это живописное, не спору. Равного ему по красотам не найдешь во всем Гемпшире. Оно расположено, как говорится, под сенью деревьев среди улыбчивых нив и лиственных лесных массивов, вблизи речки, текущей под ивами и ветлами, и куда ни бросишь кирпич – попадешь в деревенский домик с белым садиком или в голову румяного деревенского жителя. Но вы же знаете, все эти виды, ласкающие взор, бесполезны там, где мерзок человек². А беда деревни Стипл-Бампли состоит в том, что в ней находится усадьба «Бампли-Холл», а в усадьбе, в свою очередь, находится моя тетка Агата со своим вторым мужем.

Когда же я скажу, что ее вторым мужем является не кто иной, как Персиваль лорд Уорпледон, а при нем – его дочь Флоренс и сын Эдвин, несноснейший из всех мальчишек, когда-либо щеголявших в шортах цвета хаки и занимавшихся следопытством, или что там делают эти

¹ Берти с помощью Дживса вспоминает библейский псалом, 29:6. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Ссылка на стихотворение «Миссионерский гимн» английского религиозного поэта епископа Реджинальда Хиберы (1783–1826).

чертовы бойскауты, вы сразу поймете, почему я всегда отклонял приглашения моего бывшего однокашника Боко Фитлуорта погостить в его летнем домике, находящемся в той же местности.

Я и по отношению к Дживсу долгое время проявлял такую же твердость, когда он намекал, что неплохо бы нам снять там коттеджик на лето. Дело в том, что в тамошней речке, как всем известно, хоть пруд пруди рыбы, а Дживс принадлежит к числу тех, кто обожает взмахивать над головой крючком с наживкой. «Нет, Дживс, – вынужден был я ему отвечать. – Как ни больно мне лишать вас радостей простой жизни, но там ведь всегда есть риск столкнуться с этой разбойничьей шайкой. Нет уж, безопасность – прежде всего». На что он мне говорил: «Очень хорошо, сэр», и на том вопрос бывал исчерпан.

Но все это время, неведомо для меня, тень Стипл-Бампли подкрадывалась все ближе, и настал день, когда она сорвала накладную бороду – и набросилась!

Что странно, в то утро, когда со мной произошло это огромное несчастье, я был в самом что ни на есть радужном расположении духа. Ничто не говорило о том, что мне предстоит вляпаться в такую калошу. Я отлично выспался, удачно побрился, приятно принял душ и жизнерадостным возгласом приветствовал появление Дживса с кофе и копчушками.

– Черт подери, Дживс, – говорю, – я сегодня с утра в наилучшей форме. Упиваюсь своей молодостью и готов хоть сейчас взяться за работу, не страшась любой судьбы, как писал Теннисон.

– Лонгфелло³, сэр.

– Или Лонгфелло, если вам угодно. Не будем мелочиться. Ну, что новенького?

– Заезжала мисс Хопвуд, когда вы еще спали, сэр.

– В самом деле? Жаль, я ее не повидал.

– Молодая леди хотела войти к вам в спальню и разбудить вас с помощью мокрой губки, но я ее отговорил. Я счел предпочтительным, чтобы ваш сон не был нарушен.

Я одобрял такую бдительность, в ней сказывались, с одной стороны, доброе сердце, с другой – старый феодальный дух. Но в то же время я с огорчением прицокнул языком, сожалея, что разминулся с юной пигалицей, с которой всегда поддерживал самые дружеские отношения. Эта Зенобия (Нобби) Хопвуд была, что называется, «под опекой» у старика Уорпледсона. Несколько лет назад один его приятель, перед тем как отдать концы, оставил свою дочь на его попечение. Как это делается, точно не знаю – наверняка были сочинены соответствующие документы, поставлены подписи над пунктирной линией, – но в результате, когда дым рассеялся, Нобби оказалась подопечной моего дяди Перси.

– Юная Нобби, вы сказали? Давно ли она в нашей столице? – спросил я, поскольку, попав под опеку дяди Перси, она, естественно, влилась в ряды тех, кто обитал в логове Стипл-Бампли, и теперь лишь изредка показывалась в Лондоне.

– Со вчерашнего вечера, сэр.

– И надолго?

– Только до завтра, сэр.

– Стоило ли так далеко тащиться ради одного дня?

– Как я понял, она приехала по настоянию ее сиятельства, для ее сопровождения, сэр.

Я вздрогнул:

– То есть вы хотите сказать, что тетя Агата в Лондоне?

– Всего лишь проездом, сэр, – успокоил мои опасения верный слуга. – Ее сиятельство направляется ухаживать за мастером Томасом, который подхватил в школе свинку.

Дживс говорил о теткинском сыне от первого брака, худшем из наших сограждан. Многие осведомленные люди ставят его в списке величайших злодеев Англии еще выше ее пасынка

³ Из стихотворения Г. Лонгфелло «Псалом жизни» (1839).

Эдвина. Я с удовлетворением услышал о его заболевании, и у меня даже мелькнула шальная надежда, что он сумеет заразить свинкой свою мать.

– А что говорила юная Нобби, Дживс?

– Она выражала сожаление, что так редко теперь видит вас, сэр.

– Взаимно, Дживс, я тоже сожалею. Таких славных малых, как эта Хопвуд, не много найдется на свете.

– Она выразила надежду, что вы найдете возможность в ближайшем будущем посетить Стипл-Бампли.

Я отрицательно покачал головой:

– Исключено, Дживс.

– Молодая леди сообщила мне, что сейчас у них превосходно клюет рыба.

– Нет, Дживс. Мне очень жаль, но даже если она набрасывается на пустой крючок, все равно к Стипл-Бампли я близко не подойду.

– Очень хорошо, сэр.

Голос у него был мрачный, и я попытался разрядить атмосферу, для чего попросил еще чашку кофе.

– Она одна заходила? – спросил я, имея в виду Нобби.

– Нет, сэр. С нею был джентльмен, который разговаривал так, как будто вы с ним знакомы.

Мисс Хопвуд называла его Сыр.

– Могучий такой?

– С заметно развитой мускулатурой, сэр.

– А голова похожа на тыкву?

– Да, сэр, некоторое сходство с этим овощем просматривается.

– Тогда это друг моих юных дней по имени д'Арси Чеддер. Для смеха мы именовали его в своем кругу Сыром. Не виделся с ним тысячу лет. Он проживает где-то в сельской местности, а чтобы общаться с Бертрамом Вустером, требуется как минимум вращаться в столичных сферах. Удивительно, что он, оказывается, знаком с Нобби.

– Как я понял из слов молодой леди, сэр, мистер Чеддер тоже проживает в Стипл-Бампли.

– Да? Ну и тесен же мир, Дживс.

– Да, сэр.

– Прямо не припомню, чтобы я когда-нибудь видел теснее, – сказал я и уже приготовился развить эту тему, но тут призывно затренькал телефон, и Дживс как штык полетел в переднюю. Сквозь неплотно прикрытую дверь я разобрал многократно повторенные: «Да, ваше сиятельство» и «Очень хорошо, ваше сиятельство» – верный признак того, что у него на крючке какой-то представитель старинной аристократии.

– Кто это был? – спросил я, когда он просочился обратно.

– Лорд Уорплесдон, сэр.

Сейчас, оглядываясь назад, я просто диву даюсь, что так спокойно отозвался на это сообщение, всего лишь произнеся: «Да?» И только. А ведь должен был бы почувствовать, как в мою жизнь, подобно ползучему туману или миазму, все настойчивее вторгается, если можно так выразиться, зловещий мотив Стипл-Бампли; почувствовать, содрогнуться и спросить себя: что бы это значило? Но факт таков. Я нисколько не затрепетал и отреагировал вполне равнодушно.

– Звонок предназначался мне, сэр. Его сиятельство желает, чтобы я немедленно посетил его в его конторе.

– Он хочет видеть именно вас?

– Да, у меня сложилось такое впечатление, сэр.

– А зачем, он не сказал?

– Нет, сэр. Заметил только, что дело не терпит отлагательства.

Я задумался, жуя рыбку. По-видимому, тут могло быть лишь одно объяснение.

– Знаете, что я думаю, Дживс? Не иначе как он попал в какую-то переделку и нуждается в вашем совете.

– Возможно, что так, сэр.

– Держу пари, что так. Он, конечно, наслышан о ваших выдающихся способностях. Не могло же так быть, чтобы вы оставались в тени вечно. Оказывая всем нуждающимся направо и налево щедрую помощь и поддержку, вы неизбежно должны были приобрести некоторую славу, хотя бы в семейном кругу. Хватайте шляпу и гоните лошадей. Буду с нетерпением ждать вашего отчета. Какая сегодня погода?

– Погода весьма хорошая, сэр.

– Солнышко сияет и все такое?

– Да, сэр.

– Так я и думал. Потому-то я сегодня и полон бодрости. Пожалуй, выйду прогуляться. Скажите мне, – попросил я, угрызаясь, что вынужден был проявить непреклонность в деле со Стипл-Бампли, и желая вернуть в его жизнь ту светлую радость, в которой ему отказал, лишив его общества местных рыб, – нет ли чего-нибудь такого, что я мог бы для вас сделать в городе?

– Как вы сказали, сэр?

– Может быть, какой-нибудь небольшой подарок?

– Вы чрезвычайно добры, сэр.

– Пустяки, Дживс. Просите что хотите. Не стесняйтесь.

– Недавно вышло новое научно комментированное издание трудов философа Спинозы, сэр, и, коль скоро вы так щедры, я был бы рад получить его.

– Вы его получите. Оно будет без промедления доставлено к вашему порогу. Фамилию автора не перепутали? Спиноза – это точно?

– Точно, сэр.

– Странная какая-то фамилия. Но вам, конечно, виднее. Спиноза, значит? Отмечен Книжным клубом как лучшая книга месяца?

– Насколько я знаю, нет, сэр.

– Первый раз слышу про писателя, который не отмечен Книжным клубом. Ладно. Займусь этим незамедлительно.

И, собрав воедино шляпу, перчатки и аккуратно свернутый зонт, я вышел из дома.

По пути к магазину книжной продукции мысли мои, как вы сами понимаете, снова обратились к таинственному звонку старика Уорплесдона. Меня разбирало любопытство. Никак не мог представить себе, что за неприятность могла случиться у такой солидной личности, как он.

Когда полтора года назад до меня из хорошо осведомленных источников дошло известие, что тетя Агата, вдовевшая на протяжении долгого времени, вздумала вторично рискнуть на законный брак, моей первой эмоцией, естественно, была жалость к самоуверенному бедняге, который рискует пойти с ней к алтарю, – ведь это, как вы, конечно, знаете, моя злая тетка, та, что ест бутылочное стекло и в полнолуние приносит человеческие жертвы.

Но затем стали поступать свежие подробности, и оказалось, что сей горький жребий достался не кому-нибудь, а лорду Уорплесдону, пароходному магнату, и тут мое сострадание сильно пошло на убыль. Я понял, что положение складывается неоднозначное. Даже если в конце концов он у нее и научится прыгать через обруч, победа достанется тете Агате отнюдь не без боя.

Ибо он и сам был малый не промах, этот лорд Уорплесдон. Я знал его, можно сказать, всю свою сознательную жизнь. Это он в пятнадцать лет – то есть это мне было пятнадцать лет, понятное дело, – застав меня на конюшенном дворе курящим его самые дорогие сигары, гнал меня с хлыстом в руке целую милю по пересеченной местности. И хотя с годами отношения наши, естественно, стали более сдержанными, стоило мне вспомнить о нем, и у меня

обязательно бежали мурашки по коже. Окажись я перед выбором между ним и гиппогрифом в качестве спутника в пешем походе, я бы, ни минуты не колеблясь, избрал гиппогрифа.

Трудно было представить, чтобы такой железный человек вынужден был слать Дживсу сигналы бедствия, и я уже воображал компрометирующие письма в руках у алчной блондинки, когда достиг цели своего путешествия и принялся выполнять взятое на себя обязательство.

– Доброе утро, – проговорил я. – Мне нужна книга.

Надо бы мне, конечно, сообразить, как это глупо – говорить, что тебе нужна книга, если явился в книжный магазин. Этим только озадачишь и напугаешь местное население. И действительно, занюханный старикашка, который вышел из угла, чтобы обслужить меня, прямо вздрогнул.

– Книга, сэр? – переспросил он с плохо скрываемым удивлением.

– Спиноза, – уточнил я.

Он отшатнулся:

– Вы сказали, Спиноза, сэр?

– Вот именно. Спиноза.

По-видимому, он решил, что, если мы потолкуем с ним об этом как мужчина с мужчиной, можно будет в конце концов прийти к обоюдоприемлемому варианту.

– Вы не имели в виду «Спинки и свинки», сэр?

– Нет.

– А не может это быть «Отравленная булавка»?

– Нет, не может.

– Или «С ружьем и фотоаппаратом по дикому Борнео»? – набавил он слов.

– Спиноза, – твердо сказал я, держась своей линии.

Он горько вздохнул, понимая, что ситуация вышла из-под его контроля.

– Пойду взгляну, есть ли у нас экземпляры, сэр. А вы пока посмотрите, может быть, все-таки вы имели в виду вот это? Говорят, очень возвышенное сочинение.

И потопал, озадаченно твердя себе под нос: «Спиноза, Спиноза», а меня оставив с какой-то книжечкой в руке.

Я взглянул: сразу видно, гадость. Называется – «Сплин и роза». На обложке какая-то дамочка с зеленым лицом, нюхающая фиолетовую лилию. Я уже собрался отшвырнуть ее и пойти на розыски упомянутой «Отравленной булавки», как вдруг слышу, кто-то у меня за спиной произносит: «Бог мой! Берти!» Оборачиваюсь и вижу, что этот звериный вопль испустила высокая молодая особа властной наружности, незаметно подкрадываясь ко мне сзади.

– Господи ты боже мой! Берти! Ты ли это?

Я всхрипнул и попятился, как испуганный мустанг. Передо мной была дочь старика Уорпледсона Флоренс Крэй.

А почему я так всхрипнул и попятился при виде ее, сейчас объясню. Я решительно не признаю таких историй, где люди топчутся туда-сюда, хватаются за голову и что-то сильно переживают, а в чем дело, не поймешь, и так до самой последней главы, когда объяснение дает следователь.

Коротко говоря, появление этой барышни так подействовало на меня по той причине, что когда-то давно мы были с ней помолвлены, и даже не так уж и давно. И хотя все тогда кончилось благополучно, дело расстроилось и в последнюю минуту я все же был спасен от эшафота, но это было, можно сказать, совершенно чудесное спасение, и память до сих пор осталась свежа. Одно упоминание ее имени приводило меня в такую дрожь, что требовалось немедленно пропустить стаканчик или два. Словом, вы легко поймете, каково мне было вот так, нос к носу, столкнуться с нею во плоти.

Я покачнулся, как ива на ветру, тщетно ища подходящую реплику для начала разговора.

– А, привет, привет, – говорю. Не бог весть что, конечно, но больше ничего не приходило в голову.

Глава 2

Перебирая имена особ женского пола, на которых я в тот или иной момент жизни чуть было не женился, встречаешь порой таких, что страшно вспомнить. Например, упадет взгляд на Гонорию Глоссоп, и дрожь пробегает по всему организму от макушки до пят. И то же самое, если возьмем на букву Б, скажем, Мадлен Бассет. Но, принимая во внимание все обстоятельства, взвесив хорошенько и то и се, я всегда был склонен считать, что Флоренс Крэй превосходит остальных. Как ни много у нее бесспорно достойных соперниц, все же пальму первенства я бы отдал ей.

Конечно, Гонория Глоссоп была девушка спортивная, что верно, то верно. Ее смех был подобен звуку отбойного молотка, и с детских лет ее отличала привычка со всей силой шлепать вас по спине. Конечно, Мадлен Бассет была слюнтяйка, не приходится спорить. Она постоянно слезилась и поводила очами и считала, что звезды – это веночки божьих маргариточек. Бесспорно, серьезные пороки; но надо отдать справедливость названному отталкивающему дуэту: ни та ни другая не делали попыток меня формировать, а именно этим с первых же шагов занялась Флоренс Крэй, по-видимому рассматривая Бертрама Вустера всего лишь как кусок пластилина в руке скульптора.

Корень зла заключался в том, что она была из так называемых интеллектуалок, а они с головой погружены в возвышенные заботы и, как только где углядят мужскую душу, сразу же бегут и принимаются подталкивать. Мы едва успели утрясти вопрос, как она тут же занялась моим чтением, изгнала «Кровь на перилах», которую я в тот период штудировал, и подсунула на ее место нечто под названием «Типы этической теории». И даже не думала скрывать, что это всего лишь заправка и что дальше будет еще хуже.

Вы никогда не заглядывали в «Типы этической теории»? Книжица до сих пор стоит у меня на полке. Откроем ее наобум и посмотрим, что нам предлагают. Да вот, например:

«Из двух противоположных понятий греческой философии лишь одно реально и внутренне непротиворечиво; это Идеальная Мысль, противопоставленная тому, что она наполняет собой и формирует. Второе, чему в нашем представлении соответствует Природа, само по себе феноменально, нереально, лишено твердого основания, поскольку не имеет предикатов, которые были бы верны хотя бы два мгновения подряд, иначе говоря, избегает отрицания лишь благодаря включенным реальностям, в нем проявляющимся».

Вот именно. Вам уже, конечно, ясно, о чем речь и отчего при виде ее у меня слегка подкосились ноги. Старые раны закровоточили.

Но смятение, от которого скрючились, подобно побегам ранимой мимозы, пальцы на ногах Вустера в модных замшевых ботинках, несколько не подействовало на этот материализованный кусок прошлого. Она заговорила со мной так же оживленно и по-теткински самоуверенно, как в былые времена. Даже в ту пору, когда я был околдован ее знаменитым профилем, а профиль, надо признать, был что надо и побуждал к произнесению слов, в которых потом раскаиваешься, мне все время казалось, что она проходит обучение на тетку.

– Ну-с, как же ты поживаешь, Берти?

– Спасибо, прекрасно.

– Я на денек приехала в Лондон повидать моего издателя. И подумать только, встретила тебя, да не где-нибудь, а в книжном магазине. Что ты покупаешь? Дешевку какую-нибудь, конечно?

Ее взгляд, покоившийся на мне, притом с довольно критическим, укоризненным выражением, словно она недоумевала, как это ей могло когда-то прийти в голову соединить свою судьбу с таким недочеловеком, теперь обратился на книгу у меня в руке. Явно сожалел об

отсутствии пинцета, которым можно было бы ухватиться за этот предмет, она, брезгливо скривившись, взяла книгу из моих рук.

Взглянула и сразу же преобразилась. Рот перестал кривиться и сложился в довольную ухмылку. Взгляд смягчился. На щеках заиграл румянец. Она чуть ли не захихикала.

– О, Берти!

Что она хотела этим сказать, я не понял. Она часто восклицала «О, Берти!» во времена нашей помолвки, но обычно с таким неприятным призывком в голосе, как будто бы собиралась выразиться похлеще, но вовремя спохватывалась, в последний момент вспомнив о своем славном древнем роде. На этот раз «О, Берти!» прозвучало совершенно иначе. Просто, я бы сказал, нежно. Как будто бы голубка адресуется к голубку.

– О, Берти! – повторила она. – Ну конечно, я непременно надпишу тебе ее.

И тут я вдруг все понял. Сначала-то я не заметил, так как разглядывал девушку с зеленым лицом, но теперь углядел внизу на обложке слова: «Роман Флоренс Крэй». Их почти совсем закрыла наклейка: «Избрана Книжным клубом как лучшая книга месяца». Все разом встало на свои места, и от мысли, что я чуть было не женился на романистке, в глазах у меня на миг потемнело.

Она твердой рукой что-то такое начертала в книге, убив всякую надежду на то, что магазин возьмет ее обратно, и выставив меня на семь шиллингов десять пенсов, как говорится, в самом начале рабочего дня. А потом опять проворковала с железом в голосе:

– Надо же! Кто бы подумал, что ты захочешь купить «Сплин и розу»!

Ситуация требовала от меня любезного ответа, и, возможно, в треволнениях минуты я слегка перестарался. По-видимому, мои слова, что я сразу заинтересовался ее треклятым произведением, она поняла в том смысле, что я только о том и мечтал, чтобы приобрести это сокровище. По крайней мере, она в ответ одарила меня сладкой улыбкой.

– Не могу тебе сказать, как это меня радует. И не просто потому, что книга – моя, но еще и как знак того, что мои старания развить твой ум не пропали даром. Ты научился любить хорошую литературу.

В эту минуту, словно по сценарию, возник тот занюханный и объявил, что сейчас старика Спинозы у них нет, но они его мне добудут. Он был этим заметно подавлен, зато Флоренс вся расслабилась, как будто кто-то включил рубильник.

– Берти! Это потрясающе! Ты в самом деле читаешь Спинозу?

Приходится удивляться тому, до чего соблазнителен для нас такой порок, как хвастовство. Из-за него гибнут лучшие люди. Казалось бы, чего проще – возразить, что она не так поняла, научно аннотированное издание – это подарок для Дживса. Но вместо того чтобы совершить простой, честный и мужественный поступок, я, как дурак, распустил хвост.

– Да, – говорю, интеллигентно вращая зонтом. – В свободные минуты я обычно устраиваюсь на диване с последней книжкой Спинозы.

– Ну и ну!

Простые слова как будто бы, но дрожь пробрала меня всего, от набриллиантенной макушки до каучуковых подошв.

Потому что она не только издала этот возглас, но еще и особенным образом на меня взглянула. Точно так смотрела на меня раньше Мадлен Бассет, когда я явился в «Тотли-Тауэрс», чтобы выкрасть старинный серебряный молочник в виде коровы, а она решила, будто, питая к ней горячую любовь, я не в силах вынести разлуку. Этот убийственный нежный, умильный взгляд пронзил меня насквозь, как раскаленное шило пронзает брикет масла, и я ощутил мистический ужас.

Тут-то я пожалел, что вылез с этим Спинозой, а особенно – что был застигнут в ту минуту, когда можно было подумать, будто я покупаю этот ее чертов роман. Сам того не сознавая, я поднял себя в ее глазах на недостижимую высоту, представил ей Бертрама Вустера в

совершенно ином качестве и обнаружил перед нею мои сокрытые глубины. Теперь она еще, глядишь, вздумает пересмотреть наши отношения в свете вновь обнаруженных фактов и придет к выводу, что допустила ошибку, разорвав помолвку с таким необыкновенным человеком. И если она заберет в голову что-нибудь в этом духе, страшно подумать, каков может оказаться исход.

Меня охватило горячее желание очутиться где-нибудь подальше отсюда, пока я не сваял еще большего дурака.

– Ну, я побежал, – говорю. – К сожалению, у меня важная встреча. Приятно было снова повидаться.

– Почему бы нам не видеться почаще? – отвечает она, глядя на меня со слезой во взоре. – Поговорили бы, потолковали по душам.

– Да, неплохо бы.

– Развивающийся ум – это так увлекательно. Приехал бы ты как-нибудь в «Бампли-Холл».

– Да вот, столичная жизнь, знаешь ли, она как-то затягивает.

– Я бы показала тебе рецензии на «Сплин и розу». Такие чудесные! Эдвин их вырезает и наклеивает в альбом.

– Посмотрю с удовольствием. Как-нибудь потом. Пока-пока.

– А книжку? Книжку забыл.

– А, спасибо. Ну ладно, всего, – сказал я и вырвался на волю.

Важная встреча, на которую я сослался, предстояла мне с барменом в «Боллинджере». По-моему, я никогда в жизни не испытывал такой острой потребности в укрепляющем снадобье. Я устремился к цели, как лань, которая желает к потокам воды⁴, и вскоре уже совещался с подателем спасительных эликсиров.

А десять минут спустя, ощутило взбодрившийся, хотя все еще потрясенный, я стоял на крыльце и задумчиво крутил зонт, прикидывая, куда бы податься дальше, как вдруг мое внимание привлекла странная сцена.

На той стороне происходило нечто удивительное.

⁴ Псалтирь, 41:2: «Как лань желает к потокам воды».

Глава 3

Бар «Боллинджер» делает свое человеколюбивое дело на полпути вверх по Бонд-стрит, а на противоположной стороне этой оживленной улицы, прямо нос к носу с «Боллинджером», находится заведение любезного и модного ювелира, к которому я обычно заглядываю, когда возникает нужда вложить средства в какую-нибудь бижутерию. И даже как раз теперь, по случаю такой хорошей погоды, я подумывал, не пойти ли купить себе новый портсигар.

Но у входа в ювелирную лавку совершалось некое странное действо. Вдоль фасада прохаживался взад-вперед какой-то криминальный тип, напоминавший своими повадками кота из басни, которому, как говорит Дживс, а уж он-то знает, и хочется, и страх берет. То есть он вроде бы и хотел зайти, но что-то ему мешало осуществить свое намерение. Сделает решительный шаг к дверям и тут же отшатывается назад и стоит, бросая опасливые взгляды вправо и влево, словно боится, что его заметили. За океаном, в Нью-Йорке, во времена «сухого закона» мне случалось наблюдать, как люди выделывали такие же коленца у входа в бутлегерский кабак.

Тип был крупный собой, и в облике его мне показалось что-то знакомое. Я прищурился, пригляделся, и тут память мне подсказала: этот мясистый торс... голова в форме тыквы... лицо как из розового теста... это не кто иной, как мой старый приятель Чеддер по прозвищу Сыр. Но почему он вертится перед ювелирной витриной, было выше моего разума.

Я устремился через улицу с намерением учинить ему допрос или экзамен, но как раз в эту минуту он вдруг набрался решимости. Пока я разбирался с проходящим автобусом, он весь подобрался, храбро вскинул голову и ринулся внутрь, как пассажир, влетающий в станционный буфет купить и проглотить порцию джина с тоником за две минуты, пока стоит поезд.

Когда я вошел туда, он, склонившись над прилавком, разглядывал какие-то изделия из рук почтенного продавца. Ткнуть его зонтом в мягкое место было для меня делом одного мгновения.

– Здорово, Сыр! – воскликнул я при этом.

Он сделал пируэт с виноватым видом балетного танцовщика, застигнутого за недоливом пива после отстоя пены.

– А, привет, – буркнул он.

И воцарилось молчание. То есть я хочу сказать, когда встречаются друзья детства, которые не виделись тысячу лет, им бы обменяться громогласными приветствиями и возобновить дружеские отношения. Но в данном случае ничего такого не произошло. Я-то расчувствовался при виде товарища моих детских игр, но вот Дж. д'Арси Чеддер вовсе не проявил ответного восторга. За свою жизнь я встречал немало людей, которым хотелось бы, чтобы Бертрам Вустер очутился где-нибудь не там, где находятся они, и поэтому без труда узнавал симптомы. Именно эти симптомы я сейчас наблюдал у моего бывшего приятеля.

Он оттащил меня от прилавка, загородив своим корпусом место покупки, как будто прятал от меня мертвое тело.

– Что за манеры тыкать в людей своим идиотским зонтом, – сказал он мне заметно обиженным тоном. – Меня чуть родимчик не хватил.

Я любезно извинился, объяснив, что человек с зонтом в руке, если ему посчастливится увидеть старого знакомого в согнутой позе, не может упустить представившейся возможности, и попробовал завести с ним светский разговор о том о сем, чтобы он успокоился и пришел в себя. Потому что он стоял передо мной такой смущенный, как будто это не я, а высокопоставленный полицейский чин, изловивший его за грабежом ювелирного магазина. Мне было совершенно непонятно, в чем тут дело.

– Да, брат Сыр, – говорю я ему, – давненько мы с тобой не виделись.

– Да, – отвечает он, показывая всем видом, что можно было бы и еще повременить.

– Как жизнь? – спрашиваю.

– В порядке. А у тебя?

– Спасибо, хорошо. По правде говоря, я сегодня чувствую необычайный прилив бодрости.

– Это хорошо.

– Я так и думал, что ты обрадуешься.

– Да, вполне. Ну ладно, Берти, пока. – Он пожал мне руку. – Рад был встрече.

Я от удивления вытаращил глаза. Неужели он всерьез думает от меня так легко отвязаться? Крупные специалисты пробовали отвязаться от Бертрама Вустера, но терпели поражение.

– Я еще не уйду, – успокоил я его.

– Не уходишь? – с тоской переспросил он.

– Нет, нет. Я пока еще здесь. Дживс сказал, что ты заезжал ко мне сегодня утром.

– Да.

– В сопровождении Нобби.

– Да.

– До чего тесен мир.

– Не особенно.

– А Дживс со мной согласен.

– Ну, может быть, слегка тесноват, – вынужден был признать Чеддер. – Я тебя не очень задерживаю, Берти?

– Нет, нет.

– Я подумал, у тебя могут быть где-то дела.

– Да нет. Совершенно никаких дел.

Снова наступило молчание. Он промышлял пару тактов модной шансонетки, но как-то безрадостно. И переступил с ноги на ногу.

– Давно ты там обретаешься?

– Где?

– В Стипл-Бампли.

– А-а. Нет, не особенно.

– Нравится тебе там?

– Очень.

– Что ты там делаешь?

– Делаю?

– Ладно, ладно тебе! Ты же меня понимаешь. Боко Фитлуорт, например, сочиняет там литературные произведения для широких масс. Мой дядя Перси, пароходный магнат, расслабляется после дня трудов на ниве пароходного магнатства. А у тебя какой рэкет?

На физиономии у него появилось странноватое выражение, он посмотрел на меня холодно и даже с каким-то вызовом – пусть, мол, я только попробую что-нибудь эдакое выкинуть. Помнится, точно такой же блеск я видел однажды за стеклами очков соседа в гостинице, когда он признался, что его фамилия Снодграс. Похоже, что мой давний приятель собирался сделать некое постыдное признание.

Но он тут же передумал.

– Да так просто, болтаюсь без дела.

– Болтаешься?

– Ну да. Бездельничаю, знаешь ли. Занимаюсь всякой чепухой, то одно, то другое.

Дальнейшие расспросы в этом направлении не сулили никаких результатов. Было очевидно, что Сыр не склонен к душевным излияниям. И тогда я перешел к другому вопросу, который меня сильно занимал.

– Ну ладно, – говорю, – оставим это. Почему ты топтался?

– Топтался?

– Да.

– Когда?

– Да вот только что. У входа.

– Я не топтался.

– Топтался совершенно явственно. Твой вид привел мне на ум девицу, которая, я слышал на днях от Дживса, шагнула робкими стопами туда, где воды ручья сливались с речными волнами⁵. А когда я вошел следом за тобой, ты тут шушукался с продавцом, явно совершая какую-то тайную покупку. Что ты покупаешь, Сыр?

И под моим пронзительным взглядом он пошел на признание. По-видимому, понял, что дальше отпираться бесполезно.

– Кольцо, – признался он вдруг осипшим голосом.

– Что за кольцо? – продолжал я развивать давление.

– Обручальное, – выдавил он из себя, крутя пальцами и всячески демонстрируя, что загнан в угол и сознает это.

– Ты что, обручился?

– Да.

– Вот так так!

Я от души расхохотался, как всегда в таких случаях, но он хриплым голосом, напоминающим рык шакала в Скалистых горах, спросил, какого черта я раскудаhtался, и я тут же прекратил, как отрезал, дальнейшее веселье. Я всегда находил, что Сыр, если его раздражить, довольно страшен. Когда-то в Оксфорде я в минуту слабости, сбитый с толку дурными советчиками, вздумал было заняться греблей, а тренером при нас был как раз Чеддер по прозвищу Сыр. Мне до сих пор вспоминаются некоторые его высказывания насчет моего брюха, которое я, по его мнению, справедливому или нет – другой вопрос, выпячивал. Можно подумать, что волжским бурлакам и сплавщикам леса выпячивать живот строго запрещается.

– Я всегда смеюсь, когда слышу о чьем-нибудь обручении, – пояснил я мирно.

Это, похоже, его не размягчило – если я правильно употребляю это слово. Он продолжал пламенеть.

– У тебя есть возражения против моей помолвки?

– Нет, нет!

– Разве я не имею права обручиться?

– Ну, разумеется.

– Что значит «Ну, разумеется»?

Я и сам толком не знал, что значит «Ну, разумеется», может быть, просто «Ну, разумеется» и больше ничего? Все это я попытался ему втолковать, позаботившись о том, чтобы в моих речах звучала утешительная нота. Он вроде бы немного подобрел.

– От души надеюсь, что ты будешь очень, очень счастлив, – произнес я.

Он поблагодарил – правда, сдержанно.

– И девушка хорошая?

– Да.

Ответ без лирики, но мы, Вустеры, умеем читать между строк. Глаза его стали закатываться, лицо цветом и выражением уподобилось благоговейному помидору. Сразу видно, что человек влюблен, как сорок тысяч братьев⁶.

Тут мне пришла в голову одна мысль.

⁵ Аллюзия на стихотворение Г. Лонгфелло «Девичество» (1842).

⁶ Искан. слова Гамлета над могилой Офелии. У. Шекспир. «Гамлет». Акт 5, сц. 1.

– Это не Нобби? – уточнил я.

– Нет, Нобби помолвлена с Боко Фитлуортом.

– Неужели?

– Да.

– А я и не знал. Кажется, он мог бы мне сказать. Значит, Нобби и Боко охомутились?

– Да.

– Ну и ну. Я вижу, смеющийся бог любви хорошо потрудился в Стипл-Бампли и окрестностях.

– Да.

– Ни минуты простоя. Работа в две смены. А твоя нареченная тоже из тех мест?

– Да. Ее фамилия Крэй. Флоренс Крэй.

– Что-о?!

Это слово сорвалось у меня с языка с некоторым подвыванием, и в ответ он вздернул одну бровь. Наверное, каждый Ромео испытывает легкий шок, когда приятели начинают подвывать, услышав имя его возлюбленной.

– А в чем дело? – спросил он с некоторым напрягом.

Этот возглас с подвыванием вырвался у меня, естественно, от счастья и облегчения. Представляете, ведь если Флоренс связана узами с ним, тогда опасность, перед которой я трепетал, считай, больше надо мной не висит. Спиноза там или не Спиноза, но факт тот, что Бертрам выходит на свободу. Только разве ему это объяснишь?

– Да так, ни в чем, – отвечаю.

– Ты с ней знаком, что ли?

– Да, случалось встречаться.

– Она никогда о тебе не говорила.

– Неужели?

– Ни единого раза. Давно ты ее знаешь?

– Порядочно.

– Вы хорошо знакомы?

– Неплохо.

– Что именно ты подразумеваешь под словом «неплохо»?

– Ну, довольно хорошо. Достаточно хорошо.

– Как вы познакомились?

Меня начала разбирать тревога. Еще вопрос-другой, и он дознается, что его нареченная была некогда знакома с Бертрамом очень даже близко, гораздо ближе, как я уже упоминал, чем ему бы этого хотелось; а ни одного новоявленного жениха не обрадует известие, что в списке у своей избранницы он, оказывается, стоит не под первым номером. Ему бы хотелось услышать, что дама его сердца безвылазно сидела в башне у окна и проглядела все глаза в ожидании, когда он прискачет к ней на белом коне.

Ну и я стал лавировать как мог. Кажется, слово «лавировать» здесь подходит, но надо будет удостовериться у Дживса.

– Ее зверский папаша женился на моей ужасной тетке.

– То есть леди Уорпледсон – твоя тетка?

– А то!

– А раньше ты ее не знал?

– Знал вообще-то. Но слегка.

– Понятно.

Он продолжал всматриваться в меня, словно какой-нибудь следователь из ФБР, беседующий с подозреваемым, и признаюсь без стыда, что ручкой зонта смахнул со лба каплю холод-

ного пота. Тревога по-прежнему терзала меня не покладая рук, и даже не по-прежнему, а еще энергичнее.

Я осознал теперь то, что поначалу ускользнуло от моего взгляда: отнеся его к разряду Ромео, я ошибся в диагнозе. Правильнее было бы поставить его в один ряд с другим шекспировским героем – Отелло. Очевидно, наш старый приятель Сыр принадлежит к тем нервным женихам, которые рыщут по окрестностям, готовые в бешенстве выпустить кишки из любого жителя округа, которого, по их мнению, можно заподозрить в прошлом или настоящем знакомстве с предметом их обожания. И узнай он даже в самых общих чертах о том, что было между мной и Флоренс, как в нем сразу же проснется и ощерится свирепый пещерный человек.

– Я сказал «слегка» в том смысле, что мы были всего лишь знакомы.

– А-а, всего лишь знакомы?

– Всего лишь.

– Просто встречались раз или два?

– Вот именно. Ты это совершенно точно выразил.

– Понятно. Я спрашиваю, потому что мне показалось, будто тебе стало как-то не по себе, когда ты слышал о нашей помолвке.

– Мне всегда как-то не по себе, когда близится время обеда.

– Ты весь передернулся...

– Это у меня тик.

– И словно бы охнул. Как если бы это известие было тебе неприятно.

– Ну что ты!

– Ты уверен?

– Совершенно.

– Вы же были не более чем знакомы?

– Именно что не более.

– И все-таки странно, что она ни разу о тебе не упомянула.

– Ну ладно, я пошел, – переменял я тему и ушел.

Глава 4

Домой Бертрам Вустер возвращался грустный и озабоченный. К тому же еще ощущалась некоторая дрожь в коленках. Вышеописанная сцена потребовала от меня большой затраты нервной энергии, если я правильно выражаюсь, а на это уходит слишком много сил.

Поначалу от сообщения Сыра у меня действительно гора с плеч свалилась. Я и теперь, закатывая глаза к небу, продолжал возносить безмолвную хвалу Господу. Но мы, Вустеры, как правило, думаем не только о себе, и мысль о том, какая беда грозит этому человеку, наполнила меня под самую завязку ужасом и состраданием. Я понял, что настал момент срочно организовать движение «Спасем Чеддера по прозвищу Сыр». Хотя он мне и не совсем уж такой закадычный друг, как, скажем, Боко Фитлуорт, но все-таки надо же иметь жалость. Я помнил, каково мне было, когда надо мной нависла реальная опасность, что Флоренс Крэй поведет меня к алтарю.

Как он до этого докатился, мне не надо было объяснять. Первопричина состояла в его идиотском стремлении усовершенствовать свою душу, именно оно привело его к мученическому концу. Таких флегматичных здоровяков, как он, обычно притягивают высоты духа.

В деле усовершенствования души все зависит от того, что Дживс называет психологией индивидуума, одни к этому склонны, другие – наоборот. Взять, например, меня. Я бы не сказал, что у меня такая уж великолепная душа, но какая есть, она меня вполне устраивает, я вовсе не хочу, чтобы кто-нибудь совался ее усовершенствовать. «Не прикасайтесь, – говорю я. – Оставьте мою душу в покое. Она мне как раз впору».

Другое дело Сыр. Остановите его на улице и предложите впрыснуть ему в душу духовного витамина – вы найдете в нем восприимчивую аудиторию и последователя, готового испробовать на себе любое средство. Флоренс, должно быть, показалась ему самым подходящим для этого средством, и, наверное, он с удовольствием листал «Типы этической теории», находя, что им как раз место в солдатском ранце на марше.

Но возникает вопрос – и от этой мысли борозды ложатся на чело, – надолго ли его хватит? Я хочу сказать, допустим, теперешнее положение ему нравится, но представьте себе, в один прекрасный день он присмотрится к своей душе, увидит, насколько она усовершенствовалась, и скажет: «Чудно. Хорошего понемножку. На этом поставим точку». И тут-то обнаружится, что он навеки связан по рукам и ногам с особой, у которой никакой точки даже в мыслях нет. От этой несчастной доли, иногда именуемой «горьким пробуждением», мне и захотелось его спасти.

Как это сделать, конечно, с ходу не скажешь. Многие на моем месте попросту бы развели руками. Но у меня в то утро голова работала, как электропила, а от двух доз горячительного, принятых у «Боллинджера», мысль простреливала все навылет. И к тому моменту, когда я поворачивал ключ в замке своей двери, я уже нащупал ответ. Надо написать экстренное письмо Нобби Хопвуд, все ей представить как есть и попросить, чтобы она отвела Сыра в сторонку и растолковала, что ему угрожает. Ведь Нобби, рассудил я, знает Флоренс с детских лет, так что ей и карты в руки.

Но все-таки на всякий случай, чтобы она ничего не упустила, я в письме аккуратно перечислил все пороки Флоренс не только как будущей жены, но и вообще как человека. В это письмо я вложил всю душу и с приятным чувством выполненного долга и сделанного доброго дела сбегал на угол, где опустил его в почтовый ящик.

По возвращении я нашел Дживса снова на посту. Он справился со своими делами и занимался чем-то по хозяйству в столовой. Я его кликнул, он явился.

– Дживс, – говорю я ему, – вы помните мистера Чеддера, который заходил сегодня утром?

– Да, сэр.

- Я встретил его только что, он покупал обручальное кольцо. Он теперь жених.
- Вот как, сэр?
- Да. И знаете чей? Леди Ф. Крэй.
- В самом деле, сэр?

Мы с ним обменялись многозначительным взглядом. Вернее, двумя многозначительными взглядами: я на него бросил один взгляд, а он на меня – второй. В словах не было нужды. Дживс превосходно знает все подробности взаимоотношений Вустер – Крэй, в тот ответственный период моей жизни он неотлучно находился рядом со мной. Собственно, как я уже писал выше в этих анналах, он-то и вызволил меня тогда из переделки.

- И что особенно больно, Дживс, он вроде бы даже рад этому.
- Вот как, сэр?

– Да, представьте. Скорее доволен, чем наоборот, так мне показалось. Это мне напомнило стихотворение: «Смотрите, как они та-там, та-ра та-ра та-ра-ра», и так далее. Вы, наверное, помните, как там дальше?

- «Увы, не ведая судьбы, несчастные резвятся»⁷, сэр.
- Вот-вот, Дживс. Печальный случай.
- Да, сэр.

– Его необходимо спасти от его собственной глупости, и, к счастью, я уже держу это дело под контролем. Я предпринял нужные шаги и теперь ожидаю благополучного исхода. А теперь, – обратился я к следующему пункту в повестке дня, – расскажите мне про дядю Перси. Вы виделись с ним?

- Да, сэр.
- Просит совета и подмоги?
- Да, сэр.

– Я так и знал! И в чем дело? Шантаж? Хочет, чтобы вы выкрали компромат у водородной блондинки? Угодил в сети какой-то сообразительной авантюристки?

- О нет, сэр. Я не сомневаюсь, что личная жизнь его сиятельства безупречна. Я взвесил его слова в свете известных фактов.

– Ну, я в этом не так уж уверен. Зависит от того, что понимать под безупречностью. Как-то раз он гонял меня целую милю, весьма метко орудуя охотничьим хлыстом. И притом именно тогда, когда я, выкурив до половины первую в жизни сигару, особенно нуждался в отдыхе и покое. На мой взгляд, человек, способный на такое, далеко не безупречен, а способен на любую подлость. Если не шантаж, так в чем же там дело?

- Его сиятельство оказался в несколько затруднительном положении, сэр.
- Чего ему надо?

Дживс ответил не сразу. Лицо у него сделалось каменным, в глазах появилось настороженное, некоммуникабельное выражение, как бывает у попугая, когда его угощает половинкой банана незнакомый человек, не внушающий ему полного доверия. Понимай, мол, так, что он, то есть Дживс, не из тех, которые выдают чужие секреты. Я поспешил успокоить его на этот счет:

- Вы же знаете меня, Дживс. Нем, как могила.
- Это большой секрет, сэр. Важно, чтобы дальше никуда не пошло.
- Да у меня его дикие кони не вырвут. Даже если бы попытались, что вряд ли.
- Ну хорошо. Его сиятельство уведомил меня, что он находится в завершающей стадии заключения контракта по чрезвычайно тонкому и важному делу.
- И он хочет, чтобы вы проверили, нет ли в договоре подводных камней?
- Не совсем так, сэр. Но он желал, чтобы я дал ему совет.

⁷ Берти с Дживсом цитируют стихотворение Т. Грэя «Вид издали на Итонский колледж» (1742).

- К вам все обращаются за советами, Дживс, все, от великих до ничтожных.
- Благодарю вас за добрые слова, сэр.
- А не говорил он, что это за чрезвычайно тонкое и важное дело?
- Нет, сэр. Но все читают газеты.
- Я, например, не читаю.
- Вы не изучаете финансовые новости, сэр?
- Даже не заглядываю в них.

– В финансовых разделах сейчас уделяют много места сообщениям о предстоящем слиянии паровой компании его сиятельства «Розовая труба» со столь же влиятельной фирмой в Соединенных Штатах Америки, сэр. Именно на этот контракт его сиятельство намекал в завуалированной форме.

Известие это не произвело на меня сногсшибательного впечатления.

- Два паровых магната решили встать в одну упряжку?
- Выходит, так, сэр.
- Ну и дай им бог удачи.
- Да, сэр.
- Имеют право.
- Вот именно, сэр.
- А в чем проблема?

– Возникла довольно затруднительная ситуация, сэр. Дело достигло той стадии, когда его сиятельству необходимо лично встретиться для обсуждения с господином, ведущим переговоры от лица американской компании. В то же время очень важно, чтобы никто не видел его в обществе этого американца, иначе в Сити сразу сочтут, что вопрос уже решен окончательно, и это моментально отразится на курсах акций обоих концернов.

Тут для меня забрезжил некоторый свет. В другие дни с утра после какой-нибудь пирушки или попойки в «Трутнях» у меня бы от таких материй только голова разболелась. Но в то утро, как я уже говорил, я соображал на редкость ясно.

- То есть они поднимутся?
- Резкий подъем неизбежен, сэр.
- И дядю Перси такой оборот дел не устраивает?
- Нет, сэр.

– Потому что он рассчитывает скупить весь пакет до того, как вмешается тысячеголовое чудовище – толпа и испортит рынок?

- Именно так, сэр. Rem acu tetigisti.
- Рем – что?

– ...аку тетигисти, сэр. Латинское выражение. Буквально означает: «Ты коснулся сути иглой», но в более вольном переводе...

- Самое оно?
- Совершенно точно, сэр.

– Теперь я все понял. Вы мне разъяснили ситуацию. Попросту говоря, два старых стервятника решили сговориться между собой по секрету от всех, для чего им требуется тайное укрытие.

– Именно так, сэр. Надо иметь в виду, что за передвижениями обоих джентльменов неотступно следят представители финансовых изданий.

- Надо полагать, что в мире коммерции такие темные дела творятся постоянно?
- Да, сэр.
- Остается только посочувствовать.
- Да, сэр.

– Правда, непонятно, зачем дяде Перси еще больше обогащаться. У него и так денег навалом. Но, учитывая то обстоятельство, что он мне родственник, пусть и не по крови, все же мне следует, по-видимому, принять его сторону. Ну и как, вы что-нибудь придумали?

– Да, сэр.

– Я так и знал.

– Я подумал, что тайную встречу они могли бы незаметно устроить в какой-нибудь затерянной деревенской избушке.

Я поразмыслил над его словами.

– То есть в доме у сельского жителя?

– Вы верно меня поняли, сэр.

– Мне не особенно нравится эта идея, Дживс. По-моему, вы теряете хватку.

– Сэр?

– Ну, например, такое соображение против: как вы обратитесь к этому сельскому жителю, совершенно незнакомому человеку, с просьбой, чтобы он позволил вашим приятелям составлять заговор под его крышей?

– Необходимо, разумеется, чтобы хозяин помещения, где это будет происходить, знал его сиятельство.

– Вы хотите сказать, что это должен быть знакомый дяди Перси?

– Безусловно, сэр.

– Но, Дживс, дорогой мой друг, неужели вы не понимаете, что от этого будет только еще хуже? Задействуйте свою знаменитую голову. В этом случае хозяин сразу же скажет себе: «Эге! Старина Уорплесдон затевает какие-то шашни с неизвестными личностями! С чего бы это, а? Не иначе как заключается сделка о слиянии, про которую так много писали». Тут он выскакивает из дома, бежит звонить своему брокеру и велит, чтобы тот немедленно начал скупать соответствующие акции и не переставая скупал их до полного посинения. В результате все тщательно выпестованные планы дяди Перси рушатся, и он сидит с носом, злой как черт. Вы понимаете мою мысль, Дживс?

– Вполне, сэр. Я не упустил из виду такую возможность. Разумеется, обитателем избушки должен быть джентльмен, которому его сиятельство полностью доверяет.

– Кто, например?

– Ну, например, вы, сэр.

– Но... простите за прямоту, однако я вынужден в ваших же интересах открыть вам глаза... у меня ведь нет никакой избушки.

– Она может быть, сэр.

– Дживс, я вас не понимаю.

– Его сиятельство отдает в ваше распоряжение один из своих домиков, сэр. Он предписал мне передать вам, чтобы вы завтра же отправлялись в Стипл-Бампли...

– В Стипл-Бампли!

– ...где вас ждет небольшое, но комфортабельное жилище, вполне готовое к немедленному заселению, расположенное в живописном месте неподалеку от реки...

Одного упоминания про реку мне было достаточно, чтобы представить себе, что именно произошло. Во всем Центральном районе Лондона едва ли найдется с десяток людей, которых было бы труднее обвести вокруг пальца, чем Бертрама Вустера, когда он с утра в хорошей форме, а я в то утро был в великолепной форме, дальше некуда. И я разгадал коварный заговор.

– Дживс, – говорю я, – вы поступили со мной подло.

– Мне очень жаль, сэр, но я не видел для его сиятельства иного выхода. Не сомневаюсь, что, когда вы увидите этот домик своими глазами, ваше предубеждение против Стипл-Бампли будет преодолено. Конечно, сам я его не видел, но, по словам его сиятельства, он снабжен всеми

современными удобствами и имеет одну просторную спальню для хозяина, одну прекрасно обставленную гостиную, водопровод с подачей как холодной, так и горячей воды...

– И все хозяйственные помещения, – заключил я язвительно.

– Да, сэр. Кроме того, вы окажетесь в непосредственном соседстве с мистером Фитлуортом.

– А вы – в непосредственном соседстве с вашими любимыми рыбами.

– Кстати, да, сэр. Об этом я не подумал, но вы и тут совершенно правы. Я бы с превеликим удовольствием посвящал ужению рыбы мгновения досуга, пока мы будем жить в «Укромном уголке».

– Как, вы сказали, этот домик называется? «Укромный уголок»?

– Да, сэр.

Я набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул через ноздри.

– Так вот, слушайте, что я вам скажу, Дживс. Ничего этого не будет. Вы поняли? НЕ БУДЕТ. Я ни за что не соглашусь, чтобы мною, это самое, как это говорится?

– Сэр?

– Ма-ни-пу-лировали, вот как! Ничего себе словечко! В три фута длиной.

– Если позволите, сэр, я могу...

– Бог с ним, Дживс. Сейчас не время пересчитывать буквы и футы. А если вернуться к прежней теме, то я полностью, решительно и бесповоротно отказываюсь ехать в Стипл-Бампли.

– Разумеется, сэр, вы имеете бесспорное право действовать по своему усмотрению, но...

Он не договорил и только потер подбородок. Я его понял.

– Но дядя Перси, возможно, меня не одобрит, хотите вы сказать?

– Да, сэр.

– И передаст вопрос на рассмотрение тети Агаты?

– Вот именно, сэр. А ее сиятельство, будучи во гневе, способна внушить ужас.

– Ваша правда, Дживс, – упавшим голосом произнес я. – Ладно. Складывайте вещи.

Глава 5

Справедливо замечено теми, кто пользуется привилегией близкого знакомства с Бертрамом Вустером, что его в первую голову отличает умение держать удары судьбы и довольствоваться тем, что имеешь. Поверженный, как говорится, наземь, он вновь встает, не то чтобы прямо-таки чирикавая, как огурчик, но все же гораздо бойчее, чем можно ожидать, и тут же принимается высматривать у тучки светлую изнанку.

Пробудившись на завтра и спросонья нажимая на звонок, чтобы получить утреннюю чашку чаю, я заметил, что хотя по-прежнему смотрю в будущее с опаской, однако же не так жестоко угнетен, как накануне вечером. По коже все еще вприпрыжку бежали мурашки при мысли о том, как я попаду в зону влияния дяди Перси и его присных, но мне удалось углядеть в положении вещей одно сравнительно светлое пятно.

– Мне кажется, вы упомянули, Дживс, – заметил я по этому конкретному поводу, когда он вошел с чаем на подносе, – что тети Агаты не будет в Стипл-Бампли к моменту нашего торжественного прибытия?

– Да, сэр. Ее сиятельство предполагает некоторое время отсутствовать.

– Если она намерена побыть с юным Томасом, пока его окончательно не откачают от свинки, то очень может статься, что я с ней вообще не пересекусь.

– Вполне вероятно, сэр.

– Уже неплохо.

– Да, сэр. И я рад сообщить вам еще одно приятное известие. Вчера во время своего визита сюда мисс Хопвуд упомянула вскользь о костюмированном бале, который должен состояться в Ист-Уайбли, ближайшем городе от Стипл-Бампли. Вы сможете принять в нем участие, сэр.

– Непременно, – согласился я, так как способен переплясать любого Фреда Астера⁸, а что до карнавалов, то это мое самое любимое развлечение. – Когда начало?

– Завтра вечером, как я слышал, сэр.

– Прекрасно! Мои горизонты посветлели. Сейчас позавтракаю и пойду куплю себе маскарадный костюм. Синдбад-мореход, как по-вашему, годится?

– По-моему, ничего не может быть лучше, сэр.

– Не забыть только рыжую бороду к нему.

– Обязательно, сэр. Без бороды никак нельзя.

– Если вы уже упаковали большой чемодан, можно будет запихнуть маскарадный костюм в маленький.

– Очень хорошо, сэр.

– Мы поедем, конечно, на автомобиле.

– Может быть, будет лучше, сэр, если я приеду следом на поезде.

– Нельзя ли не так высокомерно, Дживс? Это не по-компанейски.

– Я упустил сообщить вам, сэр, что звонила мисс Хопвуд. Она интересовалась, не захватите ли вы ее в автомобиль. И я, полагая, что это соответствует вашему желанию, взял на себя смелость выразить от вашего имени согласие.

– Понятно. Да, я не против.

– Звонила также ее сиятельство.

– Тетя Агата?

– Да, сэр.

⁸ Фред Астер (1899–1987) – прославленный танцор, звезда Голливуда.

– Надеюсь, никаких глупостей, что, мол, она раздумала спланировать вокруг юного Томаса?

– О нет, сэр. Она просто просила передать вам ее пожелание, чтобы вы по пути в Стипл-Бампли заехали в ювелирный магазин «Эспиналь» и забрали брошь, которую она там вчера купила.

– Да? А почему именно я? – спросил я не без язвительности, так как меня раздражает неумение этой родственницы различать, где ее племянник, а где мальчик на посылках.

– Насколько я понял, брошь предназначена в подарок леди Флоренс, отмечающей сегодня день своего рождения. Ее сиятельство желает, чтобы вы лично передали эту вещицу по назначению, ибо, если действовать обычным путем, подарок попадет в руки юбилярши по прошествии знаменательной даты.

– Иначе говоря, по почте он вовремя дойти просто не успеет?

– Вот именно, сэр.

– Понятно. Это может быть.

– Ее сиятельство была не вполне уверена, что вы сумеете благополучно выполнить ее поручение...

– Вот еще!

– ...но я заверил ее в том, что вам это вполне под силу.

– Хо! – обиженно произнес я в ответ и задумался, держа перед глазами кусочек сахара на ложечке. – Так, значит, сегодня день рождения леди Флоренс? Это ставит передо мной деликатный вопрос, в связи с которым я был бы рад услышать ваше мнение. Следует ли мне со своей стороны тоже подкинуть что-нибудь?

– Нет, сэр.

– В этом нет нужды, вы считаете?

– Нет, сэр, после всего, что произошло.

Я обрадовался. Понимаете, при всем желании безотказно быть на высоте галантности, подарки – это дело очень тонкое, получательницы часто истолковывают их не так, как следует. После Спинозы и «Сплина» самый пустяковый флакон духов мог бы придать моей неотразимости такую силу, что эта стерва, глядишь, еще задумает отставить Чеддера и обратить глаза в другую сторону.

– Ну что ж. Верю вам на слово, Дживс. Значит, никаких подарков для очаровательной Ф. Крэй.

– Никаких, сэр.

– Но раз уж речь зашла на эту тему, Дживс, нам в скором времени понадобится подыскать подарок для юной Хопвуд.

– Сэр?

– Свадебный. Она взяла и обручилась с Боко Фитлуортом.

– Вот как, сэр? От души желаю молодой леди и джентльмену всяческого счастья.

– Отлично сказано, Дживс. Я тоже. Этот брачный сговор, замечу сразу же, я полностью одобряю, что бывает далеко не во всех случаях, когда я слышу о помолвке старого друга.

– Да, сэр.

– Очень часто при этом меня подмывает – например, сейчас в отношении бедняги Сыра – ухватить жениха зубами за брюки и оттащить прочь от опасности, как верные псы оттаскивают своих хозяев от края пропасти в безлунную, темную ночь.

– Да, сэр.

– Но тут у меня не возникает ни малейших опасений. Обе договаривающиеся стороны сделали наилучший выбор, так что я с легким сердцем приобрету набор вилок для рыбных блюд. Больше того, я даже согласен, если надо, быть шафером и произнести спич на свадебном завтраке, а дальше уж, кажется, некуда.

– Это верно, сэр.

– Ну, хорошо, Дживс, – сказал я, откидывая одеяла и вставая с одра сна. – Запускайте яичницу с беконом, через минуту я буду с вами.

Позавтракав и выкурив успокаивающую сигарету, я вышел на простор, так как у меня была с утра уйма дел. Я заглянул в «Эспиналь» и получил брошку, затем устремился на Ковент-Гарден в заведение «Братья Коген», пользующееся славой среди посвященных как Мекка для покупателей самых лучших маскарадных костюмов. Там мне, к счастью, смогли предложить нужного мне Синдбада, последний оставшийся костюм, а в близлежащем магазине театральных париков я получил великолепную рыжую бороду и тем самым был полностью укомплектован.

Возвратясь восвояси, я обнаружил уже стоящий у дверей автомобиль, из багажного отделения которого выглядывал недвусмысленно женский чемодан. А это означало, что Нобби на месте, и действительно, как я и ожидал, она сидела в гостинной и потягивала из стакана освежающее питье.

Поскольку со дня нашей последней встречи прошло изрядно времени, естественно, сразу же начались разные ужимки и прыжки и взаимное панибратство. Затем я, в свою очередь сглотив порцию освежающего, повел ее к автомобилю и загрузил на сиденье. Чемоданчик с Синдбадом Дживс, согласно моим указаниям, устроил под передним сиденьем, чтобы я лично за ним приглядывал, и все было готово к отплытию. Я нажал на стартер, мы двинулись в путь, а Дживс остался на тротуаре, провожая нас взглядом, точно архиепископ, благословляющий паломников. Весь вид его выражал готовность вскорости последовать поездом в сопровождении тяжелого багажа.

Хотя мне и жаль было расставаться со своим надежным помощником, чье общество и разговор так возвышают душу и наставляют ум, но все-таки я радовался, что оказался с Нобби один на один. Мне хотелось услышать из первых уст все сведения о предстоящем союзе. Обе договаривающиеся стороны входили в круг моих самых близких друзей, и весть об их помолвке меня странным образом растрогала.

Я не из тех, кто болтает на улицах за рулем автомобиля, и, пока мы не вырвались из городской толчеи на простор, я хранил каменное безмолвие, не разжимая губ и не отводя взора от дороги. Только когда мы уже катили по Портсмутской дороге и не наблюдалось больше никаких помех для разговора, я приступил к делу.

Глава 6

– Так, значит, вас с Боко поманили флердоранжевые кущи? – начал я. – Я узнал об этом вчера от Сыра и пришел в большое волнение.

– Но ты же одобряешь?

– Полностью. Превосходная мысль, на мой взгляд. По-моему, вы оба сделали верный выбор, и давайте жмите дальше в том же направлении. Я всегда считал тебя отличным малым.

Она поблагодарила за лестный отзыв, а я заверил ее, что она его заслуживает.

– А что до Боко, – продолжал я, – то таких, как он, вообще раз-два и обчелся. Я мог бы порассказать тебе немало в доказательство того, что ты поставила на победителя.

– Мне не надо доказывать.

Голос ее звучал так нежно и томно, совсем как у курицы, квохчущей над снесенным яйцом, сразу видно, что относительно нее Купидон свои обязанности выполнил. Я крутанул руль, чтобы избежать столкновения с проходящей собакой, и вновь обратился к своему вопросу. В таких делах я всегда стараюсь уяснить все подробности.

– Как давно вы сговорились?

– Примерно неделю назад.

– Но ты еще раньше чувствовала, что к тому идет?

– О да. Сразу, как мы познакомились.

– Когда именно?

– В конце мая.

– Значит, это любовь с первого взгляда?

– Да.

– С его стороны тоже?

– С его стороны тоже.

Можно без труда понять, как Боко с первого взгляда влюбился в Нобби, ведь Нобби – замечательная девушка, щедро одаренная всевозможными достоинствами. Но как могла она с первого взгляда влюбиться в Боко, это выше моего разума. При первом взгляде на Боко вашим глазам открывается субъект с лицом ученого попугая, одетый к тому же, как принято среди высокообразованной молодежи, на манер бродячего велосипедиста – в свитер с воротом под горло и в серые фланелевые брюки с заплатой на колене, что создает общее впечатление чего-то такого, что провалилось ночью под дождем в мусорном баке. Единственный случай, когда мне довелось наблюдать Дживса по-настоящему ошарашенным, это при первом знакомстве с Боко. Бедняга вздрогнул, отшатнулся и на подкашивающихся ногах побрел в кухню, наверняка чтобы подкрепиться там кулинарным хересом.

Я описал Нобби этот случай, и она сказала, что да, конечно, она понимает.

– Можно было бы подумать, что он из тех, к кому привязываешься постепенно, со временем, а прежде надо привыкнуть, да? Представь себе, ничего подобного! Было одно мгновение сначала, когда у меня мелькнула мысль, что все это мираж, а потом – ба-бах! – точно громом ударило.

– Прямо вот так, моментально?

– Да.

– И он реагировал таким же образом?

– Таким же.

– Ну, тогда я чего-то недопонимаю. Ты сказала, вы познакомились в мае, а сейчас у нас июль на дворе. Почему же у него так много времени ушло на ухаживание?

– Он вообще-то не то чтобы ухаживал за мной.

– Что значит: вообще не то чтобы ухаживал? Либо ухаживают за девушкой, либо не ухаживают. Третьего пути не дано.

– Были причины, по которым он не мог дать себе волю.

– Ты говоришь загадками, юная Нобби. Однако же ладно, как бы там ни было, но в конце концов он все же уладил это дело. Когда же зазвонят колокола в деревенской часовенке?

– Не знаю, будет ли это когда-нибудь.

– Как ты сказала?

– Дядя Перси, видимо, полагает, что нет.

– Не понимаю...

– Он не одобряет нашу помолвку.

– Что?!

Я был поражен. Мне даже подумалось, не шутит ли она. Однако, приглядевшись попристальнее, я заметил плотно сжатые губы и затуманенное чело. Эта юная Хопвуд в обычном состоянии – синеглазая малявка с оживленной рожцей. Но сейчас рожца, о которой идет речь, была вся перекошена мукой, словно ее хозяйка проглотила тухлую устрицу.

– Ты это всерьез?

– Всерьез.

– Ну и ну! – воскликнул я.

Потому что дело это было непростое. Нобби, как я уже говорил, находилась под опекой. И обычно, насколько я понимаю, когда девушку А помещают под опеку господина Б, в контракт включают условие, что не может быть никаких разговоров о ее замужестве без согласия ответственного лица до достижения ею двадцатиоднолетнего, или сорокаоднолетнего, или еще уж не знаю какого возраста. Так что, если у дяди Перси действительно имелся антибоковский комплекс, за ним оставалось полное право закрыть всю лавочку бестрепетной рукой.

– Но почему? Я не понимаю. Помешался он, что ли? Боко Фитлуорт среди нас – один из самых завидных женихов. Зарабатывает своим пером кучу денег. Его писания встречаются повсеместно. Эта его пьеса, что шла в прошлом сезоне, имела немалый успех. А на днях в «Трутнях» я слышал, что его приглашают в Голливуд. Это правда?

– Правда.

– Ну, вот видишь.

– Все это так, я знаю. Но ты упускаешь из виду, что дядя Перси принадлежит к тем людям, которые с подозрением относятся к писателям. Он сомневается в их платежеспособности. Он всю жизнь занимается бизнесом и не представляет себе, что у кого-то еще, кроме бизнесмена, могут быть деньги.

– Да, но Боко без пяти минут знаменитость. В «Сплетнике» была опубликована его фотография.

– Верно, но дядя Перси считает, что писательский успех сегодня есть, а завтра улетучился без следа. Может быть, сегодня у Боко дела и в порядке, но дядя считает, что в любой момент его заработки могут прекратиться. И представляет себе, как через год или два ему придется вытаскивать Боко из очереди за бесплатным супом для безработных, да еще потом всю жизнь содержать его и меня и полдюжины маленьких Фитлуортиков. Ну и потом, он вообще с самого начала был предубежден против Боко.

– Из-за брюк?

– Отчасти, может быть, и из-за брюк.

– Глупости. Боко – писатель. Дядя Перси должен бы знать, что писателям позволяет многое из того, что запрещается другим. И кроме того, хотя я и не хотел бы, чтобы это слышал Дживс, но брюки – это еще не все.

– Но настоящая причина в том, что он считает Боко мотыльком.

Я окончательно перестал ее понимать. Она меня совершенно запутала. В жизни своей не встречал человека, так мало похожего на мотылька, как старина Боко.

– Как это – мотыльком?

– Ну да, которые порхают с цветка на цветок и лакомятся сладким нектаром.

– А дядя Перси не любит мотыльков?

– Тех, что порхают и лакомятся, – нет.

– Откуда ему могло взбрести в голову, что Боко из тех, что порхают и лакомятся?

– Понимаешь, когда он только появился в Стипл-Бампли, он был обручен с Флоренс.

– Что-о?

– Это она настояла на том, чтобы он там поселился. Вот что я имела в виду, когда сказала, что он не мог, как ты говоришь, по-настоящему, с полным размахом ухаживать за мной с самого начала. Помолвка с Флоренс немного связывала ему руки.

Я был изумлен. Я чуть было не переехал курицу от волнения.

– Помолвка с Флоренс? Он мне об этом не рассказывал.

– Вы ведь довольно давно не виделись.

– Да, это верно. Ну, знаешь ли! А ты слышала, что я тоже был одно время помолвлен с Флоренс?

– Конечно.

– А теперь она помолвлена с Сыром.

– Да.

– Надо же, какие чудеса. Необъяснимо, вроде великого переселения народов, о котором пишут в учебниках.

– Наверное, это из-за ее профиля. У нее красивый профиль.

– Если смотреть слева.

– И справа тоже.

– Д-да, пожалуй, справа до некоторой степени тоже. Но исчерпывающее ли это объяснение? По-моему, в наш занятой век невозможно постоянно виться вокруг женщины так, чтобы всегда смотреть на нее сбоку. Я все же нахожу загадочным это стремление половины человечества обручаться с Флоренс. Значит, вот почему дядя Перси холоден к Боко?

– Ледовит.

– Ясно. Его точку зрения можно понять. Ему не нравится такое перескакивание. Вчера Флоренс, сегодня ты. Он считает, что ты – просто еще один цветок, на который Боко перепорхнул с целью полакомиться нектаром.

– Наверное.

– И вдобавок он еще сомневается в его финансовых возможностях.

– Да.

Я задумался. Если дядя Перси в самом деле считает Боко мотыльком, способным в любой миг пойти по миру, – это для юных грез любви крупная неприятность. Я хочу сказать, и в богатом-то мотыльке нет ничего хорошего. Но он, по крайней мере, сам платит за квартиру. С каким же отвращением должен относиться человек старой консервативной закалки к тому, от кого вполне можно ожидать, что он всю жизнь будет являться к нему за подачками.

Но тут со свойственным Вустерам умением видеть светлую сторону я сообразил, что еще не все потеряно.

– С какого возраста ты имеешь право выйти замуж без дядиной резолюции?

– С двадцати одного года.

– А сейчас тебе сколько?

– Двадцать.

– Ну вот! Я знал: если взглядеться попристальнее, то увидишь, что солнце по-прежнему сияет. Надо подождать всего год – и нет проблем.

– Да. Но Боко через месяц уезжает в Голливуд. Не знаю, какого мнения ты об избраннике моего сердца, но, на мой любящий, внимательный взгляд, у него не такой характер, чтобы его можно было выпустить в Голливуд без жены, которая могла бы отвлекать его внимание от местной фауны.

Эти слова неприятно поразили меня, и в ответ я запустил в нее беспощадный крученный мяч:

– Без полного доверия не бывает взаимной любви.

– Кто это тебе сказал?

– Не знаю, наверное, Дживс. Изречение в его духе.

– Так вот, Дживс ошибается. Очень даже бывает взаимная любовь без полного доверия, имей это в виду. Я люблю Боко до безумия, но от одной мысли, что он уедет в Голливуд, а я останусь, меня просто оторопь берет. Сознательно он, конечно, меня не предаст. У него это как бы само получится. В одно прекрасное утро я получу покаянную телеграмму с известием, что накануне вечером он каким-то непонятным образом случайно женился, и как я думаю, что теперь делать? Такая уж у него, у моего хорошего, импульсивная натура. Ответить «нет» он просто не способен. Так он, должно быть, и с Флоренс тогда обручился.

Я задумался, нахмутив брови. Действительно, после ее разъяснений положение уже не казалось мне таким простым.

– Как же быть, по-твоему?

– Не знаю.

Я нахмурился вторично:

– Надо что-то предпринять.

– Но что?

Тут мне пришла в голову ценная мысль. У нас, Вустеров, часто так бывает. Кажется, попал в беспросветный тупик, а потом вдруг – раз! – и осенило.

Я сказал:

– Предоставь все мне.

Я просто-напросто сообразил, что, поселяясь ради дядюшки Перси в «Укромном уголке», я оказываю ему крупную услугу, и, если только он не совсем уж неблагодарное чудовище, ему придется отплатить мне добром за добро. Я без труда представил себе, как он жмет мне руку и говорит, что благодаря мне контракт удалось заключить и теперь я могу просить у него что угодно, он ни в чем мне не откажет.

– Тут, – сказал я, – потребуется тактичное вмешательство безупречно светского человека, сладкоречивого оратора, который, отозвав дядю Перси в сторону, замолвит за вас словечко, смягчит его сердце и уговорит взглянуть на вещи шире и разумнее. Это я беру на себя.

– Ты?

– Я самый. Все будет сделано в ближайшие день-два.

– О, Берти!

– Мне приятно оказать тебе помощь. Можно ожидать положительных результатов. Надеюсь, что он будет в моих руках подобен этому, как его, струнному инструменту.

Нобби выказала горячий девичий восторг:

– Берти, ты душка!

– Возможно. В какой-то мере.

– Ты чудесно придумал. Ведь ты так давно знаешь Боко.

– Практически с рождения.

– И ты столько хорошего можешь про него рассказать. Бывало в детстве, что он спасал тебе жизнь?

– Что-то не припомню.

– Можно ведь сказать, что бывало.

– Думаю, не стоит. Дядя Перси относился ко мне в этом возрасте без особой нежности. Ему бы, наверное, приятнее было услышать, что Боко в детстве неоднократно пытался меня укокошить. Ладно, все равно, предоставь это мне. Я найду подходящие слова.

Все это время, естественно, мой спортивный автомобиль знай себе катил по направлению к Стипл-Бампли, держа стрелку спидометра на шестидесяти или около. И вот теперь Нобби известила меня, что мы приближаемся к цели.

– Вон те высокие трубы за деревьями – это «Бампли-Холл». А видишь, просека отходит влево? Тут свернуть, и скоро будет домик Боко. А твой на полмили дальше, там будет еще поворот. Ты вправду поговоришь с дядей Перси?

– Не сомневайся.

– Не струсил?

– Никогда.

– Хотя не исключено, что твое вмешательство не понадобится. Понимаешь, я подумала, что дяде Перси и Боко надо поближе познакомиться, тогда, может быть, дядя Перси его полюбит. И хотя это было непросто, я устроила так, чтобы сегодня дядя пришел к Боко обедать. Очень надеюсь, что обед прошел благополучно. Все зависит от того, как Боко себя вел. До сих пор, встречаясь с дядей, он всегда держался ужасно скованно. Я со слезами на глазах умоляла его дать себе волю, быть остроумным и непринужденным, и он обещал, что постарается. Так что я надеюсь на лучшее.

– Я тоже, – сказал я и, если память мне не изменяет, похлопал ее по руке. Затем, подъехав к «Бампли-Холлу», выгрузил ее и еще раз заверил, что, даже если у Боко за обедом выйдет осечка с обаянием, я позабочусь о том, чтобы дело кончилось благополучно. После чего, жизнерадостно махнув рукой на прощание, дал задний ход, развернулся и поехал по указанной ею просеке.

Но к этому времени вследствие нашего долгого разговора у меня появилась вполне ощутимая жажда и возникла мысль, несмотря на вполне естественное нетерпение поскорее занять свою квартиру, что надо бы все же по пути остановиться у Боко, чтобы он выставил необходимый утолител. Увидев белый домик над рекой, я предположил, что это как раз и есть Боково обиталище, ведь, согласно указаниям Нобби, я должен по пути в «Укромный уголок» проехать мимо него.

Я остановился на траверсе и, заметив сбоку распахнутое окно, приблизился и свистнул.

Сиплый возглас, раздавшийся в ответ, и небольшая фарфоровая фигурка, пролетевшая у самого моего уха, послужили мне знаком того, что мой старый друг находится дома.

Глава 7

Фарфоровая фигурка на лету едва не врезала мне по уху, я непроизвольно вскрикнул: «Ой!» – и словно в ответ на мой возглас в окне показался Боко. Волосы у него были всклокочены, физиономия покраснелась – по-видимому, от занятий литературой. Вообще, как я уже говорил, этот литературный деятель внешне напоминает помесь циркового клоуна с попугаем, которого протащили хвостом вперед сквозь колючую изгородь; но особенно непрезентабельный вид у него бывает за работой. Естественно, я предположил, что прервал его в самом невыгодном месте посередине главы.

Сначала сквозь очки в роговой оправе он устремил на меня пламенный, испепеляющий взор, но, когда пригляделся и узнал меня, пламя за стеклами погасло и сменилось недоумением.

– Господи, Берти! Это ты?

Я подтвердил, что да, это действительно я, а он извинился за то, что швырялся в меня фарфоровыми предметами.

– Зачем ты кричал, как малая ушастая сова? – укоризненно сказал Боко. – Я решил, что это юный Эдвин. Он пробирается сюда тайными тропами, чтобы оказать мне какую-нибудь добрую услугу, и всегда оповещает о своем присутствии криком малой ушастой совы. Я постоянно держу под рукой на столе боеприпасы. Откуда ты, чертяка, взялся?

– Из нашей древней столицы. Только что приехал.

– Мог бы догадаться выслать телеграмму. Я бы заколол упитанного тельца.

Было ясно, что у него сложилось ошибочное представление.

– Я не к тебе приехал, – уточнил я. – Я сам расположился тут поблизости в небольшом домике, который находится дальше по этой дороге, как мне сказали.

– В «Укромном уголке»?

– Именно.

– Ты снял «Укромный уголок»?

– Да.

– Чего это ты вдруг вздумал?

Я предусмотрел, что от меня может потребоваться какое-то объяснение, и ответ был у меня готов. Относительно истинной причины моего появления в Стипл-Бампли на мне, само собой, лежала печать молчания, так что тут требовалась выдумка.

– Дживсу захотелось поудить здесь рыбу. И кроме того, – поспешил я добавить, чтобы получилось правдоподобнее, – как мне сообщили, завтра вечером в этих краях должен разразиться бал-маскарад. Ну а ты знаешь, как на меня действуют слухи о таких мероприятиях. Как глас трубы на боевого коня. А теперь, – заключил я, облизывая пересохшие губы, – как насчет прохладительного питья? С дороги мой организм слегка обезвожен.

Я залез в окно и плюхнулся в кресло, а Боко отправился за исходными продуктами. Вскоре он возвратился с позвякивающим подносом в руках, и, после того как мы обменялись общепринятыми приветствиями и поболтали о том о сем, я в соответствии с требованиями вежливости поздравил его с помолвкой.

– Я говорил Нобби, когда вез ее сюда в своем автомобиле, что просто не представляю себе, как могла девушка, какую ни возьми, влюбиться в тебя с первого взгляда. Мне бы казалось, что это за пределами человеческих возможностей.

– Я и сам был поражен. Едва на ногах устоял от изумления.

– Еще бы. Хотя, если подумать, самые неожиданные личности способны зажечь в чем-то сердце искру страсти. Взять, например, мою тетю Агату.

– О да!

– Или Сыра.

– Ты уже знаешь про Сыра?

– Я застал его в ювелирном магазине за покупкой кольца и услышал лично от него, в какой переплет он угодил.

– Радуюсь, что я сам цел остался.

– И я тоже. Нобби считает, что такое действие оказывает ее профиль.

– Вполне возможно.

Наступила тишина, нарушаемая лишь мелодичным звоном стаканов, наполняемых по второй. Выпив, Боко испустил глубокий вздох и высказался в том духе, что жизнь – странная штука; а я полностью согласился, что действительно, очень даже странная во многих отношениях.

– Возьми мой случай, – продолжал он. – Нобби тебе описала ситуацию?

– Про то, что дядя Перси чинит препятствия? Да.

– Ничего себе историйка, а?

– Мне тоже так показалось. Сердце кровью обливается.

– Подумать только, чтобы жениться, требуется чье-то согласие, и это в наш просвещенный век! Анахронизм какой-то. Попробуй сочинить рассказ с таким сюжетом – не подойдет даже для дамского журнала. Кажется, твоя тетя Далия издает журнальчик для женского чтения?

– Да, «Будуар элегантной дамы». Еженедельник по шесть пенсов. Я один раз опубликовал там статью «Что носит хорошо одетый мужчина».

– Никогда в руках не держал, но не сомневаюсь, что это журнальная продукция низшей категории. И однако, если бы я предложил твоей тетке рассказ о том, как девушка не может выйти замуж за любимого человека без согласия какого-то жалкого главы семейства, сама же твоя тетка меня бы и осмеяла. То есть заработать честный пенни я на этой глупости не могу, но она вполне может послужить препятствием и погубить мою жизнь. Ничего себе!

– А что тебе будет, если пренебречь?

– Упекут в кутузку, я думаю. Или это – только если женишься на воспитаннице королевского приюта без согласия лорд-канцлера?

– Тут я пас. Можно спросить у Дживса.

– Да, Дживс, конечно, знает. Он у тебя с собой?

– Двигается следом с крупным багажом.

– Как он вообще сейчас?

– Нормально.

– Мозги работают?

– Еще как!

– Тогда, может быть, он придумает для меня какой-нибудь выход из положения.

– Дживс нам не понадобится. Этим делом занимаюсь я сам. Я обращаюсь к дяде Перси и склоню его в вашу пользу.

– Ты?!

– Интересно, что то же самое сказала Нобби. И точно таким же удивленным тоном.

– Но я думал, ты его боишься до остоленения?

– Верно. Однако я смог оказать ему серьезную услугу и теперь имею на него большое влияние.

– Что ж, отлично, – произнес Боко, посветлев. – Тогда действуй, Берти. Но имей в виду, – добавил он, снова потемнев, – это будет нелегко.

– Там посмотрим.

– Нечего смотреть. Я точно знаю. После всего, что случилось за обедом...

У меня на сердце вдруг ошутимо заскребли кошки.

- За обедом, которым ты угощал дядю Перси?
- Вот-вот.
- Он что, прошел не слишком благополучно?
- Не слишком.
- Нобби предвкусала, что этот обед решит все вопросы.
- Дай ей бог здоровья, маленькой оптимистке.

Я устремил на него пронизательный взгляд. Выражение лица у него было явно не из радостных. Кончик носа безнадежно морщился. Складки заботы и страдания недвусмысленно бороздили чело.

– Расскажи мне все, – попросил я.

Он испустил тяжелый вздох.

– Понимаешь, Берти, эта ее затея с самого начала была ошибкой. Нельзя было сводить нас вместе. А уж если пришлось нас свести, то хоть бы она не велела мне быть остроумным и непринужденным. Ты знаешь, что она мне велела быть остроумным и непринужденным?

– Да. Она сказала, что в присутствии дяди Перси ты иногда бываешь несколько скован.

– Я всегда бываю несколько скован в присутствии пожилых джентльменов, которые при виде меня фыркают, как пароходная сирена, и смотрят на меня изничтожающе, словно я – агент Москвы, распространяющий красную заразу. У меня тонкая, возбудимая художественная натура. Старый склеротик меня терпеть не может.

– Нобби мне говорила. По ее словам, причина в том, что он считает тебя мотыльком. А я лично думаю, что всему виной твои серые фланелевые брюки.

– А они-то чем плохи?

– Ну, в первую голову заплатой на колене. Она сразу создает неблагоприятное впечатление. У тебя нет других брюк?

– Кто я, по-твоему, Бо Браммел?⁹

Я не стал углубляться в эту тему.

– Рассказывай дальше.

– На чем я остановился?

– На том, что ты сплеховал, стараясь быть остроумным и непринужденным.

– А, ну да. Из-за этого все так и получилось. Понимаешь, первое, что должен сделать человек, которому велят быть остроумным и непринужденным, – это спросить себя: насколько остроумным? До какой степени непринужденным? Должен ли он, говоря иными словами, умеренно лучиться или же от него требуется распоясаться на всю катушку? Я думал, думал и решил не останавливаться ни перед чем и пуститься во все тяжкие. Это, как я теперь понимаю, было ошибкой.

Он замолчал и на какое-то время погрузился в задумчивость. Мне было ясно, что его одолевает неприятное воспоминание.

– Ты, Берти, – очнувшись наконец, произнес он, – не обедал, случайно, в «Трутнях» в тот день, когда Фредди Уиджен принес к столу «шутейные товары»?

– «Шутейные товары»?

– Такие вещицы, которые рекламируются в игрушечных магазинах как средство создать за обедом непринужденную атмосферу, чтобы все обедающие покатывались со смеху. Ну, знаешь, Подскакивающая Тарелка, Стакан-Проливайка, Солонка с Сюрпризом.

– А-а, эти.

Вспомнив тот вечер, я захохотал от души. Китекэт Поттер Перебрайт как раз переживал муки похмелья, и мне в жизни не забыть, что с ним было, когда он взялся за кольцо с салфеткой,

⁹ Джордж Брайан «Франт» (Бо) Браммел, (1778–1840) – близкий друг и арбитр элегантности в окружении принца-регента Джорджа, впоследствии короля Георга IV.

а оттуда с писком выбежала резиновая мышь. Мужественные мужчины ринулись на подмогу с рюмками бренди.

Но потом я перестал хохотать от души. До меня дошел страшный смысл рассказа Боко, и я взвился, как будто мне пронзили кожный покров докрасна раскаленным вертелом.

– Не хочешь же ты сказать, что испробовал эти штуки на дяде Перси?

– Да, Берти. Именно так я и сделал.

– Вот это да!

– Тут ты совершенно прав.

Я издал глухой стон. Душа у меня похолодела. Конечно, к писателям надо подходить со снисходительной меркой, поскольку все они более или менее сдвинутые. Взять, скажем, Шекспира. Крайне неуравновешенный тип. Воровал у людей уток. И все-таки я не мог избавиться от ощущения, что Боко, угостив опекуна любимой девушки «шутейными товарами», в естественной для писателей безмозглости перегнул палку. Даже Шекспир, я думаю, на такое бы не решился.

– Но зачем?

– Должно быть, мной двигало подсознательное желание показать себя с человеческой стороны.

– И как он отреагировал? Крупно?

– Довольно крупно.

– Ему не понравилось?

– Нет. Это я твердо могу сказать. Совсем не понравилось.

– Он отказал тебе от дома?

– Незачем отказывать человеку от дома, когда уже посмотрел на него так, как он посмотрел на меня поверх Солонки с Сюрпризом. Довольно того, что сказано глазами. Знаешь, как работает Солонка с Сюрпризом? Берешь, чтобы подсолить, встряхиваешь над тарелкой и вместо соли встряхиваешь паука. Оказалось, он смертельно боится пауков.

Я встал. Все было ясно.

– Ну, я пошел, – проговорил я слабым голосом.

– Куда ты торопишься?

– В «Укромный уголок». С минуты на минуту должен приехать Дживс с вещами, и надо будет располагаться.

– Понимаю. Я бы поехал с тобой, только я занят сочинением художественного письма с извинениями на имя его сиятельства лорда Уорплесдона. Лучше уж я его допишу, хотя если то, что ты говорил о своем влиянии на дядю, – правда, тогда, возможно, оно и не понадобится. Ты уж изложи дело поубедительнее, Берти. Не жалея красок. Пусть золотые слова текут медвяной струей. Ибо, как я тебе уже сказал, задача перед тобой непростая. Понадобится недюжинное красноречие. Да, и кстати сказать, ни слова Нобби про этот злосчастный обед. Правду о нем если и придется ей сообщить, то осторожно, по частям.

Дальше в «Укромный уголок» я ехал уже совсем не в том жизнерадостном настроении, в каком явился к Боко. Перспектива разговора по душам с дядей Перси утратила, можно сказать, почти всю свою привлекательность.

Я представлял себе, какой вид будет у моего престарелого свойственника, как только он услышит от меня имя Боко: в глазах огонь, усы торчком и весь облик – как у раздражительного тигра в чаще, когда у него из-под носа удрал и вскарабкался на пальму облюбованный поселанин. Сказать, что Бертрам Вустер содрогнулся от страха, было бы, пожалуй, преувеличением, но определенное похолодание нижних конечностей было, безусловно, налицо.

Я уговаривал себя, что после заключения сделки воцарится всеобщее ликование и старик даже на Боко будет взирать благосклонным взором, когда вдруг раздался велосипедный звонок

и чей-то голос назвал мое имя, притом так властно, что я, не рассуждая, нажал на тормоз и обернулся. Лучше бы я не оборачивался.

Остановившись бок о бок со мной, слезал с велосипеда Чеддер по прозвищу Сыр, и взор, который он устремил на меня, когда вышел вперед и загородил мне дорогу, был далеко не благосклонный. Этот взор выражал удивление и враждебность. «Что тут делает этот субъект, черт побери?» – читалось в нем. Таким взором героиня в пантомиме награждает Царя Демонов, вдруг выскочившего рядом с нею из люка. О чем Сыр в данную минуту думает, мне было так же ясно, как если бы его мысли транслировались по общebritанскому радио.

Я с самого начала ощущал некоторое беспокойство, представляя себе реакцию этого Отелло, когда он обнаружит на местности мое присутствие. По тому, как он отнесся к известию о нашей с Флоренс старой дружбе, было видно, что у него в мозгу преобладает болезненный уклон и Бертрам вызывает у него подозрения, поэтому была опасность, что теперь он истолкует мой внезапный приезд в самом неблагоприятном смысле. Ему обязательно покажется, что вся ситуация сильно напоминает приезд юного Лохинвара из Западных стран¹⁰. А я, поскольку у меня на устах – печать молчания, ничего не смогу объяснить.

Положение крайне деликатное и двусмысленное.

Тем не менее вы не поверите, но глаза у меня полезли на лоб не потому, что оправдались мои наихудшие опасения при виде его грозной физиономии, а потому, что она выглядывала из-под самой настоящей полицейской каски. Мало того, мускулистый торс был облачен в полицейский мундир, а на ногах наблюдались тупоносые форменные ботинки, или жукодавы, дополняющие официальный комплект доспехов, в которых нам является неумолимый Закон.

Иначе говоря, Чеддер по прозвищу Сыр внезапно преобразился в деревенского полисмена, и я смотрел на него в полном недоумении.

¹⁰ О том, как юный герой Лохинвар возвратился из Западных стран, рассказывается в начале поэмы В. Скотта «Мармион» (1808).

Глава 8

Я ничего не мог понять.

– Лопни мои глаза, Сыр! – воскликнул я на старинный манер, не в силах скрыть изумление. – По какому поводу маскарад?

Он задал мне встречный вопрос:

– Какого дьявола ты здесь делаешь, кровавый Вустер?

Я поднял ладонь. К черту подробности.

– Почему ты одет в костюм полицейского?

– Потому что я полицейский.

– Ты полицейский?

– Да.

– Полицейский в смысле «полицейский»? – с трудом сформулировал я.

– Да.

– Ты – полицейский?

– Да, черт тебя дери! Оглох ты, что ли? Я – полицейский.

Наконец я понял. Он – полицейский. В памяти у меня всплыла наша вчерашняя встреча в ювелирном заведении, и стало понятно, почему он так туманно и неопределенно ответил на мой вопрос, что он делает в Стипл-Бампли. Он попытался уклониться от ответа, боясь, что я начну над ним смеяться, – и так оно, конечно, и было бы, уж я бы над ним нахохотался вволю. Даже сейчас, хотя опасная ситуация не располагала к шуткам, я про себя придумал по меньшей мере три остроумнейшие насмешки.

– А в чем дело? Почему бы мне не быть полицейским?

– Ну да, конечно.

– Теперь половина знакомых в полиции.

Я кивнул. Это была истинная правда. С тех пор как открыли Хендонский колледж¹¹, в полиции, куда ни повернешься, натыкаешься на старых однокашников. Помню, как Барми Фодерингей-Фипс с чувством описывал один случай, когда после гребных гонок его арестовал ночью на Лестер-сквер родной младший брат Джордж. И примерно такая же штука произошла у Фредди Уиджена в Херст-Парке с кузеном Сирилом.

– Да, но в Лондоне, – согласился я, хотя и с оговоркой.

– Вовсе не обязательно.

– С расчетом попасть в Скотленд-Ярд и подняться на высшие ступени в своей профессии.

– Это я и намерен осуществить.

– Попасть в Скотленд-Ярд?

– Да.

– И подняться на высшие ступени?

– Да.

– Ну что ж, – проговорил я, – я буду с интересом следить за твоими будущими успехами.

Но я проговорил это с сомнением. В Итоне Сыр был капитаном гребной команды. И в Оксфорде он тоже был неутомимым гребцом. То есть формировался он, исключительно работая веслом: сначала погружал его в воду, потом давал рывочек и снова поднимал из воды. Только самый окончательный тупица согласился бы растратить золотые юные годы на такие занятия, мало того что глупые, но еще и жутко выматывающие, и Сыр Чеддер как раз и был самым окончательным тупицей. Так-то он собой был парень что надо, снизу доверху, включая шею. Но выше – бетон. И я что-то не представлял себе его в составе Большой Четверки. Из

¹¹ Лондонское учебное заведение для подготовки служащих полиции.

него скорее вышел бы полицейский-недотепа, вроде тех, что, если помните, постоянно вертелись у Шерлока Холмса под ногами.

Однако этого я ему не сказал. Собственно, я вообще ничего не сказал, так как сосредоточенно обдумывал этот новый и неожиданный оборот дела. Спасибо Дживсу, что он забраковал подарок для Флоренс. Потому что Сыр, проведая он о том, что я преподнес ей подарок, разорвал бы меня на куски или в крайнем случае содрал бы с меня штраф за непочищение дымохода. С полицейскими шутки плохи.

До сих пор я успешно уклонялся от ответа на его первый вопрос, но понимал, что передышка эта временная. Фараонов специально натаскивают, чтобы они не отвлекались. Поэтому я не удивился, когда он задал мне его вторично. Хотя, конечно, предпочел бы, чтобы он этого не сделал. Я просто говорю, что я не удивился.

– Ладно, к дьяволу все это. Ты мне не ответил, что ты делаешь в Стипл-Бампли.

Я стал выкручиваться.

– Да так, ехал мимо, дай, думаю, заверну ненадолго, – непринужденно обронил я в прославленной беззаботной манере Бертрама Вустера.

– То есть ты тут останешься?

– На некоторое время. Где-то в том направлении находится мое временное гнездышко. Надеюсь, ты будешь часто туда заглядывать в свободные от работы часы.

– И что же это тебя вдруг потянуло устроить временное гнездышко в здешних краях?

Я пошел по наигранному пути:

– Дживс захотел немного порыбачить.

– Вот как?

– Да. Здесь рыбалка, он говорит, чудесная. Берешь крючок, а остальное делают рыбы.

Он уже давно смотрел на меня пренебрежительным тусклым взглядом, сведя брови и выпучив глаза. Теперь же выражение его стало еще непримиримее. Не хватало только блокнота и огрызка карандаша, и можно было бы подумать, что он допрашивает жалкого обитателя уголовного мира, где тот был в ночь на двадцать пятое июня.

– Понятно. Значит, согласно твоим показаниям, Дживс хотел тут немного порыбачить, так?

– Так.

– Ну так вот, а теперь я скажу тебе, чего хотел ты, чертов Вустер. Ты хотел тут немного поподличать.

– Чего-чего я хотел? – переспросил я, прикидываясь непонимающим, хотя мне все уже было ясно.

– Скажу яснее. Ты явился сюда, чтобы поувиваться вокруг Флоренс.

– Ну что ты, дружище!

Он скрипнул зубом или двумя. Было очевидно, что он настроен угрожающе.

– Могу тебе, кстати, сказать, – продолжал он, – что меня не убедили твои вчерашние показания, то есть объяснения. Ты заявил при нашей встрече, что знал Флоренс только...

– Одну минуту, Сыр. Прости, что перебиваю, но стоит ли трепать имя женщины?

– Да, стоит! И мы будем его трепать, сколько понадобится.

– Ладно, хорошо. Я просто хотел уточнить.

– Ты утверждал, что знал Флоренс только слегка. «Я знаком с ней неплохо» – вот твои точные слова. И они уже тогда показались мне подозрительными. По возвращении я спросил ее о тебе, и выяснилось, что ты был с ней помолвлен.

Я облизнул пересохшие губы. При общении tête-à-tête с нашей полицией я всегда немного теряюсь. Под взглядом слуг закона меня покидает мужество. Может, это каска так действует. А может, башмаки. И естественно, когда грозный жандарм обвиняет вас в попытке увести его девушку, неловкость усугубляется. На тот конкретный момент я чувствовал себя под сверля-

щим взором Сыра примерно так же, как Юджин Арам, когда ему надели наручники¹². Помните это место? «Ти-там-ти-там ти-там-ти-там ти-там-ти-там ненастье (вроде бы там была плохая погода), и Юджин Арам посреди, оковы на запястьях».

Я прокашлялся и решил испробовать обезоруживающую искренность:

– А, ну да. Теперь вспомнил. Совершенно верно. Мы действительно были помолвлены. Давным-давно.

– Не так уж и давно.

– Ощущение такое, будто в незапамятные времена.

– Да?

– Точно.

– В самом деле так?

– Определенно.

– Было, но прошло?

– Вот именно.

– И сейчас между вами ничего нет?

– Ничегошеньки.

– Тогда как ты объяснишь тот факт, что она дарит тебе свою книжку с надписью: «Милому Берти с любовью от Флоренс»?

Я пошатнулся. И одновременно, признаюсь, ощутил к Сыру некоторое уважение. Сначала, когда он говорил о своем намерении подняться в Скотленд-Ярде на высшие ступени, я, если помните, расценил его шансы как очень невысокие. Но теперь создавалось впечатление, что из него еще, пожалуй, получится первоклассный детектив.

– Ты держал эту книгу в руке, когда вошел в ювелирный магазин, а уходя, оставил на прилавке, и я в нее заглянул.

Я сразу же снова изменил мнение насчет его сыщицких задатков. Ничего особенного, оказывается. Шерлок Холмс, например, всегда говорил, что детективу не следует открывать свои методы.

– Ну, так как же?

Я весело рассмеялся. Вернее, сделал попытку рассмеяться. А получилось что-то наподобие предсмертного хрипа.

– Ха-ха, это так смешно вышло!

– Да? Что ж, посмеши меня.

– Я был в книжном магазине, и вдруг приходит она...

– Ты назначил ей свидание в книжном магазине?

– Да нет, это была случайная встреча.

– Понятно. А теперь ты приехал сюда, чтобы условиться о новой случайной встрече?

– Да что ты, бог с тобой!

– Ты всерьез надеешься меня убедить, что не преследуешь цели похитить ее у меня?

– И в мыслях ничего подобного не имею, старина.

– Не называй меня «старина».

– Ладно, не хочешь – не буду. Вся эта история, констебль, – всего лишь дурацкое недо-разумение. Как я говорил, я был в книжном магазине, и вдруг...

Но он прервал меня, горячо прокляв все книжные магазины до пятого колена.

– Меня не интересует книжный магазин. Все дело в том, что ты явился сюда как подко-лодная змея, и я не намерен этого терпеть. Могу сказать тебе только одно, Вустер. Убирайся отсюда!

– Но...

¹² Юджин Арам – преступный персонаж поэмы Т. Гуда «Сон Юджина Арама» (1829).

– Исчезни. Чтоб я тебя тут больше не видел! Гони обратно в свою лондонскую нору, и чем скорее, тем лучше.

– Но я не могу.

– Что значит не можешь?

У меня, как я уже говорил, лежала на устах печать молчания. Но Вустеры соображают в два счета.

– Не могу из-за Боко, – объяснил я ему. – Я хлопочу о нем в одном деликатном деле. Как ты, возможно, слышал, дядя Перси вздумал препятствовать его браку с Нобби, и я пообещал им обоим, что замолвлю за них словечко. Ну а для этого требуется, само собой, чтобы сохранялся статус... это самое... как его?

– Тьфу!

– Не тьфу, а кво. Вспомнил все-таки. Чтобы заступиться за эту парочку перед пусть и не родным, но дядей, нужен статус-кво, ясно?

Я лично считал, что дал исчерпывающее и убедительное объяснение, и потому сильно расстроился, увидев на его физиономии презрительную гримасу.

– Не верю ни единому слову, – произнес он грозно. – Ты должен замолвить перед дядей словечко? Да какой от твоего словечка может быть прок? Как будто твои разговоры могут хоть как-то на кого-то повлиять. Повторяю: убирайся отсюда. А не то...

Что именно тогда случится, он не уточнил, но так грозно вскочил на велосипед и нажал на педали, что всякие слова тут были излишни. Никогда еще не видел, чтобы человек так зловеще работал голеностопными суставами.

На ослабевших ногах я стоял и смотрел ему вслед, и в это время из-за поворота, с той стороны, где должен находиться «Укромный уголок», послышалось треньканье другого велосипедного звонка, и мне навстречу выехала Флоренс. Час от часу не легче, это уж точно.

В полную противоположность Сыру ее глаза сияли светом гостеприимства. Возле автомобиля она спешила и одарила меня приветливой улыбкой.

– Ах, Берти! Вот и ты. А я только что занесла цветы тебе в «Укромный уголок».

Я поблагодарил, но сердце у меня неприятно сжалось. Не понравилось мне, что она мне так улыбается, и не понравилось, что она не жалеет трудов, рассыпая цветы на моем пути. Тут чувствовался какой-то избыток дружелюбия. Но потом я прикинул, что раз она помолвлена с Сыром, значит, я могу ничего не опасаться. Ведь как бы там ни было, но ее папаша женился на моей тете, и мы теперь вроде как двоюродные, и не обязательно приходить в панику от обыкновенного проявления родственного радушия. В конце-то концов, если разобраться, кровь родная – не водица.

– Страшно мило с твоей стороны, – говорю. – А я тут только что болтал с Сыром.

– С сыром?

– С твоим женихом.

– Ах, с д'Арси. Почему ты зовешь его сыром?

– Прозвище такое. Со школьных времен. Мы ведь с ним вместе учились.

– Да? Тогда ты, может быть, мне ответишь, всегда ли он вел себя так по-идиотски, как сегодня?

Это мне не понравилось. Не похоже на язык любви.

– В каком смысле ты употребила выражение «по-идиотски»? – спросил я.

– Как единственное, которое подходит для человека, которому богатый дядя хочет и даже жаждет оказать протекцию, а он сознательно предпочел стать деревенским полисменом.

– А почему это он? – не понял я. – Зачем ему становиться деревенским полисменом?

– Говорит, что каждый мужчина должен стоять на собственных ногах и самостоятельно зарабатывать на хлеб.

– Смотри какой сознательный.

– Вздор.

– Ты не считаешь, что это его характеризует с наилучшей стороны?

– Не считаю. Я считаю, что он ведет себя как совершенный болван.

Мы помолчали. Было ясно, что поведение Сыра вызывает болезненную реакцию и надо как-то поддержать молодого стража порядка. Ибо, вы же понимаете, очутившись снова лицом к лицу с этой особой, я оставил всякую мысль организовать движение «За спасение Чеддера по прозвищу Сыр».

– По-моему, эта история должна бы тебя радовать. Как доказательство, что вот человек, у которого есть душа.

– Какая душа?

– Благородная.

– У него вообще нет никакой души выше этих ужасных, грубых форменных башмаков, в которых он ходит. Ослиное упрямство, и больше ничего. Я ему сто раз втолковывала. Родной дядя хочет, чтобы он выставил свою кандидатуру в парламент, и готов оплатить все предвыборные затраты и в дальнейшем всегда оказывать ему щедрую финансовую поддержку, но нет, уперся, как мул, и твердит, что надо стоять на собственных ногах. Мне все это осточертело, просто не знаю, что делать. Ну ладно, до свидания, Берти, мне пора, – внезапно заключила она, словно не в силах больше разговаривать на эту болезненную тему, и покатила прочь, а я только тут вспомнил, что у нее сегодня день рождения и у меня в кармане брошь, которую надо было передать ей в подарок от тети Агаты.

Я бы мог, наверное, еще окликнуть ее, но как-то не хотелось. От того, что она мне наговорила, у меня началась дрожь по всему телу. Осознав, как непрочен фундамент, на котором зиждется любовь Сыра и Флоренс, я пришел в такой ужас, что вынужден был выкурить, не сходя с места, пару успокоительных сигарет, прежде чем пуститься в дальнейший путь.

Немного прибодрившись и уговаривая себя, что это не более чем минутная размолвка влюбленных и в кратчайшее время все уладится, я дал газу и через несколько минут уже встал на якорь на задах «Укромного уголка».

Глава 9

«Укромный уголок» оказался совсем неплохим домишком, расположенным в живописном месте. Немного в старомодном вкусе, а так не к чему придираться. Тростниковая кровля, окна в частый ромбик, на лужайке под окном – альпийская горка. Словом, все говорило о том (и не обманывало, как я узнал впоследствии), что прежде здесь обитала пожилая женщина из хорошей семьи, имевшая несколько кошек.

Я вошел, поставил маленький чемоданчик в прихожей и стоял, озираясь и принохиваясь к запахам плесени, обязательно поселяющейся в старинных жилищах, и постепенно осознал, что здесь, в этом жилище, кроме запахов, имеется кое-что еще. То есть, говоря попросту, мне начало казаться, что мой домик заселен не только плесенью, но и привидениями.

Натолкнули меня на такую мысль странные звуки, раздававшиеся где-то поблизости, то что-то брякнет, то грохнет, и напрашивалось предположение, что здесь не без полтергейста или еще какой-нибудь чертовщины.

Звуки, похоже, доносились из-за закрытой двери в конце коридорчика, и я поспешил им навстречу, желая выяснить, в чем дело, ибо я не намерен был, черт подери, допускать, чтобы здесь разгуливали всякие полтергейсты, как будто у себя дома. Сделал два шага – и растянулся, споткнувшись о ведро, которое кто-то оставил на дороге. Только я поднялся, потирая пострадавшее место, как вдруг дверь распахнулась и вышел небольшой мальчик с мордочкой хорька. На нем была форма бойскаута, и я без труда, несмотря на жирный слой грязи, покрывающий его острые черты, признал в нем младшего брата Флоренс – Эдвина, в которого Бобо имел обыкновение швыряться фарфоровыми безделушками.

– А, Берти, привет, – произнес он с улыбкой поперек всей своей мерзкой физиономии.

– Привет, юный нахал, – вежливо ответил я. – Что ты тут делаешь?

– Прибираюсь в доме.

Я сразу перешел к самому важному делу:

– Это ты оставил на полу ведро?

– Где?

– Посередине прихожей.

– Точно! Я теперь вспомнил. Я поставил его там, чтобы не загораживать проход.

– Ясно. Ну так вот, тебе, наверное, будет интересно узнать, что я чуть не сломал об него ногу.

Он весь встрепенулся, в глазах загорелся фанатичный огонь, как будто перед мальчишкой вдруг возникло блюдо с мороженым.

– Слушай! Правда чуть не сломал? Вот это удача! Я окажу тебе первую медицинскую помощь.

– Как бы не так. Ничего ты мне не окажешь.

– Но если ты сломал ногу...

– Я не сломал ногу.

– Сам сказал, что сломал.

– Просто выражение такое.

– Ладно. Зато у тебя, может быть, растяжение связок.

– У меня нет растяжения связок.

– Я умею оказывать первую помощь при ссадинах.

– И ссадин у меня нет. Не подходи! – заорал я, готовый защищаться до последнего.

Мы оба помолчали. У юного Эдвина был растерянный вид. Мой решительный отпор его явно озадачил.

– Можно, я наложу тебе повязку?

- Только попробуй, получишь по уху.
- Но может начаться гангрена.
- У меня нет оснований этого опасаться.
- Дурацкий же вид у тебя будет с гангреной.
- Нет, не будет у меня дурацкого вида. У меня будет прекрасный вид.
- Я знаю одного типа, который сломал ногу, она у него почернела, и пришлось ее отрезать

до колена.

- У тебя, мне кажется, довольно странные знакомства.
- Давай я пушу на нее холодную воду из крана.
- Нет.

Он опять посмотрел на меня с недоумением. Я совсем сбил его с толку.

– Ну, тогда я пойду обратно на кухню, – сказал он. – Займусь дымоходом. Надо его хорошенько вычистить. Этот дом, если бы не я, был бы в ужасном состоянии, – заключил он с вопиющим самодовольством, от которого меня покорило.

– То есть как это, если бы не ты? – парировал я его выпад со свойственным мне остроумием. – Ты тут, конечно, сеял разруху и опустошение.

– Ничего подобного, – возразил он, явно задетый за живое. – Я приводил дом в порядок. Флоренс поставила тебе цветы в гостиной.

- Знаю, она мне сказала.
- Я налил в них воду. Ну, так я пойду почищу дымоход, ладно?
- Двигай и чисть сколько влезет, – холодно ответил я и жестом отослал его прочь.

Не знаю, как кто, у каждого свой метод, но я, например, отсылая Эдвина прочь, вскинул в салюте правую руку, а затем уронил ее на место, так сказать, по швам. И при этом почувствовал, что чего-то не хватает. В боковом кармане, с которым соприкоснулось запястье, должен был находиться небольшой выпуклый предмет, а именно – пакетик с брошью, которую тетя Агата приказала мне вручить Флоренс на день рождения. Но никакой выпуклости не ощущалось. Карман был пуст.

- В то же мгновение мальчишка Эдвин произнес: «Э!» – нагнулся и поднял пакетик с пола.
- Это ты уронил? – спросил он.

Ему сразу же пришлось оставить всякие подозрения насчет того, что у меня может быть сломана нога, поскольку я прыгнул к нему с живостью пантеры, легко перелетев через всю прихожую. Выхватил из его лапы пакетик и снова сунул в карман.

Бойскаут немедленно заинтересовался:

- Что это у тебя?
- Брошь. Подарок для Флоренс на день рождения.
- Хочешь, я передам?
- Нет, спасибо.
- А то я пожалуйста.
- Да нет, не надо.
- Избавлю тебя от хлопот.

При других обстоятельствах я бы, наверное, разозлился на такую беспардонную настырность и, вполне возможно, дал бы ему за это носком ботинка в зад. Но он сейчас только оказал мне ценную услугу, и я ограничился тем, что дружески улыбнулся юному мерзавцу, чего не делал уже тысячу лет.

– Нет, спасибо, – отвечаю. – Не хочу выпускать эту штуковину из рук. Вечером забегу и вручу лично. Ну-с, юноша, ты молодец, – говорю я ему. – Вас, молодежь, даром учат смотреть в оба. Скажи-ка мне, как ты вообще поживаешь? Нормально? Никаких насморков, колик и прочих детских болезней? Превосходно. Мне было бы огорчительно услышать, что ты перенес

какие-то страдания. Спасибо, что ты предложил подставить мою ногу под кран. Ценю. Жаль, что мне сейчас нечем тебя угостить. Заходи как-нибудь попозже, когда я тут устроюсь.

И на этой сердечной ноте наша беседа завершилась. Я побрел в сад и постоял там, облокотясь на калитку, так как все еще ощущал некоторую дрожь в коленках и нуждался в опоре.

А почему у меня дрожали коленки, вы бы сразу поняли, если бы лучше знали мою тетю Агату.

Эта моя родственница принадлежит к числу людей, которые, подобно Наполеону, если я его ни с кем не путаю, считают любую неудачу непростительной и не желают слушать никаких, даже самых убедительных оправданий. Если тетя Агата поручила вам передать ее падчерице пакетик с брошью, а вы его потеряли, бесполезно убеждать почтенную родственницу, что такова была божья воля, чтобы вы споткнулись о непредусмотренное ведро и пакетик вытряхнулся из вашего кармана. Пусть вы всего лишь беспомощная игрушка в руках рока, все равно кары не избежать.

Если бы чертова брошка не нашлась, разговорам бы конца не было. От этого случая повелось бы новое летоисчисление. О мировых катаклизмах говорилось бы, что они произошли «как раз тогда, когда Берти потерял брошь» или «вскоре после того, как Берти так оскандалился с подарком для Флоренс». Моя тетя Агата вроде слона – не внешне, с виду-то она скорее напоминает тонко воспитанного стервятника, – а потому, что никогда ничего не забывает.

Я стоял, опираясь на калитку, и в душе у меня кипели добрые чувства к Эдвину. Как же я мог все это время видеть в нем лишь маленького востроносого безобразника и ничего больше? И уже собрался было перейти к обдумыванию вопроса о том, не купить ли ему подарок за примерное поведение, как вдруг раздался взрыв, я обернулся и увидел, что «Укромный уголок» весь охвачен пламенем.

Я страшно удивился.

Глава 10

Конечно, полюбоваться хорошим пожаром всякому приятно, и поначалу я просто стоял и отчужденно рассматривал эту красочную картину всеожжения. Пожар был многообещающий. Уже полыхала тростниковая кровля, казалось, еще немного, и вся эта старинная музейная постройка, прогнившая и высушенная, как трут, засучит рукава и возьмется за дело всерьез. Так что минуты две я просто стоял и мирно любовался.

Но немного погода восторг мой умерила некая тревожная мысль: а ведь юный Эдвин, когда я его последний раз наблюдал, направлялся, между прочим, в кухню. А следовательно, он вполне может и сейчас там находиться, и если по соответствующим каналам не будут приняты срочные меры, он вскоре окажется непригоден для дальнейшего общения. Следом пришла еще более беспокойная мысль: единственное присутствующее лицо, от которого можно ожидать героических действий по детскому спасению, – это старина Вустер.

Я погрузился в размышления. Надеюсь, вы не будете спорить, что вообще-то я человек довольно бесстрашный, но тут, признаюсь, что-то меня останавливало. Помимо всего прочего, мое отношение к данному отроку, которому сейчас грозила опасность быть изжаренным с обеих сторон, опять круто переменялось.

Если помните, незадолго перед тем я думал о юном Эдвине благожелательно и даже был близок к мысли купить ему какой-нибудь недорогой подарок. Но сейчас я снова видел его в осудительном свете. Ведь последнему тупице ясно, что это его сомнительная деятельность привела к воспламенению, и поэтому меня тянуло оставить все как есть и не вмешиваться.

Однако положение было такое, про которое говорят, что оно обязывает, и поэтому я решил совершить благородный поступок, скинул пиджак, отшвырнул подальше и уже готовился нырнуть в горящее здание, хотя и досадно было, что приходится мазаться сажей в угоду паршивому мальчишке, который в изжаренном виде стал бы только лучше, как вдруг он появляется. Закопченный и без бровей, но в остальном – хоть бы хны. Скорее даже довольный, чем испуганный.

– Ух ты! – произнес он с гордостью. – Здорово рвануло, а?

Я строго взглянул на него.

– Что ты, черт подери, там натворил, немыслимое юное чудовище? – спросил я. – Что это был за взрыв?

– Дымоход в кухне бабахнул. В нем было полно сажки, и я положил туда пороха. Должно быть, чересчур много сунул. Потому что раздался жуткий грохот, и все вроде как запылало. Ух ты! То-то смеху было!

– Ты что же, не мог водой залить?

– Я залил. Но это оказалась не вода, а керосин.

Я схватился за голову. Меня обуяло страшное волнение. Только теперь я вдруг сообразил, что дом, обреченный у меня на глазах рассыпаться пеплом на погребальном костре, – это летняя стоянка Вустера, и во мне проснулся дух квартирномушкетера. Меня отчаянно подмывало всыпать дубиной полдюжины горячих этому мерзкому юнцу. Но как отлупишь ребенка с опаленными бровями? Да и дубины у меня при себе не было.

– Ну и натворил ты тут бед, – сказал я ему.

– Вышло не совсем так, как я рассчитывал, – согласился он. – Но мне необходимо было сделать доброе дело за прошлую пятницу.

При последних его словах мне сразу все стало ясно. Я так давно не виделся с этим юным исчадием ада, что совсем упустил из виду одну особенность его психологии, которая делает его подлинной грозой здешних мест.

Мальчик Эдвин, припомнил я, принадлежит к числу детей, которые, когда за что-то берутся, не жалеют сил. Он относится к жизни с такой же серьезностью, как его сестра Флоренс. Вступая в бойскауты, он не допускал и мысли о том, чтобы уваливать от своих обязанностей. А так как у них там требуется каждый день совершать одно доброе дело, Эдвин ответственно и неуклонно принялся творить добрые дела. Однако за мирскими хлопотами он, к несчастью, постоянно отстает от графика, а потом на таком аллюре пускается вдогонку за самим собой, что место его пребывания очень скоро превращается в сущий ад для человека и зверя. Так было в Шропшире, когда я впервые с ним встретился в доме у родственников, и так, судя по всему, обстояло дело и сейчас.

С озабоченным лицом, задумчиво прикусив губу, я подобрал с земли пиджак и надел. Человек послабее духом, чем я, обнаружив, что очутился в местности, где имеются не только Флоренс Крэй, полицейский Чеддер по прозвищу Сыр и дядя Перси, но еще и Эдвин, творящий добрые дела, ощутил бы, наверное, дрожь в коленках. Вполне возможно, что то же самое произошло бы и со мной, если бы не ужасное открытие, которое потрясло мою душу, вырвало у меня из груди сдавленный вопль и совершенно заслонило и Флоренс, и Сыра, и Эдвина, и дядю Перси.

Я вдруг сообразил, что маленький чемоданчик с костюмом Синдбада-морехода находится в прихожей «Укромного уголка» и что языки пламени приближаются туда с каждой секундой.

Тут уж мне было не до сомнений и колебаний. Когда вопрос стоял о том, чтобы, рискуя жизнью, спасти бойскаутов, я еще сомневался и скреб подбородок. Но здесь совсем другое дело. Синдбад был мне нужен. Если я не спасу его, у меня не будет возможности завтра вечером принять участие в костюмированном бале, который представлял собой единственное светлое пятно на фоне непроглядно мрачного ближайшего будущего. Конечно, можно было бы попробовать рвануть обратно в Лондон и раздобыть другой костюм, но небось всего лишь какого-нибудь Пьеро, а я всем сердцем прикипел к Синдбаду и рыжей бороде.

Эдвин плел что-то такое про пожарную команду. Я рассеянно поддакивал. Но потом набрался храбрости, поручил душу Господу и, точно заяц, устремился в дом.

Оказалось, впрочем, что я напрасно так беспокоился. Правда, по прихожей расплывались черные клубы дыма, но что это для человека, который сживал под боком у Китекэта Перебрайта, когда тот курил сигару своей любимой марки? Конечно, еще несколько мгновений, и весь домик весело вспыхнет, можно не сомневаться, но пока что условия приближались к нормальным.

Однако мой рассказ не о том, как Бертрам Вустер едва не зажарился в пламени, а просто о том, как он подхватил чемоданчик и, насвистывая бодрый мотив, вышел наружу совершенно целый и невредимый. Разве что на минуту в горле слегка запершило, а так – ничего.

Однако опасность, которой так легко удалось избежать внутри, грозно поджидала меня снаружи. Первое, что предстало моим глазам на свежем воздухе, был дядя Перси у ворот. А так как Эдвин куда-то делся, должно быть, побежал за пожарными, я оказался с дядей один на один среди бескрайних просторов – ситуация, которую я с отрочества считал для себя совершенно неприемлемой.

– А, дядя Перси! – приветствовал я его. – Добрый день, добрый день.

Случайный прохожий, услышав эти слова и уловив приветливый тон, которым они были произнесены, ошибочно решил бы, что Бертрам чувствует себя вполне непринужденно. В действительности же дело обстояло совсем наоборот. Может ли кто-нибудь чувствовать себя непринужденно в присутствии этого чудовища, не знаю, но я определенно не могу. Ноги мои, не буду скрывать, утратили всякую прочность.

Вас это, возможно, удивит, ведь за опустошение, произведенное в «Укромном уголке», я ответственности не нес, и, казалось бы, чего мне бояться? Но многолетний опыт научил меня,

что в подобных случаях невиновность ничего не дает. Будь ты чист, как свежавыпавший снег, или даже чище, шишки все равно валятся на того, кто оказался на месте происшествия.

Ответа на мое вежливое приветствие не последовало. Дядя смотрел мимо меня на свой домик, несомненно обреченный на безвозвратную гибель. Теперь, даже если Эдвин пригонит сюда целую пожарную команду, ничто уже не помешает «Укромному уголку» кончить земную жизнь в виде груды пепла.

– Что такое? – проговорил дядя сдавленным голосом, словно страдая от душевной раны, как, видимо, и обстояло дело в действительности. – Что? Что? Что?..

Я понял, что это может затянуться на продолжительное время, и рискнул вмешаться.

– Это пожар, – пояснил я.

– Что значит – пожар?

Как это доступнее объяснить, я не знал.

– Пожар, – просто повторил я и указал рукой на горящее здание, как бы говоря: «Смотрите сами». – Как поживаете, дядя Перси? Вы прекрасно выглядите.

Последнее было неправдой, и сама моя попытка разрядить атмосферу сладкой лестью не принесла желаемого результата. Он устремил на меня страдальческий взор, в котором содержание родственной любви приближалось к нулю, и глухим безнадежным голосом воскликнул:

– Я должен был это предвидеть! Меня предупреждали, что получится, если выпустить здесь на волю такого сумасшедшего, как ты. Я мог бы догадаться, что прежде всего, даже не успев распаковать вещи, ты сожжешь этот несчастный дом.

– Не я, – уточнил я, не желая присваивать чужие заслуги. – Эдвин.

– Эдвин? Мой сын?

– Да, я знаю, – сочувственно проговорил я. – Печально, но факт. Он ваш сын. Он наводил порядок в доме.

– От того, что наводишь порядок, дом не загорится.

– Загорится, если использовать порох.

– Порох?

– Похоже, он взорвал пару бочонков в печной трубе, чтобы ей неповадно было накапливать сажу.

Естественно, я ожидал, как и всякий на моем месте, что откровенное объяснение оправдает меня в его глазах и он отпустит меня без единого пятна на репутации, исключив в дальнейшем всякие личные выпады в мой адрес. Я думал, он извинится и возьмет назад ту шутку насчет сумасшедшего, а я благородно приму его извинения, и мы с ним оба, как два старых друга, покачаем головами и потолкуем про горячность молодого поколения.

Но ничего подобного. Он продолжал взирать на меня укориженным взглядом, который мне так не понравился с самого начала.

– Какого черта ты дал мальчику порох?

Вижу, у него осталось неверное представление.

– Я не давал мальчику порох.

– Только прирожденный идиот может отдать в руки ребенка порох. Во всей Англии не найдется другого человека, который бы не понимал, что произойдет, если в руках у ребенка окажется порох. Ты соображаешь, что наделал? Тебя затем только сюда и доставили, чтобы мне было где устроить встречу с одним знакомым для обсуждения некоторых вопросов, представляющих взаимный интерес, – и вот, посмотрите, пожалуйста. Как вам это нравится?

– Н-да, неважно получилось, – вынужден был признать я как раз в тот момент, когда провалилась крыша, взметнув к небу сноп искр, от которых на наших лицах заиграл здоровый румянец.

– Залить пламя водой ты, конечно, не догадался?

– Эдвин догадался. Но это оказался керосин.

Дядя вытаращился на меня с ужасом.

– Ты хочешь сказать, что пытался залить огонь керосином? Тебя надо определить в сумасшедший дом. Я займусь этим, как только подыщу необходимых специалистов.

Вести с ним разговор было особенно трудно потому, что он, как вы, должно быть, заметили, никак не мог сообразить, кто во всей этой истории сыграл главную роль и какую именно. Такие люди, как он, слышат только два первых слова из того, что им говорят, – привык, должно быть, председательствуя на заседаниях правления, давить в зародыше речи акционеров.

Я еще раз попытался втолковать ему, что всю, так сказать, черную работу выполнил Эдвин, а Бертрам всего лишь без злого умысла стоял и смотрел. Но до него не доходило. Он так и остался при твердом убеждении, что мы с его мальчишкой совместно составили кворум, подорвали домик порохом, а потом еще поддерживали горение, систематически подливая керосин и подбадривая друг друга, ибо на всякой работе, как говорится, вся сила – в коллективе.

На прощание он велел мне прислать к нему Дживса, только тот объявится, и сказал, что меня, конечно, нельзя оставлять на свободе, добавив, что хорошо бы – хотя тут я с ним решительно не согласен, – мне было сейчас лет на десять меньше, тогда бы он мог задать мне жару своим охотничьим хлыстом. А затем удалился, предоставив меня одиноким раздумьям.

Раздумья мои, сами понимаете, были не из приятных. Однако они не затянулись: я успел уделить им не больше двух минут, когда неподалеку послышались пыхтение и лязг и глазам предстало транспортное средство, которое не могло быть ничем иным, как вокзальным такси. На крыше у него возвышались чемоданы, а при ближайшем рассмотрении оказалось, что из бокового окна торчит Дживс.

Фантастический этот предмет – я имею в виду автомобиль, а не Дживса, – скрипя, остановился у ворот. Дживс от него откупился, чемоданы были сброшены на обочину, и верный слуга, слава богу, смог наконец поговорить с молодым хозяином, который его заждался. Я нуждался в его сочувствии, поддержке и совете. И, кроме того, я хотел сделать ему замечание за то, что он обрек меня на такие неприятности.

Глава 11

– Дживс, – сразу же взял я быка за рога, как это принято в нашем славном роду, – если бы вы только знали, что тут произошло.

– Что же, сэр?

– Мир содрогнулся до самых глубин ада.

– Вот как, сэр?

– На меня пало проклятие, ведь я предупреждал вас, что так будет, если я еще хоть раз в жизни появлюсь в Стипл-Бампли. Вы же отлично знаете мое отношение к этой колонии прокажённых. Не говорил ли я вам тысячу раз, что, несмотря на пряные ароматы, веющие над Стипл-Бампли, лучше всего будет мне вообще сюда больше не соваться?

– Говорили, сэр.

– Вот видите, Дживс. Может быть, в следующий раз вы прислушаетесь к моим словам. Но опустим укоры и обратимся к фактам. Вы заметили, что наш милый летний домик погиб?

– Да, сэр. Я как раз обратил на это внимание.

– Эдвин постарался. Потрясающий парень, я вам скажу. Близкое знакомство с ним наталкивает на мысль, что Англия нуждается в ком-то вроде царя Ирода. Применил сначала порох, а потом керосин. Взгляните на эти дымящиеся развалины. Кто бы подумал, что один слабый отрок в спортивной рубашонке и парусиновых шортах способен причинить такое разорение? И, однако же, он это сделал, притом по своей инициативе. Вы понимаете, что теперь будет?

– Да, сэр.

– Он ликвидировал место встречи дяди Перси с его другом-корабельщиком. Вам придется придумывать другое.

– Да, сэр. Его сиятельство вполне отдаёт себе отчет в том, что при данных условиях встреча в «Укромном уголке» состояться не может.

– Значит, вы с ним уже виделись?

– Мы встретились на повороте, сэр.

– Сказал он вам, чтобы вы при первой же возможности явились к нему для разговора?

– Да, сэр. Он желает, чтобы я расположился в барском доме.

– Чтобы быть под рукой на случай, если вас внезапно осенит ценная мысль?

– Да, его сиятельство имел в виду что-то в этом роде, сэр.

– Я тоже приглашен?

– Нет, сэр.

Я, собственно, и не рассчитывал. Тем не менее слышать это было неприятно.

– Стало быть, мы с вами на некоторое время расстаемся.

– Боюсь, что да, сэр.

– Вы, как рассказывается в сказке, пойдете верхней дорогой, а я – нижней?

– Да, сэр.

– Мне будет недоставать вас, Дживс.

– Благодарю вас, сэр.

– Кто был тот субъект, который ныл, что у него постоянно пропадают газели?

– Поэт Томас Мур, сэр. Он выражал сожаление, что он вскармливал милых газелей, чтобы жизнь его украшали, но стоило им привязаться к нему, как они умирали¹³.

– Вот и я так же. Остаюсь без газели. Вам не обидно, что я называю вас газелью, Дживс?

– Нисколько, сэр.

¹³ Имеются в виду строки из поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (1817): Я вскармливал милых газелей, Чтобы жизнь мою украшали, Но, едва привязавшись ко мне, Они умирали.

– Ну что ж. Ничего не поделаешь. Должно быть, мне надо отправиться к Боко и поселиться у него.

– Я как раз собирался предложить вам это, сэр. Я уверен, что мистер Фитлуорт будет счастлив принять вас у себя.

– Думаю, что да. То есть надеюсь, что да. Он совсем недавно говорил про упитанных тельцов. Но если снова обратиться к дяде Перси и старому мореходу из Америки, есть у вас задумка, где им встретиться?

– В данную минуту еще нет, сэр.

– Вы уж постарайтесь получше раскинуть умом, Дживс, потому что это очень важно. Помните, я вам рассказывал, что Боко и юная Нобби обручились?

– Да, сэр.

– Но понимаете, она не может за него выйти без согласия дяди Перси.

– Вот как, сэр?

– До тех пор, пока ей не исполнится двадцать один год. Так в законе записано. А все дело в том, Дживс, мне просто некогда сейчас вам все объяснять, но Боко, дурак несчастный, сваял страшного дурака, и, одним словом... Как это называется, когда человек с пеной у рта начинает жевать ковер?

– Предубеждение, сэр, вы, вероятно, это имеете в виду.

– Точно! Оно самое. Мне сейчас, как я уже заметил, некогда излагать подробности, но Боко выказал себя последним ослом и навлек этим на себя предубеждение дяди Перси, так что теперь от него и намек на опекуновское согласие не дождешься. Вы поняли, о чем я? Необходимо, чтобы та ответственная встреча состоялась как можно скорее.

– Чтобы его сиятельство пришел в более благодушное настроение?

– Именно! Если ему удастся провести желанную сделку, млеко человеческой доброты у него в душе перельется через край и затопит это самое предубеждение. Или вы со мной не согласны?

– По-моему, тут и сомнения быть не может, сэр.

– Вот и я так думаю. Потому я и расстроился, Дживс. У меня только что произошел довольно неприятный разговор с дядей Перси, в ходе которого он дал мне определенно понять, что не принадлежит к числу моих почитателей, так как считает меня – ошибочно – главным действующим лицом произошедшего здесь небольшого поджога.

– Это мнение несправедливо, сэр?

– Совершенно несправедливо. Я не принимал в поджоге ни малейшего участия. Это дело рук Эдвина, и только его одного. Но дядя, когда что-нибудь заберет в голову, ничего больше не видит, не слышит и знать не желает.

– К сожалению, сэр.

– К огромному сожалению. Вообще-то меня его приговор не особенно трогает. Попыхтит, покривит нос, и все дела. Бертрам Вустер не из тех, кого можно испугать парой-тройкой резких слов. Он просто усмехнется про себя и потихоньку щелкнет пальцами. Не все ли равно, какого мнения обо мне старый дурень. Да он не произнес и десятой доли того, что высказала бы на его месте тетя Агата. Беда только в том, что я обещал Нобби замолвить перед дядей словечко за ее обожаемого Боко, и, когда вы появились, я как раз стоял и огорчился, что мои возможности в этой области сильно убыли. Я больше не оказываю на дядю Перси прежнего влияния. Так что вы уж постарайтесь насчет этой встречи.

– Я, безусловно, употреблю все старания, сэр. Ситуация мне совершенно ясна.

– Отлично. Что-то еще я должен был вам сказать? Ах да. Сыр.

– Мистер Чеддер?

– Не просто мистер Чеддер, а констебль полиции Чеддер, Дживс. Сыр, оказывается, теперь деревенский полисмен.

У Дживса на лице выразилось удивление, что вполне естественно.

Ведь еще недавно, когда они только познакомились у нас в лондонской квартире, Сыр был для Дживса всего лишь обыкновенным заурядным гостем в костюме из твида. То есть я хочу сказать, на нем не было ни мундира, ни каски и ничего похожего на форменные башмаки.

– Полисмен, сэр?

– Да, и к тому же вредный и мстительный. С ним у меня тоже состоялся неприятный разговор. Ему не нравится, что я здесь.

– Мне кажется, в наши дни много молодых джентльменов поступают на работу в полицию, сэр.

– Хорошо бы их было одним меньше. Попасть в немилость к полиции – это не шутки.

– Да, сэр.

– Мне придется быть постоянно начеку, чтобы он не мог придраться и применить ко мне свои служебные полномочия. Нельзя будет учинить пьяный дебош в деревенском трактире.

– Ни в коем случае, сэр.

– Один ложный шаг, и он нападет на меня, как этот... кто это напал, будто волк на овчарню, Дживс?

– Ассирийцы¹⁴, сэр.

– Верно. Вот сколько всего я пережил с тех пор, как мы с вами расстались. Сначала Сыр, потом Эдвин, потом пожар и в заключение – дядя Перси. И это за каких-то полчаса. Все вместе наглядно показывает, что может учинить над человеком Стипл-Бампли, если возьмется за дело как следует. Да, и вот еще что, о господи, чуть было не забыл. Брошь помните?

– Сэр?

– Ну, брошь тети Агаты.

– А, да, сэр.

– Она потерялась. Не беспокойтесь, все в порядке. Потом она нашлась. Но можете себе представить, что я пережил. У меня сердце чуть не остановилось.

– Нетрудно вообразить, сэр. Но теперь она точно у вас?

– О да, – ответил я и засунул руку в карман. – Вернее сказать, – проговорил я и вынул руку из кармана, чувствуя, что лицо мое бледнеет, а глаза лезут на лоб, – вернее, нет. Дживс, – сказал я, – вы не поверите, но эта чертова штуковина опять куда-то подевалась!

С Дживсом иногда так бывает, и я, случалось, ставил ему это на вид: услышав, что все-ленная молодого хозяина закачалась, он произносит только: «Весьма неприятно, сэр». Но в данном случае он не мог не признать, что такое важное событие заслуживает большего. Не стану утверждать, что он побелел как полотно, и он не чертыхнулся, это совершенно точно, но он был максимально – для него – близок к тому, что называется в кинобоевиках «дыхание у него перехватило». Он посмотрел озабоченно и, если бы не придерживался самых строгих взглядов на корректность в отношениях между хозяином и слугой, наверное, похлопал бы меня по плечу.

– Это серьезное бедствие, сэр.

– Как будто я сам не понимаю!

– Ее сиятельство будет сильно раздражена.

– Могу себе представить, как она примется визжать от злости.

– Вы не вспомните, где могли обронить эту вещь, сэр?

– Я стараюсь. Погодите минуту, Дживс. – Я закрыл глаза. – Дайте мне поразмыслить.

Я стал размышлять.

– Ура!

– Сэр?

¹⁴ Образ из поэмы Дж. Байрона «Разрушение Синнахериба» (1815).

– Нашел.

– Брошь, сэр?

– Да нет, не брошь. Я нашел, где я мог ее потерять.

Пришлось восстановить в памяти всю сцену.

– Дело происходило следующим образом. Дом горел, и я вдруг вспомнил, что оставил в прихожей маленький чемоданчик. Что в нем содержалось, надеюсь, вам напоминать не надо? Костюм Синдбада-морехода.

– А, ну да, сэр.

– Не говорите «ну да», Дживс. Просто слушайте дальше. Итак, повторяю, я вдруг вспомнил про чемоданчик в прихожей. А вы же знаете меня. Подумано – сделано. Без секунды промедления я бросился в прихожую, схватил чемоданчик. Ну а для этого пришлось нагнуться. И по-видимому, при наклоне злосчастная штукавина выскользнула из моего кармана.

– Тогда она и сейчас должна лежать в прихожей, сэр.

– Да. Но взгляните на эту прихожую.

Мы оба обернулись и посмотрели. Я покачал головой. Дживс тоже покачал головой. «Укромный уголок» уже не так полыхал, как вначале, но внутренность его представляла собой нечто, куда по своей воле могли бы войти лишь Седрах, Мисах и Авденаго¹⁵.

– Оттуда ее не достанешь, если она и сейчас там лежит.

– Да, сэр.

– Что же делать?

– Позвольте мне поразмыслить, сэр?

– Пожалуйста, Дживс.

– Благодарю вас, сэр.

Он погрузился в молчание, а я от нечего делать стал представлять себе, что мне предстоит услышать от тети Агаты. Перспектива встречи с ней меня не радовала. Мелькнула даже мысль, что, пожалуй, неплохо бы опять съездить ненадолго в Америку. Единственная положительная сторона в обладании такой теткой состоит в том, что приходится много путешествовать, а это расширяет как горизонты, так и круг знакомств.

Я уже готов был сказать себе: «На Запад, на Запад, мой юный друг!» – но, взглянув на мыслителя Дживса, обнаружил у него на физиономии то особенно умное выражение, которое всегда возвещает появление блестящей идеи.

– Итак, Дживс?

– По-моему, я нашел простой способ разрешить вашу трудность, сэр.

– Давайте его сюда, Дживс, да поживее.

– Я бы мог сесть в автомобиль, съездить в Лондон, обратиться в магазин, где ее сиятельство приобрела свой подарок, и купить другую брошь взамен утраченной.

Я взвесил это предложение. Нашел его здоровым. И во мне проснулась надежда.

– То есть ввести дублера?

– Да, сэр.

– И вручить адресату в качестве оригинала?

– Именно, сэр.

Я взвесил его мысль еще раз. И чем дольше затягивалось взвешивание, тем соблазнительнее представлялось решение.

– Я вас понял. Механизм тот же, что был задействован при подмене тетиной собаки Макинтоша.

– Да, есть сходство, сэр.

¹⁵ О том, как три святых мужа: Седрах, Мисах и Авденаго – были брошены в горящую печь, но не сгорели, повествуется в библейской Книге Пророка Даниила, 3:15–27.

– Тогда мы оказались без скотч-терьера, хотя должны были его при себе иметь, но вы совершенно справедливо рассудили, что собаки данной породы очень похожи одна на другую, вызвали второй исполнительский состав, и успех был полный.

– Да, сэр.

– Думаете, с брошами сработает та же система?

– Полагаю, что да, сэр.

– А что, все броши тоже на одно лицо?

– Не всегда, сэр. Но, задав несколько вопросов, я составлю представление о том, как выглядело утраченное украшение и какая цена была за него уплачена. В результате чего я смогу привезти другое, практически неотличимое от прежнего.

Он меня убедил. С души моей свалилась страшная тяжесть. Выше я упомянул, что незадолго перед тем Дживс, как мне показалось, едва не похлопал меня по плечу. Теперь же я сам с трудом удержался, чтобы не похлопать по плечу его.

– Вы молодчина, Дживс!

– Благодарю вас, сэр.

– Rem... как там дальше?

– ...acu tetigisti, сэр.

– Мне бы следовало знать, что вы найдете выход.

– Я рад, что вы питаете ко мне доверие, сэр.

– У меня есть счет в «Эспинале», так что велите им записать на меня.

– Очень хорошо, сэр.

– Езжайте не откладывая.

– Времени довольно, сэр. Я смогу добраться до этого магазина задолго до закрытия. Я думаю, мне надо сначала еще заехать к мистеру Фитлуорту, известить его о том, что произошло, выгрузить ваши вещи и предостеречь насчет вашего скорого прибытия.

– «Предостеречь» – подходящее слово?

– Мне следовало сказать «предуведомить», сэр.

– Но только особенно в любезностях не рассыпайтесь. Минуты летят, помните. Брошь должна попасть в руки адресата сегодня вечером. Наилучшим вариантом было бы, чтобы подарок лежал у ее прибора, когда сядут ужинать.

– Я, вне всякого сомнения, сумею возвратиться в Стипл-Бампли ко времени ужина, сэр.

– Ну и отлично, Дживс. Я знаю, что вы обернетесь вовремя. Первая остановка – Боко. А я тем временем еще немного пошарю здесь. Есть какая-то вероятность, хотя и ничтожная, что я мог выронить эту штуковину на траву. Не помню точно, как на меня подействовало зрелище пожара, но, конечно, я на месте не сидел, а бегал, дергался и подпрыгивал достаточно, чтобы из карманов выскакивали пакеты.

На самом деле я так не думал. Я придерживался своей первоначальной теории, что потерял брошь, спасая маленький чемоданчик. Но в таких ситуациях хочется перевернуть каждый камень и пройти по каждой тропе.

Поэтому я стал шарить вокруг по всему газону и даже перетрогал все камни на альпийской горке. Ничего – как я и ожидал. Довольно скоро я это дело бросил и зашагал в сторону Боко. Уже у самой его калитки я вдруг услышал треньканье велосипедного звонка. Удивительная у здешних жителей склонность, подумал я, только и делают, что разъезжают на велосипедах, названивая в звонок. Смотрю, а это Нобби.

Я пошел ей навстречу, потому что именно ее я и хотел сейчас увидеть. Мне надо было поговорить с нею о Сыре и его сердечных делах.

Глава 12

Нобби грациозно соскочила с велосипеда, приветливо улыбнулась. Со времени нашей последней встречи она успела смыть дорожную пыль и сменить туалет и выглядела нарядно и элегантно. Зачем ей это понадобилось, когда предстояла встреча всего только с субъектом в латаных фланелевых брюках и свитере с круглым воротом, обвисшим вокруг шеи, не могу себе представить, но такой уж они народ, женщины.

– Привет, Берти, – сказала она. – Пришел к Боко с добрососедским визитом?

Я ответил, что так оно и есть, более или менее, но сначала мне нужны две минуты ее драгоценного времени.

– Послушай, Нобби, – начал я.

Разумеется, она не стала слушать. Я не встречал еще девушек, которые слушают. Скажешь «послушай» любой представительнице нежного пола, а она воспримет это слово как знак, что ей надо немедленно заговорить самой. Но по счастью, Нобби заговорила на ту самую тему, которую я хотел с ней обсудить, и поэтому такого уж страстного желания съездить ей кирпичом по голове я не испытал.

– Чем это ты так разъярил Сыра, Берти? – спросила она. – Я сейчас встретила его на дороге и спросила, не видел ли он тебя, а он стал весь малиновый и заскрежетал каждым зубом. Никогда еще не видела такого самовоспламеняющегося полисмена.

– Он тебе ничего не объяснил?

– Нет. Только еще энергичнее заработал педалями, словно участвовал в семидневной велосипедной гонке и вдруг увидел, что отстал от лидера. А что случилось?

Я мрачно ткнул ей в плечо указательным пальцем.

– Нобби, – говорю, – произошло некоторое недоразумение. В результате неблагоприятного сечения... нет, как его?... стечения обстоятельств Сыр теперь относится ко мне с подозрением. В его дурацкую голову запала мысль, что я приехал сюда с целью увести у него Флоренс.

– А на самом деле?

– Моя дорогая юная заноза, – проговорил я с чувством, – ну кому захочется уводить Флоренс? Ты подумай своим умишком. Но как я уже сказал, из-за этого злосчастного стечения он заподозрил худшее.

Я в нескольких сжатых словах описал ей ситуацию, включая приезд Лохинвара, и, когда кончил описывать, она произнесла одну из тех дурацких реплик, которые укрепляют мужчину в убеждении, что женский пол как таковой надо запретить:

– Ты бы сказал ему, что отрицаешь свою вину.

Я раздраженно цыкнул зубом.

– Как будто я не говорил ему, что отрицаю свою вину. Да только он мне не поверил. И продолжал распаляться, достигнув под конец такого градуса по Фаренгейту, что кажется, еще мгновение, и он меня арестует. И кстати, ты могла бы предупредить меня, что он работает полицейским.

– Упустила из виду.

– Этим ты избавила бы меня от неприятного потрясения. Когда я услышал, что кто-то зовет меня по имени, обернулся и увидел, что он катит ко мне на велосипеде в полной амуниции деревенского полисмена, меня чуть родимчик не хватил.

Нобби рассмеялась, но это был сольный смех. В сложившемся положении я был совсем не расположен составить с ней дуэт.

– Бедняга Сыр!

– Так-то оно так, но...

– По-моему, это очень даже мужественное решение – самому зарабатывать себе на жизнь, а не сидеть на коленях у богатого дядюшки и получать подачки из его кармана.

– Согласен, но...

– А Флоренс не согласна. И это забавно, ведь внушила-то ему такие мысли она. Толковала про социализм, заставляла читать Карла Маркса. А Сыр очень внушаемый.

Это правда. Я вспомнил, как в Оксфорде один человек обратил Сыра на какое-то время в буддизм. Возникли всякие затруднения с администрацией, так как он сразу же перестал посещать факультетские молебны, а вместо них предавался медитации под ближайшим кустом, который можно было толковать как молитвенное дерево.

– А теперь она вне себя, говорит, что глупо было с его стороны понять ее буквально.

Нобби сделала паузу, чтобы еще немного посмеяться, и я воспользовался возможностью вставить словечко со своей стороны:

– Вот именно. Она вне себя, и как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. Сыр – зеленоглазое чудовище, Сыр, который становится малиновым и скрежещет коренными зубами при упоминании моего имени, – с этим я еще готов мириться. Не то чтобы это было так уж приятно – постоянно сознавать, что силы охраны порядка скрежещут на тебя зубами, но с годами научаешься принимать как тихую погоду, так и ветреную. Но я боюсь, что Флоренс к нему охладевает.

– С чего ты взял?

– Она со мной только что говорила о нем. При этом употребила выражение «ослиное упрямство», призналась, что все это ей чертовски надоело и она просто не знает, что делать. И вообще, я бы сказал, она произвела на меня впечатление барышни, которая вот-вот даст своему милому отставку и возвратит колечко и подарки. Чувешь, чем это мне грозит?

– Ты намекаешь на то, что, если она расстанется с Сыром, ей может прийти в голову снова взяться за тебя?

– Да, я намекаю именно на это. Надо мной нависла страшная угроза. В результате еще одного кошмарного сечения... то есть стечения, мои акции у нее в настоящее время поднялись на ужасающую высоту, и в любой момент может произойти все, что угодно.

Я коротко описал Нобби происшествие со Спинозой и «Сплином и розой». Она выслушала и задумалась.

– Знаешь, Берти, – промолвила она, помолчав, – мне всегда казалось, что изо всего множества своих женихов Флоренс на самом деле хотела выйти за тебя.

– О боже!

– Сам виноват, что ты такой симпатичный.

– Возможно, да что теперь сделаешь?

– Но все-таки я не понимаю, из-за чего ты так нервничаешь? Если она сделает тебе предложение, просто залейся нежным румянцем и взволнованно произнеси: «Мне так ужасно жаль! Ты сделала мне самый большой комплимент, какой может женщина сделать мужчине. Но это невозможно. Останемся, как до сих пор, друзьями, ладно?» И все дела.

– Ничего подобного. Ты что, не знаешь Флоренс? Станет она делать предложение, дожидаясь. Она просто оповестит меня, что наша помолвка опять в силе, как гувернантка оповещает своего воспитуемого, что он обязан доесть шпинат. И если ты воображаешь, что у меня хватит характера выйти против нее с *polle prosequi*¹⁶...

– С чем?

– Это у Дживса такая присказка. Означает: «На-ка, выкуси». Так вот, если ты воображаешь, что я способен за себя постоять и послать ее куда подальше, то ты сильно переоцениваешь храбрость Вустеров. Нет, ее надо помирить с Сыром. Другого выхода нет. Послушай, Нобби.

¹⁶ Юридическая формула отказа от иска со стороны истца, букв. – «продолжать не буду» (лат.).

Вчера я написал тебе письмо, в котором изложил свой взгляд на Флоренс и просил тебя сделать все возможное, чтобы открыть Сыру глаза на то, что его ждет. Ты прочла его?

– От первой до последней строчки. Оно произвело на меня сильнейшее впечатление. Я и не подозревала, что у тебя такой живой повествовательный стиль. Напоминает Эрнеста Хемингуэя. Ты, случайно, не печатаешься под фамилией Хемингуэй?

Я отрицательно мотнул головой:

– Нет. Единственное, что я в жизни написал, – это статью «Что носит хорошо одетый мужчина» для журнала «Будуар эlegantной дамы», но она вышла под моей собственной фамилией. Я вот что хочу сказать: не обращай внимания на мое письмо. Теперь я всем сердцем – за этот брак. Желание спасти Сыра меня полностью оставило. Кого я стремлюсь теперь спасти, так это Б. Вустера. Так что будешь разговаривать с Флоренс, расхваливай Сыра на все корки. Пусть поймет, какое сокровище ей досталось. А если ты имеешь на него влияние, постарайся его уговорить, чтобы он бросил эту дурацкую затею с полицией и согласился выставить свою кандидатуру в парламент, как того желает дама его сердца.

– Я бы дорого дала, чтобы увидеть, как Сыр заседает в парламенте.

– Я бы тоже, если это наладит их отношения.

– То-то будет фантастическое зрелище!

– Вовсе не обязательно. Среди наших законодателей есть идиоты и похлеще. Их там полным-полно. Его они, наверное, выдвинут в министры. Так что ты уж постарайся, Нобби.

– Сделаю, что смогу. Но Сыра довольно трудно переубедить, если его мысли приняли определенное направление. Помнишь глухого аспида?

– Какого еще аспида?

– Ну этого, который затыкал уши и не слушал заклинателей, как они ни лезли вон из кожи, чтобы его заклясть¹⁷. Вот и Сыр точно такой же. Однако, как я сказала, я сделаю, что смогу. А теперь пошли поднимем Боко с его лежбища. Мне до смерти любопытно узнать, что там у них было за обедом.

– Так ты не видела дядю Перси?

– Нет еще. Его не было дома. А что?

– Да нет, ничего. Просто я подумал, если бы ты его видела, то могла бы услышать свидетельские показания от него, – пробормотал я, от души сочувствуя старому школьному товарищу и надеясь, что он успел сочинить какую-нибудь мало-мальски приемлемую версию этого плачевного события.

Переступив порог, мы сразу же услышали стрекот пишущей машинки – признак того, что Боко все еще работает над письмом дяде Перси. Звуки эти смолкли, как только Нобби громко окликнула Боко из прихожей, и, когда мы входили в гостиную, он как раз второпях выбрасывал в корзинку очередной забракованный листок.

– А, это ты, дорогая! – жизнерадостно произнес он. Видя, как он вскакивает со стула и горячо обнимает Нобби, посторонний наблюдатель бы решил, что на душе у него нет ни малейших забот, кроме разве прически, которая была в ужасающем беспорядке. – Я тут отделивал абзац.

– Ой, милый, мы прервали поток вдохновения?

– Ничего, пустяки.

– Мне не терпелось узнать, как прошел обед.

– Конечно, конечно. Сейчас все расскажу. Да, Берти, Дживс привез твои пожитки. Они в комнате для гостей. Разумеется, я рад тебя принять. Какая неприятность с этим пожаром.

– С каким пожаром? – спросила Нобби.

¹⁷ Нобби ссылается на библейский псалом, 57:5–6.

– По словам Дживса, Эдвину удалось дотла спалить «Укромный уголок». Это правда, Берти?

– Полнейшая правда. В счет доброго дела за прошлую пятницу.

– Ах, какое несчастье! – воскликнула юная Нобби с глубоким сочувствием, которое так красит женщину. Боко, наоборот, подошел к вопросу с другой стороны.

– А по-моему, – сказал он, – Берти дешево отделался. Он, кажется, даже не обжегся. Сгоревший дом – безделица. Обычно, когда Эдвин принимается наверстывать отставание по части добрых дел, это связано с опасностью для человеческой жизни. Вспоминаю, как он однажды чинил мне электрическую яйцеварку. Я иногда, уйдя с головой в работу и прилагая все усилия на благо моих читателей, подымаюсь утром пораньше, еще до прихода хозяйки. В этих случаях я имею обыкновение варить себе для поддержки творческих сил яйцо в патентованном приспособлении, которые продаются в магазинах. Ну, вы знаете, о чем я говорю. Такая штука, которая утром будит вас звонком будильника, желает вам доброго утра, заливает воду для кофе, поджигает снизу горелку и приступает к варке яйца. Ну и вот, назавтра после того, как Эдвин в ней что-то починил, яйцо, едва очутившись в машинке, вылетело пулей и прямо мне по носу, так что я даже упал. А сколько крови вытекло, страшно вспомнить. Вот почему я утверждаю, что, раз у тебя все обошлось только пожаром, считай, тебе сильно повезло.

Нобби высказала надежду, что когда-нибудь найдется человек, который не остановится перед убийством Эдвина, и мы согласились, что, безусловно, к тому идет.

– А теперь, дорогая, – сказал Боко все тем же необъяснимо ликующим тоном, которым я, зная истинное положение дел, не мог не восхититься, – ты, должно быть, хочешь услышать, как прошел наш обед. Так вот. Он прошел очень хорошо.

– Милый!

– Да, прекрасно прошел. По-моему, начало положено замечательное.

– Ты был остроумен?

– Необыкновенно остроумен.

– И раскован?

– Даже более того.

– Ангел! – произнесла Нобби и быстро поцеловала его раз пятнадцать подряд.

– Да, – не остановился на этом Боко. – Мне кажется, на него подействовало. Трудно, конечно, утверждать, когда у человека такая непроницаемая физиономия, скрывающая всякие чувства, но, на мой взгляд, он начал смягчаться. Мы ведь и не ожидали, что он с первого же раза упадет мне на грудь, верно? Обед должен был только подготовить почву.

– А о чем вы разговаривали?

– Так, о том о сем. Например, о пауках, как я припоминаю.

– О пауках?

– Он вроде бы интересуется пауками.

– Вот уж не знала.

– Одна из тех сторон его натуры, которая, по-видимому, была для тебя закрыта. Ну а после, поговорив о том о сем, мы еще коснулись того-этого.

– А неловких пауз не было?

– Я не заметил ни одной. Наоборот, он, как говорится, болтал вовсю, особенно под конец.

– Ты сказал ему, какую уйму денег ты зарабатываешь?

– О да, я затронул это.

– Надеюсь, ты объяснил ему, что ты серьезный, целеустремленный молодой человек и доходы твои не могут упасть? Это его больше всего беспокоит. Он опасается, что ты вспыхнешь и прогоришь без следа.

– Как «Укромный уголок»?

– Понимаешь, в молодости, еще только начиная свой пароходный бизнес, дядя Перси вращался в Лондоне в довольно разгульных компаниях и был знаком со многими писателями, которые время от времени получали порядочный куш, но растрачивали все за несколько дней и потом жили в долг. Мой папочка принадлежал к их числу.

Это было для меня новостью. Я и представить себе не мог, что дядя Перси когда-то в молодости вращался в разгульных компаниях. Я вообще не представлял себе, что он когда-то был молодым. Обычное дело: если у старикана усы щеточкой, солидный, доходный бизнес и повадка медведя, поднятого в разгар зимней спячки, никто не интересуется его прошлым и не задается вопросом: может, и он когда-то кутил на всю катушку?

– Этот вопрос мы затронули одним из первых, – ответил Боко. – Я подчеркнул, что современный писатель – это упорный и неутомимый труженик. Его прежде всего интересуют деньги, и, добывая, он их откладывает.

– Ну, это должно было ему понравиться.

– Еще бы.

– Так, значит, все хорошо?

– Замечательно.

– Теперь дело за Берти.

– Да, будущее зависит от него.

– Он уговорит дядю, и...

– Нет, я не совсем то имел в виду. Боюсь, тут ты немного отстала от стремнин и водоворотов последних событий. Берти едва ли стоит заступаться за нас перед дядей. Его имя смешано с грязью.

– Смешано с грязью?

– Да. Я верно выражаюсь, Берти?

Я вынужден был признать, что он выразился более или менее верно.

– Дядя Перси почему-то возомнил, – принялся объяснять я, – что я был помощником и вдохновителем Эдвина в его поджигательской деятельности. И это сильно уменьшило мой вес как заступника. Теперь он так легко моему влиянию не поддастся.

– Что же с нами будет? – спросила Нобби дрогнувшим голосом.

Боко, подбадривая, похлопал ее по плечу:

– С нами все будет хорошо. Не беспокойся понапрасну.

– Но ведь если Берти не может замолвить за нас слово...

– Ты упускаешь из виду, какая у него многогранная натура. Он без труда может пролезть в окно буфетной. Этим он нам и поможет. Я много думал, и мне пришла в голову великолепная мысль. Что, если, сказал я себе, я спасу дом твоего дяди от ночного грабителя? Тогда почтенный родич убедится, что я человек достойный. И вымолвит: «Клянусь душой, отличный малый этот Фитлуорт!» Правильно я говорю?

– Пожалуй.

– У тебя какой-то неуверенный голос.

– Просто я подумала, что едва ли это когда-нибудь случится. В Стипл-Бампли уже лет двести не было грабежей. Сыр на днях на это жаловался. Для молодого честолюбивого полисмента, он говорил, тут не открывается никаких перспектив.

– Ну, это можно будет устроить.

– То есть как это?

– Организовать грабеж со взломом. Он произойдет в «Бампли-Холле» сегодня же ночью. Об этом позаботится Берти.

Тут возможно было лишь одно замечание, и я его сделал.

– Минуточку! – воскликнул я.

– Не перебивай, Берти, – укоризненно произнес Боко. – От помех разбегаются мысли. Сейчас объясню в двух словах, какой план я разработал. На рассвете мы с Берти пробираемся в усадьбу. Останавливаемся под окном буфетной. Он разбивает стекло. Я поднимаю тревогу. Он исчезает...

Это был в его плане первый пункт, который, на мой взгляд, заслуживал одобрения. Я сказал:

– А-а.

– ...а я остаюсь и принимаю восторги и рукоплескания присутствующих. По-моему, дело беспроектное. Солидный домовладелец уорпледоновского типа очень не любит, чтобы в дом, которым он владеет, вламывались посторонние; человеку, который пресечет в зародыше такую попытку, он обязательно распахнет объятия. И еще до начала дня, по моим расчетам, я получу от него обещание, что он будет танцевать на нашей свадьбе.

– Дорогой! Как чудесно!

Это воскликнула Нобби, а не я. Я же стоял, закусив губу, в нескрываемой тревоге. Мне следовало помнить, говорил я себе, что пьеса, которую написал Боко, принадлежит к криминально-приключенческому жанру, естественно, что и план, родившийся в его отравленном сознании, будет в том же духе.

Ведь если постоянно думаешь про то, как раздаются вопли в ночи, и гаснет свет, и человеческие руки высовываются прямо из стены, и все бегают по дому, крича: «Призрак приближается!» – само собой, в минуту опасности ничто другое и в голову не придет. Я тут же, не сходя с места, решил, что отвечу решительным «нет». То есть Бертрам Вустер всегда рад оказать дружескую поддержку грезам юной любви, однако всему есть границы, и притом очень четко прочерченные.

Вижу, Нобби утерла свои восторги. И тоже стоит, прикусив губу.

– Конечно, это чудесно. Но...

– Не нравится мне это «но».

– Я только хотела спросить: как ты объяснишь?

– Что объясню?

– Каким образом ты оказался там принимать восторги и рукоплескания.

– Очень просто. В Стипл-Бампли все знают, как я тебя безумно люблю. Вполне естественно, что я прихожу ночью в сад и гляжу на окно своей возлюбленной.

– А-а, понятно. И вдруг ты услышал звук...

– Странный такой звук, вроде звона разбитого стекла. Зашел за угол дома, а там кто-то разбивает окно буфетной.

– Ну конечно! Теперь мне все ясно.

– Я знал, что ты поймешь.

– Значит, все зависит от Берти.

– Абсолютно все.

– А вдруг он не согласится?

– Пожалуйста, не говори так. Ты можешь ранить ему душу. Разве ты не знаешь, что он за человек? У него стальные нервы, и, когда надо помочь товарищу, он не остановится ни перед чем.

Нобби глубоко вздохнула.

– Он замечательный, правда?

– Ему нет равных.

– Я всегда его очень высоко ценила. Когда я была маленькая, он подарил мне на три пенса леденцов.

– Его щедрость не знает границ. Это свойство настоящего мужчины.

– Я им так восхищалась!

- Я тоже. Не знаю никого, кем бы я восхищался больше.
- Тебе не кажется, что в нем есть что-то от сэра Галахада?
- Я как раз хотел тебе это сказать.
- Конечно, ему и в голову не придет отказать в рыцарской услуге.
- Разумеется. Так, значит, договорились, Берти?

Удивительно, как много могут сделать несколько добрых слов. До последней минуты я был готов ответить «нет» и даже приоткрыл уже рот, чтобы произнести это слово как можно выразительнее. Но тут я встретил взгляд Нобби, полный немого обожания, и почувствовал, как Бобо горячо жмет мне руку и дружески хлопает по плечу, и что-то меня остановило. Действительно, нельзя было ответить «нет», не нарушив сердечной атмосферы нашей встречи.

- Естественно, – сказал я. – Само собой.

Но без особого восторга. Не слишком весело.

Глава 13

Нет, далеко не весело. И этот дефицит веселья, признаюсь, я ощущал вплоть до самого часа «икс». Все время, пока тихо вечерело, пока я сидел за скромным ужином, а потом томился в тягостном ожидании, когда же наконец деревенские часы пробьют полночь, на душе у меня накапливалось беспокойство. И когда момент настал и мы с Боко пошли через парк к назначенному месту действия, оно расходилось вовсю.

Боко был возбужден и жизнерадостен и по пути то и дело шепотом призывал меня полюбоваться красотами природы и понюхать, как бесподобно благоухают цветы, мимо которых мы неслышно скользили; но с Бертрамом дело обстояло иначе. Состояние Бертрама, не стану этого скрывать, было довольно подавленное. По спине бегали мурашки, и угнетенное сердце сжималось в тоске. Слово Вустера было уже дано, я выразил готовность сослужить службу молодым влюбленным, и о том, чтобы теперь уклониться от этого предприятия и тихонько выйти из игры, не могло быть речи. Все так, но удовольствия мне это не доставляло ни малейшего.

По-моему, я уже говорил выше, что терпеть не могу пробираться в темноте по чужим садам. Слишком много неприятных эпизодов было связано в моем прошлом с чужими садами – например, один раз в «Бринкли-Корте», когда обстоятельства принудили меня выйти в сад на рассвете и ударить в пожарный гонг; или другой случай, когда Роберта Уикхем против моего желания уговорила меня залезть на дерево и сбросить цветочный горшок на теплицу, чтобы поднялся звон и грохот и под шумок ее кузина Клементина, убежавшая из школы, могла бы незаметно вернуться. Этот эпизод из всех был самый душераздирающий, так как завершился внезапным появлением полицейского, потребовавшего ответа на вопрос: что здесь происходит? И от сознания, что все может сейчас дословно повториться и что полицейским, который в таком случае явится на место происшествия, будет не кто иной, как Сыр, у меня в жилах стыла кровь и под ложечкой появилось трепыхание, как будто я принял внутрь две столовые ложки бабочек.

Ощущение это было настолько сильным, что я с плохо скрытым ужасом схватил Боко за рукав и затащил за встречное дерево.

– Боко, – сипло произнес я, – а как насчет Сыра? Про него-то ты не подумал?

– Что-что?

– Вдруг он сегодня ночью на дежурстве? И рыщет по окрестностям? Что будет, если он во всей амуниции, при полицейском свистке и блокноте, вдруг выскочит из кустов?

– Глупости.

– Представляешь, каково это, когда тебя арестует человек, с которым вместе учились в школе? Сыр такого случая не упустит. У него на меня зуб.

– Чепуха, – со светской самоуверенностью отозвался Боко. – Не позволяй мыслям принимать это нездоровое направление. Такая робость недостойна тебя. А насчет Сыра можешь не беспокоиться. Вспомни, какой у него вид – глаза блестят, во всю щеку румянец, такой человек, уж конечно, следит за тем, чтобы спать свои восемь часов. Его девиз: рано в кровать, рано вставать. Сыр сейчас лежит под одеялом и спит сладким сном младенца и к исполнению своих обязанностей приступит только в семь часов тридцать минут, когда затарахтит будильник у его кровати.

Так-то оно так, конечно. Боко рассуждал убедительно, и слова его придали мне бодрости. Действительно, у Сыра румянец во всю щеку. Однако через минуту я снова дрогнул. Ведь опасность не только в одном Сыре, подумал я. Даже если пренебречь Сыром, существует еще и другая сторона: дядя Перси и тетя Агата. Как ни крути, но эти уголья и сады, в которые мы сейчас незаконно проникли, – их частная собственность. То есть допустим, я ускользну от дракона, а гиппогрифы? С гиппогрифами-то как быть? – спрашивал я себя.

Если что-то обернется не так, если эта безумная затея, в которой я взялся участвовать, где-то не сработает, к чему это приведет? Могу сказать вам, к чему это приведет. Мало того, что я должен буду держать ответ перед разъяренным дядей, который по праву потребует объяснения, зачем я разбудил его среди ночи и какого черта занимаюсь битьем окон у него в саду, но доклад обо всем этом, со смачными подробностями, услышит по возвращении домой тетя Агата, и что тогда?

Гораздо менее значительные мои прегрешения в прошлом побуждали престарелую родственницу жаждать моей крови и бросаться на меня с боевым топором, как краснокожий, ступивший на тропу войны.

Я намекнул на это Боко, когда мы достигли цели нашего путешествия. Вместо ответа он потрепал меня по плечу – дружественный жест, бесспорно, однако укреплению моего боевого духа он если и способствовал, то минимально.

– Если попадешься, – сказал мне Боко, – то держись, как будто ничего не произошло.

– Как будто ничего не произошло?

– Ну да. Как ни в чем не бывало. Патока при тебе?

Я ответил, что патока при мне.

– А бумага?

– И бумага.

– Тогда я отойду на десять минут. В твоём распоряжении будет восемь минут, чтобы собраться с духом, одна минута, чтобы разбить окно, и одна минута, чтобы убраться подбурову.

Идея насчет патоки принадлежала Боко. Он утверждал, что в таком деле патока совершенно необходима, чтобы все подумали, будто тут работал профессионал, а нам только того и надо. По словам Боко, а уж он-то знает такие вещи, образованный взломщик всегда начинает с того, что обзаводится патокой и оберточной бумагой. Последнюю он с помощью первой приклеивает к стеклу, после чего, размахнувшись, разбивает его одним ударом кулака.

Надо же, чем только не приходится людям зарабатывать на жизнь! Я употребил, кажется, не менее трех минут из имевшихся у меня десяти на размышления о том, какими мужественными должны быть взломщики и что побуждает их выбрать себе такую трудоемкую профессию. Заработки, конечно, немалые, и практически никаких накладных расходов, но зато сколько приходится тратить на невропатологов и санатории! Да только покупка подкрепляющего питья оставляет, я думаю, ощутимую прореху в бюджете.

Я бы продолжал размышлять на подобные темы и дальше, но не мог себе этого позволить, ибо время летело, Боко мог появиться с минуты на минуту. И меня совсем не прельщало признаваться ему, что я растранижил на пустые мечтания те драгоценные минуты, когда следовало действовать.

Придерживаясь правила: «Взялся спать, спи скорее», как говаривал Шекспир, я быстро намазал бумагу патокой и прилепил к стеклу. Теперь осталось только нанести удар. Но тут как раз на меня напала нерешительность, и я принялся малодушно переминаться с ноги на ногу, как Сыр у входа в ювелирный магазин.

Тогда, наблюдая за ним, я думал, что в искусстве танца на месте он достиг пределов, но теперь убедился, что до вершин топтания ему далеко. В сравнении с тем, как выступал и пятился я, он топтался совершенно некачественно. Я делал шаг в направлении к цели, затем шаг в направлении от цели и затем еще шаг в сторону. Зрителю, если бы таковой имелся, показалось бы, наверное, что я разучиваю сложные па какого-то ритмического танца.

Но наконец я все-таки набрался храбрости, этой великолепной отваги Вустеров, напряг мышцы, рванулся вперед и уже занес кулак, как вдруг у меня словно динамитная шашка взорвалась под ногами. Волосы на голове как один встали дыбом, и каждый нерв натянулся в

струнку с завитком на конце. В жизни Бертраму Вустеру случалось, и не один раз, испытывать смятение, но до такой степени – никогда.

Откуда-то сверху раздался голос:

– Ух ты! Эй! Кто там?

Если бы не это «ух ты», я бы решил, что слышу голос своей совести. Но в данной ситуации я без труда определил, что он принадлежит проклятию рода человеческого, юному Эдвину. Прижавшись к стене дома, как смазанный патокой лист бумаги, я смутно разглядел его голову в верхнем окне. После всего, что довелось пережить, в довершение еще нападают бойскауты! Я почувствовал укол в самое сердце. Мне было очень обидно.

Спросив: «Кто там?» – он замолчал, предоставляя мне подать ответную реплику, хотя даже мальчишка с тряпичными мозгами должен понимать, что грабитель не станет добровольно поддерживать разговор.

– Кто это? – спросил Эдвин несколько мгновений спустя.

Я благоразумно помалкивал. Тогда он сказал:

– Все равно я вас вижу.

Но голос звучал неуверенно, ясно было, что мальчишка нагло лжет. Одно обстоятельство поддерживало во мне бодрость духа и успокаивало дрожание сердечных струн в эту неприятную минуту: ночь была темная, никаких тебе лун и прочей подобной ерунды. Звезды светили, это да, но луны не было. Только ночной зверь вроде рыси мог бы разглядеть меня, да и то если у него стопроцентное зрение.

Я молчал, и это его явно обескураживало, разговор без участия собеседника всегда быстро иссякает. Некоторое время он еще вглядывался вниз – Дживс сравнил бы его с Благословенной Девой, выглядывающей из золотых облаков¹⁸, – а затем втянул голову, и я снова остался один.

Впрочем, ненадолго. Через минуту подгребает Боко.

– Дело сделано? – осведомился он зычным шепотом, который разнесся по всему парку, точно крик лоточника, предлагающего брюссельскую капусту. Я вцепился в его рукав и попросил сбросить децибелы.

– Тише!

– А что такое?

– Эдвин.

– Эдвин?

– Он только что выставил в окно свою башку и спрашивал, кто там.

– Ты сказал?

– Нет.

– Прекрасно. Очень разумный шаг. Он уже, наверное, снова лег и заснул.

– Бойскауты никогда не спят.

– Глупости. Еще как спят. Сотнями. Ты разбил окно?

– Нет.

– Почему?

– Из-за Эдвина.

Боко прищелкнул языком, и я снова затрясся. В том слегка нервном состоянии, в котором я тогда был, этот звук показался мне стуком кастаньет, производимым целым скопищем испанских танцоров.

– Ты не должен отвлекаться от дела из-за всяких пустяков, Берти. У меня такое впечатление, что ты недостаточно серьезно относишься к своей задаче. Может быть, я, конечно, оши-

¹⁸ Образ из одноименного стихотворения Д. Г. Росетти (1850).

баюсь, но мне видится в твоих действиях определенное легкомыслие. Пожалуйста, соберись и постарайся помнить, что это значит для нас с Нобби.

– Но я не могу бить окна, когда наверху притаился Эдвин.

– Ну почему же? Не вижу, что тебе мешает. На Эдвина не обращай внимания. Если он насторожился, тем лучше. Это пойдет мне на пользу, когда я приступлю к исполнению моей роли. Он будет моим свидетелем. Даю тебе еще десять минут, после чего, уж будь добр, займись делом. Сигареты есть?

– Нет.

– Ну ничего, буду докуривать эту. Только и всего, – заключил Боко и удалился.

Читая вышеприведенный обрывок диалога, вы, наверное, обратили внимание на одно обстоятельство. Если вы понимаете, что значит по-французски *sangfroid*¹⁹, вы, конечно, заметили, в каком необыкновенном объеме демонстрировал это качество исчезнувший Фитлуорт. Я, например, дрожал и заикался, а он оставался спокоен и холоден, как заливной палтус, и мне пришлось в голову, что, вероятно, секрет тут в том, что он не стоит на месте.

Действительно, чем торчать как на посту под окнами буфетных, гораздо полезнее походить туда-сюда, и, глядишь, небольшая прогулка подтянет до нужной упругости мою провисшую нервную систему. С этой целью я двинулся в путь и завернул за угол дома.

Увы, надежды на то, что дрожащие нервные узлы перестанут вибрировать и трепыхание в желудке уймется, развеялись, не успел я сделать и десяти шагов. Потому что во мраке передо мной внезапно возникла какая-то смутная фигура, при виде которой я подскочил в воздух футов на пять и тоненько пискнул: «Ой!»

Правда, присутствие духа ко мне возвратилось – частично, – когда смутная фигура заговорила и я узнал голос Дживса.

¹⁹ Хладнокровие (*фр.*).

Глава 14

- Добрый вечер, сэр, – сказал Дживс.
- Добрый вечер, – ответил я.
- Вы напугали меня, сэр.
- А уж вы-то как меня напугали, Дживс! Я думал, у меня черепная коробка открылась.
- Весьма сожалею, что причинил вам такие неприятные переживания, сэр. Я не мог предупредить вас о своем появлении, поскольку встреча наша была не предусмотрена. Вы поздно на ногах, сэр.
- Да.
- Более приятной обстановки для ночной прогулки нельзя и представить себе.
- Вы так считаете?
- Разумеется, сэр. По-моему, ничто так не смирят душевные тревоги, как полночный сад.
- Ха-ха.
- Веет прохладный ветерок. Растения благоухают. Чувствуете? Это аромат душистого табака.
- Да?
- И звезды, сэр.
- Звезды?
- Да, сэр.
- При чем тут звезды?
- Я просто хотел обратить на них ваше внимание, сэр. Взгляните, как небосвод весь выложен кружками золотыми...
- Дживс...
- И самый малый, если посмотреть, поет в своем движении, точно ангел, и вторит юно-
ким херувимам²⁰.
- Дживс...
- Гармония подобная живет В бессмертных душах; но пока она Земною, грязной оболочкой праха Прикрыта грубо, мы ее не слышим.
- Дживс...
- Сэр?
- Вы не могли бы на этом остановиться?
- Разумеется, сэр, если вам угодно.
- У меня неподходящее настроение.
- Хорошо, сэр.
- Знаете, как иной раз бывает.
- Да, сэр. Я вполне понимаю. Я привез брошь, сэр.
- Брошь?
- Вы желали, чтобы я приобрел брошь взамен утраченной на пожаре, сэр. В подарок леди Флоренс по случаю дня рождения.
- А-а. – Вы представите себе в общих чертах, как подействовала на меня эта, выражаясь словами Дживса, ночная прогулка, если я вам скажу, что чертова побрякушка совершенно вылетела у меня из головы. – Так вы ее раздобыли?
- Да, сэр.

²⁰ Знаменитое поэтическое описание ночного неба из драмы У. Шекспира «Венецианский купец». Акт 5, сц. 1. – Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

– И вручили по назначению?

– Да, сэр.

– Хорошо. Одна забота с плеч. И поверьте, Дживс, чем больше забот мне удастся сбросить с плеч, тем лучше, потому что забот у меня в данную минуту выше ватерлинии.

– Мне очень жаль это слышать, сэр.

– Знаете, например, почему я блуждаю во тьме по парку?

– Я надеялся узнать это от вас, сэр.

– Сейчас узнаете. Я тут не просто разгуливаю от нечего делать, Дживс. Я выполняю задание, результаты которого могут потрясти человечество.

Я кратко описал ему события, приведшие к теперешней трагедии, а он внимательно слушал и лишь однажды перебил возгласом уважительного испуга, когда я перешел к дяде Перси, Боко и «шутейным товарам». Сразу видно, что мой рассказ захватил его.

– Весьма эксцентричный молодой джентльмен мистер Фитлуорт, сэр, – заключил Дживс, когда я смолк.

– Буйнопомешанный с ног до головы, – подтвердил я.

– Однако замысел его не лишен остроумия. Его сиятельство, несомненно, будет очень благодарен тому, кого сочтет спасителем, отразившим нападение на его дом нынешней ночью. Я случайно знаю, что, несмотря на многократные напоминания ее сиятельства, он забыл отправить письмо о продлении страхования против взлома.

– Как вы это узнали?

– Лично от его сиятельства, сэр. Услышав, что я собираюсь в Лондон, он дал мне конверт, который я должен был опустить в городе, с тем чтобы завтра с первой же почтой он был доставлен по адресу. При этом, настоятельно убеждая меня не подвести его и описывая, что будет, если ее сиятельство проведает о такой его забывчивости, он испытывал заметное волнение. Его била дрожь.

Я был поражен.

– То есть, по-вашему, он боится тети Агаты?

– Чрезвычайно, сэр.

– Он, такой могучий мужчина? Настоящий боцман на пиратском судне?

– Даже боцман на пиратском судне дрожит перед своим капитаном, сэр.

– Да-а. Вот уж не думал. Мне казалось, что если существует на свете человек, который в своем доме полный хозяин, то это он, Персиваль лорд Уорплесдон.

– Я склонен сомневаться, сэр, что на свете вообще существует человек, который являлся бы полным хозяином в доме при наличии в нем ее сиятельства.

– Может, вы и правы.

– Да, сэр.

Я перевел дух. В первый раз с тех пор, как Боко изложил свой замысел, мне немного полегчало. И теперь еще было бы некоторым отступлением от правды утверждать, что Бертрам Вустер с удовольствием предвкушал, как он будет выбивать окно в буфетной, но все же когда от своих действий можно ожидать ощутимых результатов – это совсем другое дело.

– Значит, на ваш взгляд, план Боко приблизит его к цели?

– Вполне возможно, сэр.

– Это меня утешает.

– Но с другой стороны...

– Господи, Дживс! Ну что там еще?

– Я только хотел заметить, что мистер Фитлуорт избрал для намеченного предприятия не самый удачный момент, сэр. Оно может прийти в противоречие с планами его сиятельства.

– То есть как это?

– По досадному совпадению, через несколько минут его сиятельство выйдет из дома и направится в садовый сарай, где его ожидает для переговоров мистер Чичестер Устрица.

– Чичестер Устрица?

– Да, сэр.

Я помотал головой.

– Напряжение последнего часа, по-видимому, плохо подействовало на мой слух. Мне почудилось, будто вы сейчас сказали: «Чичестер Устрица».

– Да, сэр. Мистер Дж. Чичестер Устрица, директор, руководящий линией «Устрицы».

– Что значит – линия «Устрицы»?

– Это пароходная линия, сэр, которая, если помните, планирует слияние с линией его сиятельства «Розовые трубы».

Тут наконец до меня дошло.

– Вы имеете в виду того господина, с которым дядя Перси ищет встречи? Старого морского волка из Америки?

– Именно так, сэр. Вследствие возгорания «Укрожного уголка» возникла необходимость предложить другое место, где бы два джентльмена могли встретиться и переговорить с глазу на глаз, не опасаясь помехи.

– И вы выбрали для них садовый сарай?

– Да, сэр.

– Благослови вас Бог, Дживс.

– Спасибо, сэр.

– Этот господин сейчас находится в сарае?

– Полагаю, что да, сэр. Отправляясь сегодня в Лондон, я имел поручение от его сиятельства позвонить мистеру Устрице в гостиницу и передать, чтобы он ехал в Стипл-Бампли и по прошествии получаса после полуночи был в сарае. Американский господин выказал полное понимание и согласие и сказал, что приедет загодя и будет вовремя в назначенном месте.

Я ощутил некоторое сострадание к этому субъекту, готовому на братское рукопожатие через океан. Рожденный и вскормленный в Америке, он наверняка не имел ни малейшего представления о том, что за ужасное это место – Стипл-Бампли, и что его там ждет. Неприятности, которые мистеру Устрице сулит Стипл-Бампли, я так, с ходу, затруднился бы перечислить, но не сомневался, что ему достанется несладко.

Мне стало также понятно, что имел в виду Дживс, говоря, что Боко избрал не самый удачный момент для намеченного предприятия.

– Через полчаса после полуночи? Это, наверное, уже сейчас.

– Тютелька в тютельку, сэр.

– Значит, дядя Перси может возникнуть в любую минуту?

– Если я не ошибаюсь, сэр, вон раздаются шаги его сиятельства.

Действительно, откуда-то с северо-северо-востока послышался шум, как от продвижения массивного предмета через ночные заросли.

У меня перехватило дыхание.

– Господи, Дживс!

– Сэр?

– Это он!

– Да, сэр.

Не нравилось мне все это, я был бы рад обойтись без обмена любезностями, но ничего не поделаешь. Я подумал и сказал:

– Ну, ладно, по-видимому, надо перекинуться с ним словечком-другим. А-а, здрасте.

То, что за этим последовало, признаюсь, доставило мне определенное удовольствие – я ведь и сам дважды за сегодняшнюю ночь подскочил чуть не до неба, когда ко мне неожиданно

обратились из непроглядной темноты. Наблюдая за тем, как почтенный родич с нечленораздельным писком взвился в поднебесье, я ощутил себя в какой-то степени отомщенным. Как ни сложатся дела дальше, но тут, по крайней мере, я частично отыгрался.

Знакома читателей со своим дядей по линии тети, я упомянул, что он имеет привычку в минуты волнения вскрикивать: «Что?» – и повторять это слово много раз. Так он поступил и теперь.

– Что??? Что??? Что??? Что??? Что??? – произнес он пять раз подряд, а затем прибавил еще одно, так что вышло круглым счетом полдюжины.

– Чудесный вечер, дядя Перси, – сказал я, надеясь с помощью любезности удержать разговор на дружеском уровне. – Мы тут с Дживсом разговаривали про звезды. Как вы высказались относительно звезд, Дживс?

– Я упомянул, что и самый малый, если присмотреться, «поет в своем движении, точно ангел, и вторит юнооким херувимам», сэр.

– Вот-вот, совершенно верно. Полезно знать такие вещи, вы не находите, дядя Перси?

Между тем, пока мы с Дживсом толковали о высоких материях, дядя знай себе твердил задушенным голосом: «Что??? Что??? Что???» – все еще не совладав с тяжестью обстоятельств. Но вот он сделал шаг вперед и остановился, вперив в меня взгляд, словно упиваясь зрелищем, представшим перед ним в этом неверном освещении.

– Ты! – одышливо выговорил он наконец, будто проплыл стайерскую дистанцию. – Что, черт возьми, ты тут делаешь?

– Да так, прохаживаюсь.

– Пойди прохаживаться куда-нибудь в другое место, разрази меня гром!

Вустеры легко понимают намек и, как правило, сразу чувствуют, если их присутствие нежелательно. Я прочитал между строк, что дядя Перси предпочел бы меня здесь не видеть.

– Будет исполнено, дядя Перси, – по-прежнему любезно ответил я и уже собрался было исчезнуть, как вдруг прямо у меня за спиной раздался еще один голос, которыми почему-то изобиловали здешние места, и это заставило меня повторить рекорд по прыжкам с места, только что поставленный моим престарелым свойственником, а может, и перекрыть его.

– Что тут происходит? – спросил голос, и мне, как пишут иногда в книгах, стало дурно. Я понял, что к нашей компании присоединился Чеддер по прозвищу Сыр. Боко насчет него глубоко заблуждался. Хоть и румяный, он вовсе не походил на любителя задавать храпака в течение всех восьми ночных часов, пока его не пробудит к жизни звон будильника, – нет, это был чуткий страж местного покоя, неусыпно следящий за порядком и исполняющий свой долг, когда другие спят.

Вид у Сыра был отвратительно официальный. В полицейской каске отражался звездный свет. Форменные тупоносые башмаки прочно упирались в траву. По-моему, у него и блокнот был при себе.

– Что тут происходит? – повторил Сыр.

Должно быть, дядя Перси все еще был в расстроенных чувствах, иначе невозможно объяснить довольно крепкое, смачное ругательство, которое сорвалось с его губ, как ядро из пушечного жерла. Я даже подумал, что не иначе как он научился у кого-нибудь из старых морских волков, находящихся у него на службе. У этих людей очень богатый и выразительный лексикон, и, наверное, по возвращении из дальнего плавания они заходят в контору и обучают публику последним новинкам.

– Что значит – что происходит? И кто, черт подери, вы такой, чтобы забираться в частные владения и спрашивать, что тут происходит? Это вы мне ответьте, что тут происходит! Чем, – продолжал дядя Перси, воодушевляясь все больше и больше, – занимаетесь тут вы, олух несчастный? Тоже прохаживаетесь, как я вижу? Господи ты боже мой! Я вышел спокойно пройтись в собственном саду, но не успел два раза вдохнуть свежего воздуха, как оказалось, что

здесь кишмя кишат племянники и полисмены. Я вышел пообщаться в одиночестве с природой, и вдруг оказывается, у меня в саду столько народу, пройти невозможно. По-вашему, здесь что? Пиккадилли-серкус? Хэмпстед-Хит в выходные дни? Место ежегодных гуляний служащих полиции?

Я его понимал. Крайне неприятно для человека, ищущего одиночества, вдруг убедиться, что невесть каким образом его владения оказались открыты для широкой публики. Да вдобавок еще Чичестер Устрица ждет в садовом сарае.

Резкость дядино тона не осталась незамеченной Сыром. Еще бы ему не заметить! Одного того крепкого словца было достаточно, чтобы понять, что ему здесь не рады. Вижу, он разозлился. Вообще характер у него всегда был довольно заносчивый, и такое нелюбезное обращение его заметно задело. Блестящая каска взмыла навстречу звездам, и я понял, что Сыр вытянулся во весь рост.

Однако положение у него было двусмысленное. Позволить себе резкий ответ он не мог, поскольку дядя Перси был мировым судьей и в этой должности имел возможность так прищемить ему хвост за непочтительные речи, что не дай боже. И не только мировым судьей, но еще и будущим тестем. Так что Сыру пришлось сделать над собой усилие и чуть-чуть умерить гнев. Зато он отыгрался подчеркнуто строгой официальнойностью:

– Весьма сожалею...

– Черта ли в вашем сожалении! Дело в поступке!

– ...что вошел в частное владение...

– В таком случае выйдите.

– ...но я здесь при исполнении служебного долга.

– То есть как это? Ничего не понимаю!

– Только что мне позвонили по телефону и настоятельно просили прибыть в «Бампли-Холл» не откладывая.

– Позвонили по телефону? Чуть! Среди ночи? Кто же это звонил?

Поддерживать официальный тон, я думаю, не так-то просто. Требуются специальные усилия. Во всяком случае, Сыр на этом сорвался. И ответил с обидой:

– Кто-кто. Чертов юный Эдвин.

– Мой сын Эдвин?

– Да. Заявил, что сейчас только видел в парке грабителя.

Дядя Перси весь перекорежился. Слово «грабитель» вызвало у него наихудшие подозрения. Резко развернувшись в сторону Дживса, он произнес:

– Дживс!

– Милорд?

– Вы отправили то письмо?

– Да, милорд.

– Уфф! – промолвил дядя Перси и утер вспотевший лоб.

Он еще не отнял руку от лба, когда в темноте послышался шумный бег и чей-то голос по-охотничьи заулюлюкал:

– Эй-ей-ей-ей! Просыпайтесь все! Зовите охрану! Я поймал грабителя в сарае!

Голос принадлежал Боко, и сердце мое сжалось от сострадания: вот и для Дж. Чичестера Устрицы начались неприятности. Узнает на собственной шкуре, каково достается тому, кто ступит на землю Стипл-Бампли.

Глава 15

Краткий промежуток времени, пока Боко не присоединился к нашей дружеской компании, я посвятил размышлению о том, как, должно быть, непривычно бедному мистеру Устрице все, с чем он столкнулся здесь.

Подумать только, говорил я себе, солидный американский бизнесмен, гордость Соединенных Штатов, жизнь его размеренна и расписана как по нотам. Я бывал в Нью-Йорке и встречал их десятки, мне нетрудно представить себе типичный день Устрицы.

Ранехонько поутру бодрый подъем в собственном доме на Лонг-Айленде. Ванна. Бритье. Каша. Кофе. Отправился на местную железнодорожную станцию. Поезд 8.15. Сигара. Свежий номер «Нью-Йорк таймс». Прибыл на «Пенсильвания-Стейшн». Работа до обеда. Обед. Работа после обеда. Коктейль. Поезд 5.50. На машине со станции домой. Прибыл. Поцеловал жену и крошек, потрепал по голове обрадованного пса. Принял душ. Переоделся во что-то просторное. Заслуженный ужин. Мирный вечер. Отход ко сну.

Таков, за вычетом праздников и выходных, круглогодичный распорядок жизни у людей типа Чичестера Устрицы. Она плохо подготавливает человека к трудностям и превратностям, которые ожидают его в джунглях Стипл-Бампли. Знакомство со Стипл-Бампли для него – совершенно новое, непривычное переживание, как обухом по голове. Вроде человек нагнулся нарвать букетик полевых цветов на железнодорожной насыпи и не успел понять, что это ударило его в поясницу, когда налетел Корнуоллский экспресс. Небось сидит сейчас в садовом сарае, слышит улюлюканье Боко и думает, что настала гибель цивилизации, о которой он так часто рассуждал на заседаниях своего клуба.

Несмотря на то что свод небес, как я уже говорил, был весь выложен кружками золотыми, ночь вообще-то была довольно темная, толком ничего не разглядишь. И тем не менее видимости хватало, чтобы заметить, до чего Боко доволен собой. Без преувеличения можно сказать, что у него от самодовольства голова кругом пошла. Об этом свидетельствовало хотя бы то, что он, не сходя с места, принялся звать дядю Перси «мой дорогой Уорплесдон», на что в нормальном состоянии не отважился бы даже на пари.

– А-а, мой дорогой Уорплесдон! – воскликнул Боко, приглядевшись и удостоверившись, что разговаривает именно с дядей. – Я вижу, вы не спите? Превосходно, превосходно. И Чеддер здесь? И Дживс? И Берти? Отлично. Впятером мы как-нибудь одолеем и скрутим негодяя. Не знаю, расслышали ли вы, что я кричал, но я запер грабителя в садовом сарае.

Он говорил как человек, готовый принимать благодарность нации, и тыкал при этом пальцем в дядину грудь, словно внушая старику, что он счастливчик, поскольку его интересы денно и нощно блюдет Боко Фитлуорт. Ничего удивительного, на мой взгляд, что такое обхождение моему почтенному свояку явно пришлось не по душе.

– Перестаньте тыкать в меня пальцем, сэр! – сердито прорычал тот. – Что за чушь вы плетете про каких-то грабителей?

Боко немного оторопел. И счел такой тон не вполне уместным.

– Чушь, Уорплесдон?

– Откуда вы взяли, что этот человек – грабитель?

– Мой дорогой Уорплесдон! Кто, кроме грабителя, станет поздно ночью таиться по сараям? Но если это вас не убеждает, позвольте вам сказать, что я сейчас проходил под окном буфетной и заметил, что оно заклеено куском оберточной бумаги.

– Оберточной бумаги?

– Именно. Так что сразу видно, верно?

– Что видно?

– Мой дорогой Уорплесдон, это с полной очевидностью доказывает преступные намерения того, кто схвачен мною. Возможно, вы не в курсе, но, когда грабители хотят проникнуть в дом и завладеть его содержимым, они прилепляют к стеклу патокой лист оберточной бумаги, а затем одним ударом кулака разбивают стекло. Всегда так делается. Осколки прилипают к бумаге, и можно спокойно лезть в окно без опасения оказаться изрезанным в фарш. Так что уж нет, мой дорогой Уорплесдон, в криминальных намерениях негодяя не приходится сомневаться. Я его запер в самый последний момент. Услышал какое-то движение в сарае, заглянул внутрь, вижу, там что-то чернеется, ну и я успел захлопнуть дверь и задвинуть засов и тем загнал его в угол и сорвал все его планы.

Последние слова Боко удостоились профессионального одобрения со стороны неусыпного стража законности и порядка:

- Молодчина, Боко.
- Благодарю, Сыр.
- Ты проявил похвальное присутствие духа.
- Спасибо на добром слове.
- Теперь я пойду и арестую его.
- Я как раз собирался это предложить.
- Оружие при нем имеется?
- Не знаю. Ты скоро это выяснишь.
- Пусть имеется, мне все равно.
- Правильно!
- Я внезапно прыгну...
- Вот-вот, именно.
- ...и разоружу его.

– Будем надеяться. Будем очень надеяться. Да, надо надеяться на лучшее. Но что бы ни случилось, ты сможешь утешаться сознанием, что выполнил свой долг.

В продолжение всего этого диалога, начиная с реплики «Молодчина, Боко» и кончая заключительными словами «...выполнил свой долг», дядя Перси недвусмысленно переминался с ноги на ногу, как та самая кошка на раскаленной крыше. И можно его понять. Он пригласил Дж. Чичестера Устрицу на разговор по душам в садовом сарае, и мысль о том, как констебль на него внезапно прыгнет, естественно, была для него огорчительна. Невозможно вести конфиденциальные деловые переговоры, когда такое творится. Охваченный душевными терзаниями, дядя опять принялся повторять: «Что??? Что??? Что???» – а Боко в ответ стал снова тыкать пальцем ему под ребра.

– Не волнуйтесь, мой дорогой Уорплесдон, – произнес Боко, постукивая, как дятел, – не беспокойтесь за Сыра. Он останется цел. По крайней мере, я так думаю. Конечно, человек может ошибаться. Но ведь он получает жалованье за то, что рискует. А, Флоренс! – добавил он, приветствуя хозяйскую дочь, которая явилась в этот момент среди нас в халате и папилютках.

Однако обычные безмятежность и уравновешенность ей на этот раз явно изменили. Она сердито осадил Боко:

– Никаких «А, Флоренс!». Что тут происходит? Что означают этот шум и суматоха? Меня разбудил чей-то крик.

– Мой, – уточнил Боко, и даже в ночной темноте было заметно, как он самодовольно ухмыляется. Я думаю, во всем Гемпшире не нашлось бы в ту ночь человека, который с таким же одобрением относился к себе, как Боко. Он твердо уверовал в то, что является всеми обожаемым народным героем, и даже не подозревал, что любимым чтением дяди Перси в данную минуту было бы его имя, начертанное на могильной плите. Грустная, в общем, получилась история.

– Очень жаль, – отрезала Флоренс. – Совершенно невозможно спать, когда люди орут и бегают по всему парку.

– Бегают? Да я грабителя изловил.

– Грабителя изловил?

– Совершенно верно. Здоровенного, беспощадного ночного громилу, и к тому же, возможно, вооруженного до зубов, это мы выясним, когда Сыр с ним разберется.

– Но каким образом ты его поймал?

– Уметь надо.

– Что ты делал в парке так поздно ночью?

Дядя Перси словно только этой реплики и дожидался.

– Вот именно! – вскричал он, фыркнув, как боевой скакун. – Это я и собирался спросить! Какого дьявола вы тут делаете? Не помню, чтобы я приглашал вас в свои частные владения бегать, точно бизон, и поднимать оглушительный шум, лишая всех сна и отдыха. У вас, кажется, есть свой сад, вот и сделайте одолжение, бегайте по нему, как бизон, если вам хочется. Запереть человека в мой сарай! Неслыханная вещь! Какого дьявола вы суетесь, куда вас не просят?

– Это я суюсь, куда меня не просят?

– Да, черт возьми!

Боко был явно ошарашен. Чувствовалось, что в голове у него крутится мысль про некоторых, которые клюют руку кормящую. Сначала он даже слова произнести не мог, только стоял и заикался.

– Ну, знаете ли! – вымолвил он наконец. – Ну, скажу я вам! Ну, разрази меня гром! Ну, лопни мои глаза! Я, оказывается, суюсь, куда меня не просят! Вот, выходит, как вы на это смотрите? Ха! Конечно, никто не ждет особой благодарности за те небольшие услуги, которые делаешь людям, – во вред себе, кстати сказать, – но все же, казалось бы, в таких случаях можно было, по крайней мере, ожидать любезного обращения. Дживс!

– Сэр?

– Что говорил Шекспир насчет неблагодарности?

– «Дуйте, дуйте, зимние ветры, – сэр, – вы не так жестоки, как людская неблагодарность». Кроме того, он называет это человеческое свойство: «Ты, дьявол с мраморным сердцем»²¹.

– И тут он недалек от истины. Я сторожу его дом, точно верный ангел-хранитель, поступаю своим сном и отдыхом, проливаю пот, задерживаю грабителей...

Тут дядя Перси снова вмешался:

– Каких грабителей? Чушь! Совершеннейшая чушь! Наверное, просто безвредный путник укрылся от грозы в моем сарае...

– От какой еще грозы?

– Не важно, от какой грозы.

– Никакой грозы нет.

– Ну, хорошо, хорошо.

– Чудесная ясная ночь, никаких признаков грозы.

– Хорошо, хорошо! Не о погоде сейчас речь. Мы говорим о бедном, одиноком, заблудившемся страннике, которого заперли в сарае. Я утверждаю, что он просто безобидный прохожий, и отказываюсь преследовать несчастного. Что плохого он сделал? Вся шушера на мили в округе пользуется моим парком как своим собственным, почему же с ним так обошлись? Сюда ведь, кажется, открыт доступ всем, черт подери!

– Так вы не думаете, что это грабитель?

– Не думаю.

²¹ Две шекспировские цитаты – из «Как вам это понравится» и «Короля Лира».

– Уорплесдон, вы – осел. А как же оберточная бумага? А патока?

– К черту патоку. Провались оберточная бумага. И как вы смеете называть меня ослом? Дживс!

– Милорд?

– Вот десять шиллингов, ступайте отдайте их бедняге и выпустите его из сарая. Пусть он заплатит ими за ужин и теплую постель.

– Очень хорошо, милорд.

Боко неодобрительно взлаял, как рассерженная гиена.

– И вот еще что, Дживс, – сказал он.

– Сэр?

– Когда он уляжется в теплую постель, получше подоткните ему одеяло и позаботьтесь, чтобы у него была грелка.

– Очень хорошо, сэр.

– Десять шиллингов, подумать только! Ужин, а? Теплая постель, ну а как же? Все, с меня довольно. Я умываю руки. Больше вы не дождетесь от меня помощи, когда понадобится ловить грабителей в этом сумасшедшем доме. В следующий раз, когда они явятся, я похлопаю их по спине и подержу им лестницу.

Боко удалился во тьму, весь кипя обидой, и его, говоря честно, можно было понять. Обстоятельства сложились таким образом, что разобиделся бы самый кроткий человек, не говоря уж о темпераментном молодом литераторе, приученном заглядывать на огонек к своим издателям и, чуть что, закатывать им скандалы.

Но хоть я его и понимал, однако же скорбел. Более того, я бы даже сказал, что стонал в душе. Чувствительное сердце Вустера глубоко страдало от того, что путь юной любви Нобби и Боко так тернист, и я всей душой надеялся, что в результате ночного переполоха дядя Перси сменит гнев на милость и тернии будут убраны у них из-под ног.

Но вместо этого вздорный писака умудрился перебраться на самую нижнюю ступень дядиной немилости. Если прежде шансов на то, чтобы отхватить опекуновское благословение, у него было, скажем, один к четырем, то теперь их наверняка осталось не больше, чем восемь на сто, да и то, боюсь, никто бы не поставил.

Я еще стоял, размышляя, не надо ли сказать Боко пару-тройку слов в утешение, и склоняясь к мысли, что, пожалуй, лучше не надо, когда послышался тихий свист, – возможно, это крик малой ушастой совы, точно не знаю, – и из-за дальнего дерева выплянуло нечто смутное, но, безусловно, женского рода. Я сообразил, что по всем признакам это не иначе как Нобби, и потихоньку, пока никто не видит, отчалил в том направлении.

Догадка моя подтвердилась, это была Нобби, в халате, но без папильоток. По-видимому, при ее прическе они не требуются. Нобби прыгала от волнения, горя желанием поскорее услышать последние известия.

– Я не рискнула подойти к остальным, – пояснила она, когда мы обменялись приветствиями. – Дядя Перси сразу отослал бы меня спать. Ну, Берти, как идут дела?

У меня сердце разрывалось от необходимости обрушить на трепетную девицу дурные вести, но ничего не поделаешь, тяжкий долг надо было исполнить.

– Не очень хорошо, – грустно ответил я ей.

Как я и ожидал, мои слова пронзили ее в самое сердце. Бедняжка горестно взвизгнула.

– Не очень хорошо?

– Да.

– А что вышло не так?

– Лучше спроси, что вышло так. Вся эта затея была обречена на провал с самого начала.

Нобби застонала, и смотрю, она направила на меня эдакий неприятно подозрительный взгляд.

– Наверное, ты провалил то, что было на тебя возложено?

– Совсем наоборот. Я выполнил все, что было в человеческих возможностях. Но произошло одно из тех прискорбных стечений, в результате которого вместо минутного дела на двоих получилась массовая сцена. Все поначалу шло хорошо, до тех пор, пока усадьба со службами и постройками не наполнилась шумной толпой – тут тебе и дядя Перси, и Дживс, и Сыр, и Флоренс, и так далее и тому подобное. Естественно, все наши планы рухнули. С сожалением должен при этом заметить, что Боко проявил себя не наилучшим образом.

– То есть как это?

– А так, что он зачем-то все время называл дядю Перси «мой дорогой Уорплесдон». Такого человека нельзя без последствий долго называть «мой дорогой Уорплесдон», это обязательно плохо кончится. В ход пошли резкие выражения, из них многие были произнесены твоим любезным. Произошла крайне неприятная сцена, которая завершилась тем, что Боко обозвал дядю Перси ослом, повернулся на сто восемьдесят градусов и торжественно удалился прочь. Боюсь, что в глазах последнего он упал на самую низкую ступень.

Нобби застонала слабым голосом, и я даже подумал, не погладить ли ее по головке, но, придя к выводу, что проку от этого будет ноль, воздержался.

– Я так надеялась, что хотя бы раз в жизни Боко сегодня не сваляет дурака! – горестно пролепетала она.

– По-моему, на писателя вообще никогда нельзя надеяться, что он не сваляет дурака, – рассудительно возразил я.

– Ну ладно! Он у меня за это получит! В какую сторону он пошел, когда повернулся на сто восемьдесят градусов?

– Вон туда куда-то.

– погоди, дай только мне его найти! – воскликнула Нобби и, пустившись по следу, точно малорослая гончая, сгнула, унесенная ветром.

Спустя секунды две или, может быть, три передо мной замерцал Дживс.

– Беспокойный вечер, сэр, – проговорил он. – Я только что выпустил мистера Устрицу.

– Да бог с ним, с Устрицей. От Устрицы мне не горячо и не холодно. Что меня всерьез беспокоит, это судьба Боко.

– А, да-да, сэр.

– Остолоп несчастный! Надо же ему было так настроить против себя дядю.

– Ваша правда, сэр. Прискорбно, что молодой джентльмен не избрал более примирительный тон.

– Он пропал, если только вы не найдете способа их помирить.

– Да, сэр.

– Разыщите его, Дживс.

– Слушаюсь, сэр.

– Потолкните с ним.

– Потолкую, сэр.

– Напрягите все мозговые извилины, чтобы нащупать выход.

– Очень хорошо, сэр.

– Он где-то там бродит в молчании ночи. Хотя молчание будет не таким уж полным, потому что Нобби побежала сказать ему, что она о нем думает. Обойдите парк по кругу и, как услышите громкое сопрано, прямо туда и сворачивайте.

Он исчез, как ему было сказано, а я стал прохаживаться взад-вперед, напряженно морща лоб. Так я морщил его минут, наверное, пять, когда неподалеку от меня возникли какие-то смутные очертания и я узнал Боко, явившегося ко мне с ответным визитом.

Глава 16

Боко показался мне притихшим и обновленным, словно его душу пропустили через пресс для отжима белья. В нем сразу можно было угадать человека, которого только что отчитала девушка его мечты, и он еще не успел толком опомниться.

– Привет, Берти, – произнес он слабым, богобоязненным голосом.

– Здорово, Боко.

– Ну и ночка!

– Да, ничего себе.

– У тебя нет при себе фляжки?

– Нет.

– Что же это ты? Надо всегда иметь при себе фляжку с чем-нибудь крепким – на всякий экстренный случай. Как собаки сенбернары в Альпах. Пятьдесят миллионов сенбернаров не могут ошибаться. Я только что перенес эмоциональное потрясение, Берти.

– Нобби тебя отыскала?

Его слегка передернуло.

– Я сейчас с ней разговаривал.

– Мне так и показалось.

– Заметно по лицу, да? Ну, конечно. Скажи, это не ты донес ей про «шутейные товары»?

– Да что ты! Конечно, нет.

– От кого-то она узнала.

– Наверное, от дяди Перси.

– Правильно. Она же должна была у него справиться, как у нас прошел обед. Да, ясно, это он послужил ей источником информации.

– Так, значит, она затронула «шутейные товары»?

– О да. Затронула. Ее речи касались отчасти их, а отчасти событий сегодняшней ночи. По обоим вопросам она не стеснялась в выражениях. Это точно, что у тебя нет при себе фляжки?

– Боюсь, что точно.

– Что ж, ладно, – проговорил Боко и на некоторое время погрузился в задумчивость, а очнувшись, задал мне вопрос, как я думаю, откуда девушки нахватываются таких выражений.

– Каких выражений?

– Я бы не рискнул их повторить при джентльменах. Должно быть, обучаются в школе.

– Она что, задала тебе жару?

– Щедрой рукой. Странное это было ощущение, скажу я тебе, когда она меня пропесочивала. Стоишь и плохо соображаешь, а вокруг вьется что-то маленькое и визгливое и кипит злобой. Словно бы на тебя нападает такая собачка, пекинес.

– Не знаю, на меня пекинесы не нападали.

– Можешь спросить у тех, на кого нападали. Тебе подтвердят. Вот-вот вцепится зубами в лодыжку.

– И чем дело кончилось?

– Я остался жив, во всяком случае. Но что – жизнь?

– Жизнь – неплохая вещь.

– Никудышная, если ты потерял любимую девушку.

– А ты что, потерял любимую девушку?

– По-видимому. Сам не разберу. Зависит от того, как толковать такие слова: «Ни видеть, ни слышать тебя больше не желаю ни на том, ни на этом свете, тупица ты несчастный».

– Она так сказала?

– Среди прочего.

Я понял, что пришло время утешать и ободрять.

– Я бы не стал из-за этого беспокоиться, Боко.

Он удивился:

– Не стал бы?

– Нет, не стал бы. Она говорила это не всерьез.

– Не всерьез?

– Ну конечно.

– Просто так, болтала что придется? Вроде поддерживала светскую беседу?

– Я тебе сейчас объясню, Боко. Я довольно хорошо изучил слабый пол. Наблюдал их в разных настроениях ума. И пришел к выводу, что, когда они вот так кипятятся, их словам не надо придавать значения.

– И ты советуешь не обращать внимания?

– Ни малейшего. Выкинь из головы.

Боко снова помолчал. Потом заговорил, и в его голосе звучала нота ожившей надежды:

– Надо вот еще что иметь в виду: прежде-то она меня любила. Еще вечером любила. Всей душой. Ее собственные слова. Это следует помнить.

– И сейчас любит.

– Ты всерьез так думаешь?

– Вполне.

– Хотя и назвала меня несчастным тупицей?

– Конечно. Ты и есть несчастный тупица.

– Верно.

– Нельзя понимать в прямом смысле слова, которыми девушка бранит тебя в сердцах за то, что свалил непроходимого дурака. Это как у Шекспира, звучит здорово, но ничего не значит.

– Значит, твое мнение, что старая привязанность осталась?

– Определенно. Да господи, дружище, если она могла тебя любить, несмотря на серые фланелевые брюки с заплатой, простым идиотизмом такое чувство задушить нельзя. Любовь не убьешь. Ее святое пламя пылает вечно.

– Кто тебе сказал?

– Дживс.

– Уж Дживс-то должен знать, верно?

– А как же. На Дживса можно положиться.

– Ну, конечно, можно. Ты меня здорово утешил, Берти.

– Стараюсь, Боко.

– Ты вернул мне надежду. И поднял меня из глубин отчаяния.

Он заметно приободрился. Не то чтобы уж прямо расправил плечи и выпятил подбородок, но духом явно воспрянул. Еще миг, казалось мне, и к нему вернется былая беспечность. Но тут ночную тьму прорезал женский голос, называющий его имя:

– Боко!

Он затрепетал, как осинка.

– Да, дорогая!

– Иди сюда. Ты мне нужен.

– Иду, дорогая! О господи, – прошептал он чуть слышно. – Опять?

Боко побрел прочь, а я остался размышлять над ходом событий.

Сразу скажу, что он внушал мне оптимизм. Конечно, Боко, который находился на арене рядом с юной Нобби в тот миг, когда она взорвалась на все четыре стороны света, воспринимал случившееся как полный конец света и приход Судного дня. Но с точки зрения сдержанного

и хладнокровного стороннего наблюдателя, каким являлся я, дело это было самое обычное, заслуживающее лишь того, чтобы, пожав плечами, преспокойно предать его забвению.

Шелковые узы любви не рвутся от того, что женская половина вдруг разозлится на идиотизм мужской половины и в пламенных речах доведет свою оценку до его сведения. Как бы преданно ни любила девушка избранника своего сердца, рано или поздно наступает миг, когда ей нестерпимо захочется размахнуться и влепить ему затрещину. Если всех влюбленных, с которыми мне случалось в жизни встречаться, выстроить впритык друг за дружкой, я думаю, шеренга протянется на пол-Пиккадилли. Но я не могу припомнить никого из них, кто бы не прошел через то же, что выпало сегодня ночью на долю Боко.

И я уже чувствовал приближение следующего этапа, когда нежная возлюбленная просит прощения, плача на груди у любимого. Что и подтвердил вид Боко, несколько минут спустя снова возникшего вблизи меня. Даже при слабом ночном свете можно было разглядеть, что настроение у него сейчас – на миллион долларов. Он ступал как по облаку, и душа его расправилась, словно губка, смоченная водой.

– Берти.

– Ау.

– Ты еще здесь?

– Я на месте.

– Берти, все в порядке.

– Она тебя по-прежнему любит?

– Да.

– Ну и хорошо.

– Она плакала у меня на груди.

– Прекрасно.

– И просила прощения за то, что так разозлилась. Я сказал: «Ну-ну, будет тебе». И все опять стало замечательно.

– Отлично.

– Меня охватил такой восторг!

– Еще бы.

– Она взяла назад слова «несчастный тупица».

– Хорошо.

– Сказала, что я – дерево, на котором зреет плод ее жизни.

– Прекрасно.

– Она ошибалась, когда говорила, что не хочет меня больше ни видеть, ни слышать ни на этом свете, ни на том. Она хочет меня видеть. Как можно чаще.

– Отлично.

– Я прижал ее к сердцу и поцеловал как безумный.

– Естественно.

– Присутствовавший при этом Дживс был растроган до глубины души.

– А, и Дживс при этом присутствовал?

– Да. Они с Нобби обсуждали разные планы и приемы.

– Как размягчить сердце дяди Перси?

– Ну да. Ведь так или иначе, но этого надо добиться.

Я принял озабоченный вид – попусту, конечно, в темноте он пропал для Боко даром.

– Н-да, нелегкая задача...

– Да нет же, пустяк.

– ...после того, как ты говорил ему «мой дорогой Уорплесдон», да еще обозвал ослом.

– Пустяк, Берти, совершеннейший пустяк. Дживс внес замечательное предложение.

– Ах вот как?

- Какой человек, а?
- О да.
- Я всегда говорю: с Дживсом никто не может сравниться.
- Правильно говоришь.
- Ты замечал когда-нибудь, как у него сзади выступает затылок?
- Много раз замечал.
- Там как раз у него мозг. Спрятан за ушами.
- Угу. Так какое же предложение?
- Коротко говоря, вот какое. Он считает, что я произведу хорошее впечатление и смогу вернуть утраченные позиции, если заступлюсь за старика Уорплесдона.
- То есть как это? Не понимаю. Как ты за него заступишься?
- Дживс советует мне прийти к нему на помощь.
- На помощь дяде Перси?
- Да, я понимаю, звучит противостоестественно, но, по мнению Дживса, нужно, чтобы я его защитил, и все будет в порядке.
- Не могу себе представить.
- Очень просто. Вот слушай. Скажем, завтра утром, ровно в десять часов, в кабинет к старику Уорплесдону врывается здоровенный мрачный детина и принимается его всячески донимать, орать на него, обзывать и вообще вести себя угрожающе. А я, затаившись снаружи под окном, в самый подходящий психологический момент поднимаюсь, всовываю голову в окно и говорю спокойным, ровным тоном: «Уймись, Берти».
- Берти?
- Это его так зовут – Берти. Не перебивай, пожалуйста, я потеряю нить. Значит, я всовываю голову и говорю: «Уймись, Берти. Ты удивительным образом забываешься. Я не могу спокойно стоять и слушать, как оскорбляют лорда Уорплесдона, человека, которого я так ценю и уважаю. Пусть у нас с лордом Уорплесдоном и были кое-какие трения – вина на мне, и я всей душой раскаиваюсь, – но я ни на минуту не переставал считать, что знакомство с ним – большая честь. И когда я слышу, как ты обзываешь его такими словами, как...»
- Я соображаю быстро. И я уже догадался, к чему ведет их адский план.
- Вы хотите, чтобы я ворвался в берлогу дяди Перси и стал осыпать его бранными словами?
- Ровно в десять, минута в минуту. Это очень важно. Мы сверим часы. По словам Нобби, он всегда по утрам сидит у себя в кабинете, наверное, пишет выговоры своим капитанам.
- А ты выскочишь и обругаешь меня за то, что я обругал его?
- В таком духе. В результате я явлюсь ему в благоприятном свете, он проникнется ко мне теплыми чувствами и сознанием того, что я в общем-то вполне неплохой малый. Представляешь, только что он дрожал, съежившись в кресле, когда ты стоял над ним и грозил пальцем...
- Картина, которая при этом возникла у меня перед глазами, была так ужасна, что я затрепетал и упал бы на землю, если бы не изловчился ухватиться за дерево.
- И ты говоришь, что это предложил Дживс?
- Да, прямо с ходу, почти не задумываясь.
- Может быть, спьяну?
- Боко холодно ответил:
- Я тебя не понимаю, Берти. Я лично ставлю это предложение в один ряд с его самыми удачными находками. Вроде бы такой простой замысел, который тем и прекрасен, что прост, и потому не может сорваться. Появившись в тот самый миг, когда ты стоишь над стариком Уорплесдоном и наводишь на него ужас, окружив его участием и оказав поддержку, я, естественно...

Бывают мгновения, когда мы, Вустеры, проявляем твердость – я бы даже сказал, непреклонность, – например, когда мне предлагают стоять над дядей Перси и наводить на него ужас.

– Мне очень жаль, Боко.

– Жаль? Чего?

– На меня не рассчитывай.

– Что-о?

– Ничего не выйдет.

Боко весь подался вперед, вглядываясь в мое лицо и словно не веря собственным глазам.

– Берти!

– Да, я все знаю. Но повторяю тебе, ничего не выйдет.

– Ничего не выйдет?

– Ничего.

В его голос закралась умоляющая нотка, вроде той, какая бывает слышна у Бинго Литла, когда он уговаривает букмекера взглянуть на вещи шире, масштабнее и подождать неделю, пока он отдаст долг.

– Но, Берти, ты же хорошо относишься к Нобби?

– Конечно.

– Ну конечно, хорошо, иначе ты разве купил бы ей тогда на три пенса кисленьких леденцов? И ты ведь не будешь, я надеюсь, отрицать, что мы с тобой вместе учились в школе? Конечно, не будешь. Наверное, я просто ослышался. Мне почудилось, будто ты сказал, что отказываешься принять участие.

– Нет, ты не ослышался.

– Нет?

– Нет.

– Ты отказываешься сыграть свою роль?

– Отказываюсь.

– Нет, погоди. Тут нужна полная ясность: ты действительно отклоняешь нашу просьбу и не соглашаешься сыграть в задуманном предприятии предназначенную тебе такую простую и несложную роль?

– Совершенно верно.

– И это говорит Берти Вустер?

– Он самый.

– Тот Берти Вустер, с которым я вместе учился в школе?

– Да.

Он с присвистом набрал полную грудь воздуха:

– Ну, знаешь, если бы мне кто-нибудь сказал, что так будет, я бы не поверил. Я бы, смеясь, отмахнулся. Чтобы Берти Вустер меня подвел? Да никогда в жизни. Кто угодно, но не Берти, который не только учился вместе со мною, но еще и в данную минуту вот-вот лопнет от щедрот моего стола.

Это был чувствительный удар. Не то чтобы я вправду лопался от его угощения, не так чтобы уж совсем до отвала он меня угостил, но тут с ним нельзя было не согласиться. Я даже чуть было не дрогнул перед таким доводом. Но тут же подумал про то, как дядя Перси будет дрожать, съездившись от страха в кресле, – это он-то будет дрожать? – и твердость ко мне вернулась.

– Очень сожалею, Боко.

– Я тоже. Сожалею и разочарован. Я бы сказал, сердце мое сжимается от грусти. Ну что ж, придется, как видно, пойти и принести дурную весть Нобби. Господи, как она будет плакать!

Я ощутил угрызение совести.

– Я не хочу, чтобы Нобби из-за меня плакала.

– А она будет. Ведро слез прольет.

Боко растаял во мраке, укоризненно вздыхая, а я остался один в обществе звезд.

Я стоял и разглядывал их, удивляясь, почему это Дживс решил, будто они вторят юнгоким херувимам, я лично ничего такого не замечал, как вдруг они слились воедино, словно фирмы дяди Перси и Дж. Чичестера Устрицы, и превратились в яркую вспышку пламени.

Чья-то таинственная рука, незаметно подкравшаяся сзади, со всей силой шмякнула меня по затылку неким тупым инструментом, и я, громко охнув, рухнул на землю.

Глава 17

Я приподнялся и сел, потирая уши, и тут у меня над самым ухом раздался писклявый голос. Смотрю, рядом со мной, поглядывая на меня с сочувствием или со злорадством, в темноте не разберешь, наблюдается чертов Эдвин.

– Ух ты! – заявляет он. – Это ты, Берти?

– Еще бы, – отвечаю я суровее обычного. И без того в жизни полно неприятностей, а тут еще бойскауты бьют людей по затылку; так что я разозлился. – В чем дело? За каким чертом ты, отвратительное насекомое, шмякнул меня дубиной по голове?

– Я не дубиной. Это скаутский стек, вроде хоккейной клюшки. Очень полезная вещь.

– Когда надо кому-нибудь съездить по голове?

– Конечно! Больно было?

– Официально заявляю, что было больно, и даже очень.

– Ух ты! Извини. Я принял тебя за грабителя. Тут в саду где-то прячется грабитель, я слышал, как он возился у меня под окном. Говорю ему: «Кто там?» – а он шашь – и пропал в темноте, изрыгая страшные ругательства. Да, что-то мне сегодня не везет. До тебя я уже один раз ошибся, думал, грабитель, а оказался мой папа.

– Твой папа?

– Ну да. Откуда мне было знать, что это он? Я и не предполагал, что он бродит в саду по ночам. Вижу, кто-то смутный пригнулся к земле, словно изготовился к прыжку, ну, я подкрался сзади и...

– Ты что, съездил ему?

– Да. Хорошенько съездил.

Должен признаться, душа моя взмыла ввысь, как у Дживса, по его словам, взмывает при виде Божьей радуги. Сознание того, что дядя Перси словил седалищем жирного леща, заметно прибавило мне бодрости. Давно уже ему причиталось. Я испытал такое трепетное религиозное чувство, как иной раз бывает, когда присутствуешь при вершении Божьего суда и убеждаешься, что в этом мире все имеет свое предназначение, даже Эдвин, и польза есть от любых, вплоть до самых ничтожных, тварей.

– Он немного взбеленился из-за этого.

– Да? Не понравилось?

– Хотел мне всыпать, но Флоренс не позволила. Сказала: «Папа, не тронь его. Это было просто недоразумение». Флоренс меня любит.

Я удивленно вздернул брови. Странные вкусы у барышни, даже, я бы сказал, нездоровые.

– Так что он только велел мне немедленно отправляться в постель.

– Чего же ты не в постели?

– Я? Еще чего! Как голова?

– Паршиво.

– Болит?

– Конечно, болит.

– Шишка есть?

– Можешь не сомневаться.

– Ну, сейчас я окажу тебе первую медицинскую помощь.

– Нет, не окажешь.

– Тебе разве не нужна первая медицинская помощь?

– Не нужна. Мы уже один раз обсудили это с тобой, юный Эдвин. Мои взгляды тебе известны.

– Никто мне не дает оказать первую помощь, – пожаловался Эдвин. – Хотя мне нужна практика. А ты что здесь делаешь, Берти?

– Все меня спрашивают, что я здесь делаю, – проворчал я. – Разве я не имею права здесь находиться? У меня с этим парком родственные узы. Если непременно хочешь знать, я пришел сюда после ужина прогуляться с Боко Фитлуортом.

– Боко я не видел.

– Повезло ему.

– А вот д'Арси Чеддер, этот здесь.

– Знаю.

– Я его вызвал по телефону, так как увидел грабителя.

– Знаю.

– А знаешь, что он был помолвлен с Флоренс?

– Да.

– По-моему, это дело расстроилось. У них только что был жуткий скандал.

Мальчишка говорил беззаботно, как бы между прочим, словно сообщал какую-то малоинтересную новость, то-то его, должно быть, удивила моя реакция!

– Что-о?

– Ну да.

– Жуткий скандал?

– Ага.

– Из-за чего?

– Не знаю.

– Когда ты говоришь – жуткий, ты подразумеваешь действительно жуткий?

– Н-ну, довольно жуткий.

– С резкими выражениями?

– Сравнительно резкими.

Моя душа, которая чуть раньше, как я уже говорил, взмыла ввысь при известии о происшествии с дядиным седалищем, теперь снова пошла на понижение. Вся моя внешняя политика, если помните, была направлена на то, чтобы сохранить и упрочить сердечное согласие между этой парой, поэтому, узнав, что они обменивались резкими – пусть даже сравнительно – выражениями, я похолодел.

Видите ли, все, что я говорил по поводу Нобби в связи с тем, как она набросилась на Боко, словно маленькая собачонка пекинес, – что, мол, барышни имеют обыкновение задавать своим любимым жару просто из любви к искусству и чтобы стимулировать обмен веществ, – все это совершенно не приложимо к таким серьезным девицам, как Флоренс, и таким женихам, как Чеддер по прозвищу Сыр. Тут все дело в том, что Дживс называет психологией индивидуума. Если Флоренс с Сыром вышли на ковер и начали собачиться друг с другом, положение становится очень ненадежным.

– Хоть что-нибудь ты слышал?

– Почти ничего. Я в эту минуту заметил, что какая-то тень шевелится в темноте, подкрался и шмякнул по ней своим скаутским стеклом, а это оказался ты.

И то хоть слава богу. Сначала-то я подумал, что Эдвин сидел в передних рядах на протяжении всего боя. А если он слышал только вступительные выпады, возможно, что в дальнейшем дело зашло не так далеко. Не исключено, что после его ухода верх взяли трезвые мысли, и состязающиеся стороны вовремя дали задний ход, не доведя до полного разрыва. У темпераментных влюбленных нередко так бывает: начинают с гиканьем и свистом, а потом, прислушавшись к голосу здравого рассудка, успокаиваются.

Я высказал эту мысль Эдвину, и он согласился, что, возможно, я прав. Однако он слушал невнимательно, явно думая о чем-то другом, и после недолгого молчания, пока я сидел и

надеялся на лучшее, а он крутил в ладонях скаутский стек, он все же открыл мне свои заботы. Эдвина беспокоил вопрос протокола.

– Послушай, Берти, – произнес он. – Ты не забыл, что я съездил тебе по затылку?

Я заверил его, что помню, и даже очень хорошо.

– Я ведь хотел как лучше.

– Приятно сознавать.

– Но все-таки я тебя шмякнул, верно?

– Верно.

– От этого никуда не уйдешь.

– Да.

– Я вот думаю, не выходит так, что теперь доброе дело, которое я тебе раньше сделал, перечеркивается? Как по-твоему?

– То доброе дело, когда ты убирался в «Укромном уголке»?

– Нет, то вычеркиваем, потому что получилось неудачно. А вот что я тебе брошку нашел.

Тут от меня требовалась большая осторожность. Ведь брошь, которую он нашел, и брошь, которую купил и передал имениннице Дживс, надо было представить как один и тот же предмет, и ни в коем случае нельзя было проговориться, что найденную им я потерял вторично.

– А-а, ты вот о чем. Да, это было отличное доброе дело.

– Знаю. Но как ты думаешь, оно считается?

– Я думаю, да.

– Несмотря на то, что я тебя ударил?

– Бесспорно.

– Ух ты! Тогда я уже нагнал до прошлого четверга.

– До пятницы, ты хочешь сказать?

– Нет, до четверга.

– До пятницы.

– До четверга.

– До пятницы, говорю тебе, бестолковый ты тупица! – прикрикнул я на него немного в сердцах, потому что меня раздражало такое неумение произвести простейший подсчет, как, наверное, оно раздражало поэта, забыл фамилию, который тоже в разговоре с ребенком никак не мог добиться толку, семеро их было или не семеро²². – Смотри. Твоим добрым делом за пятницу должна была считаться уборка в «Укромном уголке». Так? Но по причине печальных последствий оно вычеркивается. Ты с этим согласен? Таким образом, добрым делом за пятницу становится нахождение броши. Элементарно, если только задействовать маленькие серые клеточки.

– Да, но ты все спутал.

– Ничего я не спутал. Вот смотри...

– Потому что ты говоришь про первый раз, как я нашел тебе брошку. А я говорю про второй, он тоже считается.

Я не понял.

– Что значит – второй раз? Ты же не два раза ее находил?

– Именно, что два. Первый раз, когда ты выронил ее в прихожей, помнишь? После этого я пошел чистить дымоход в кухне, случился взрыв, и я выхожу, ты стоишь на лужайке в рубашке, а пиджак снял и отшвырнул в сторону.

– Бог мой!

²² Берти имеет в виду стихотворение Г. Вордсворга «Нас семеро» (1798), где девочка считает вместе и живых, и умерших своих братьев и сестер.

Среди всех этих переживаний и хлопот я совершенно забыл, как было дело с пиджаком. Но теперь вспомнил с полной ясностью, и холодная рука сдавила мне сердце. Я понял, к чему он ведет.

– Брошка, наверное, выпала из кармана пиджака, а когда ты пошел в дом, я смотрю, она валяется на траве. Ну и я подумал, что будет еще одно доброе дело, если я избавлю тебя и сам отнесу ее Флоренс.

Я тупо глядел на него – как говорится в таких случаях, взирал угасшим взором.

– Значит, ты отнес ее Флоренс?

– Да.

– И сказал, что это подарок от меня?

– Да.

– Она была рада?

– Еще как! Ух ты! – вдруг вскрикнул ребенок Эдвин и исчез, точно угорь, зарывшийся в ил. Кто-то приближался, шумно дыша.

Мне не понадобилось внезапного бегства Эдвина под темные своды ночи, чтобы за этой одышкой угадать прибытие Флоренс.

Глава 18

Флоренс, судя по всему, была во власти бурных чувств. Она вся слегка подрагивала, словно страдала болезнью Паркинсона в начальной стадии, а лицо ее, насколько я смог разглядеть, оставалось белым и каменным, как крутой белок.

– Д’Арси Чеддер, – приступила она прямо к делу, не задерживаясь даже на вступительное приветствие, – упрямый, тупой, нахальный, грубый, деспотичный и недалекий служака!

От этих слов я похолодел. Было ясно, что надо мной нависла страшная угроза. Из-за непрошенной услужливости проклятущего Эдвина эта особа несколькими часами ранее получила великолепную бриллиантовую брошь якобы в подарок от Бертрама В., а вслед за тем разругалась с Сыром, притом так основательно, что употребила на его характеристику целых шесть красочных эпитетов. Когда девица, рисуя портрет любимого, использует шесть бранных эпитетов, такая серия заслуживает пристального внимания. Один можно еще истолковать как временную размолвку. Шесть – это уже серьезно.

Нет, не нравилось мне такое положение вещей, совсем не нравилось. Казалось, разозленная дева говорила себе: взглянем на этот портрет и сравним его с тем. С одной стороны – галантный, любезный даритель дорогих украшений, с другой – упрямый, тупой, нахальный, грубый, деспотичный и недалекий служака. Если бы вы были барышней, с которым из двух вы предпочли бы соединить свою судьбу? Вот то-то и оно.

Я понял, что должен, не жалея сил, подняться на защиту Сыра и убедить Флоренс не придавать значения его проступку, из-за которого она теперь дышит как астматик и разбрасывается бранными эпитетами. Настал миг, когда мне надо явить красноречие и проникновенность, щедрой рукой лить масло на взбаламученные воды и вылить хоть все до капли, если будет необходимость.

– Черт возьми! – воскликнул я.

– Что значит «черт возьми»?

– Просто «черт возьми», и все. В порядке возражения.

– Ты не согласен со мной?

– Я нахожу, что ты к нему несправедлива.

– Ничуть.

– Отличный малый Чеддер по прозвищу Сыр.

– Ничего подобного.

– Тебе не кажется, что благодаря таким, как он, Англия возвысилась до нынешних вершин?

– Нет.

– Нет?

– Я сказала, нет.

– Да, верно. Ты сказала, нет.

– Просто орясина.

Орясина... Рясина... Это вроде бы такая штуковина, которую надевают священнослужители? Чем она, интересно знать, похожа на Сыра? Но не успел я приступить к расследованию, как Флоренс выдала продолжение:

– Он был возмутительно груб, и не только со мной, но и с папой. А все потому, что папа не позволил ему арестовать человека, который забрался в сарай.

Тут я сразу все понял. Мне стало ясно, в чем дело. Я, если помните, удалился от группы Сыр – Флоренс – дядя Перси в тот момент, когда последний наложил вето на попытку молодого и многообещающего полисмена сцапать Дж. Чичестера Устрицу. Так что заключительный комментарий Сыра тогда не достиг моих ушей. А он, по-видимому, высказался смачно. Сыр,

как я уже упоминал, – мужчина с сильными страстями и сгоряча за словом в карман не лезет. Я вспомнил то время, когда в Оксфорде занимался греблей и нашим тренером был Сыр. Если то, что он сегодня сказал дяде Перси, хоть немного приближается к его тогдашним замечаниям насчет моего живота, отношения, бесспорно, должны сделаться натянутыми. Сердце у меня защемило, когда я попробовал представить себе эту сцену.

– Он сказал, что папа препятствует работе полиции и что из-за таких людей, как он, лишенных чувства гражданского долга, в стране нарастает волна преступлений. Он сказал, что папа представляет собой угрозу обществу и на него ляжет вся ответственность, если половина жителей Стипл-Бампли будет зарезана в постели.

– Ты не думаешь, что это была шутка?

– Нет, я не думаю, что это была шутка.

– Говоря так, он не подмигнул левым глазом?

– Он не делал ни малейшей попытки подмигнуть ни левым глазом, ни правым.

– Ты могла не заметить. Ночь темная.

– Пожалуйста, не говори чепухи, Берти. Я уж как-нибудь сумею отличить шутку от разнузданной злобы. Он говорил совершенно недопустимым тоном. Сказал папе, глядя на него, словно на какое-то насекомое: «И вы еще называетесь мировым судьей! Тьфу!»

– Сплюнул?

– Нет, только сказал.

– А-а.

Я уже испытывал почти жалость к дяде Перси – насколько вообще можно испытывать жалость к такому человеку. Согласитесь, что вечер складывался для старика довольно неблагоприятно. Сначала Боко величает его «мой дорогой Уорплесдон», потом Эдвин ударяет клюшкой, и, наконец, Сыр хоть и не вправду плюется, но произносит «тьфу». Такие неудачные вечера потом вспоминаешь с содроганием.

– Его поведение открыло мне глаза. Обнажило нечеловеческую, зверскую сторону его натуры, о которой я до той поры даже не подозревала. Его бешенство от того, что ему не дают арестовать человека, было ужасно. Ну просто свирепый зверь, у которого отняли добычу.

Я видел, что акции Сыра приближались к нижнему пределу. Я сделал попытку остановить это падение:

– Но все-таки оно показывает рвение, разве нет?

– Вздор!

– А рвение, если хорошенько разобраться, и есть то самое качество, за которое ему платят жалованье.

– Не говори со мной о рвении. Это было омерзительно. А когда я сказала, что папа прав, он набросился на меня, точно тигр.

Несмотря на то что к этому времени, как вы легко можете себе представить, у меня земля уходила из-под ног и душа норовила ускользнуть в пятки от тревоги и отчаяния, все же бесстрашие Сыра меня восхитило. Жизнь так сложилась, что от нашей мальчишечьей дружбы мало что осталось, но можно ли было не уважать человека, способного, подобно тигру, наброситься на Флоренс? Даже царь гуннов Аттила, находясь в самой что ни на есть отличной спортивной форме, в таком деле, я думаю, сплеховал бы.

Но все-таки лучше бы Сыр не совершал этого подвига. Эх, говорил я себе, почему голос Благоразумия ничего не шепнул ему на ухо! Для меня было так жизненно важно, чтобы взаимная любовь этих двух сердец продолжалась в наилучшем виде, но, боюсь, с их будущего свадебного пряника уже сильно сошла позолота. Любовь – растение нежное, его надо беречь и лелеять. А это невозможно, если бросаться на барышень, как тигр.

– Я сказала ему, что согласно современным просвещенным взглядам тюремное заключение только ожесточает преступника.

– А он что на это ответил?

– «Да уж, конечно».

– Значит, согласился?

– Ничего подобного. Он злобным, надменным тоном переспросил: «Ожесточает, да?» Я говорю: «Да, ожесточает!» И тогда он высказался насчет современных прогрессивных взглядов в выражениях, которые я не берусь повторить.

Интересно все-таки, в каких именно. Должно быть, в очень крепких, потому что они до сих пор ее язвили, как чирей на шее. Смотрю, кулаки сжала и ногой притопывает – верный признак, что душа у человека сыта по горло. Флоренс принадлежит к тем барышням, для которых дороже современных прогрессивных взглядов нет никого на свете, любые насмешки такого рода они принимают как личное оскорбление.

Я мысленно застонал. Судя по тому, какой оборот принимали дела, можно было с минуты на минуту ожидать, что она объявит о разрыве помолвки.

Так оно и вышло.

– Разумеется, нашу помолвку я немедленно расторгла, – сообщила мне Флоренс.

Я, хоть и предчувствовал, как вы слышали, беду, все же подскочил на месте.

– Расторгла помолвку?

– Да.

– Послушай, это ты напрасно.

– Почему же?

– Сыр – такой превосходный малый.

– Нисколько он не превосходный.

– Ты должна забыть жестокие слова, которые он произнес в порыве чувств. Проявить снисхождение.

– Я тебя не понимаю.

– Ну, взгляни на вещи с его точки зрения. Бедняга Сыр, не забудь, пошел служить в полицию, рассчитывая на быстрое продвижение вверх по служебной лестнице.

– Ну и что?

– Но ведь начальники не будут продвигать по служебной лестнице молодого полисмена, пока он не совершит чего-то из ряда вон выходящего, от чего они охнут и вымолвят: «Вот это да!» Неделю за неделей, месяц за месяцем бедный Сыр томился, как орел в клетке, изнемогая от невыносимого законопослушания здешних жителей и тщетно мечтая хотя бы о собаке без ошейника или о шумном выпивохе в общественном месте, в которого он мог бы вонзить зубы. Так что внезапное появление грабителя было для него как манна небесная. Вот, сказал он себе, когда я наконец смогу отлечься. Но только он закатал рукава и приготовился воспользоваться такой редкой удачей, как возникает дядя Перси и берет его на короткий поводок. Такой оборот дел всякого полисмена выведет из себя. Ничего удивительного, что Сыр забылся и прибег к сильным выражениям. Он в такие минуты за себя не отвечает. Слышала бы ты, как он один раз в Оксфорде высказался о том, что я, когда гребу, выпячиваю живот! Можно было подумать, будто он ненавидит мой живот и все, что в нем содержится. Но прошел какой-то час или два, и мы уже сидели с ним визави за столиком в «Кларендоне», обедали – суп прозрачный, жареный палтус и седло барашка, помню как сейчас, – и он был само дружелюбие. То же и тут, можешь в этом убедиться. Держу пари, его уже грызет раскаяние, и он первый теперь жалеет о сорвавшихся у него злых словах про современные просвещенные взгляды. Он любит тебя всей душой, это я официально заявляю. Кому и знать, как не мне. Мой совет такой: пойди сейчас к нему и объяви, что все прощено и забыто. Так ты избежишь вопиющей ошибки, память о которой потом бы тебя замучила. Если ты дашь Сыру под зад коленкой – будешь драть на себе волосы до конца дней. Такой человек, чистый, как слеза!

Я замолчал, отчасти чтобы перевести дух, а отчасти потому, что уже сказал все. Стою, дожидаясь, что она ответит, и мечтаю о леденце от сухости в горле.

Какой реакции я от нее ожидал, сам точно не знаю, – может быть, безмолвной слезы, которую она, потупясь, прольет, когда прочувствует справедливость моих слов. Или, может, устного признания, что, мол, я здорово справился с такой длинной речью. Чего я никак не ожидал, это что она поцелует меня, притом так горячо, что я прямо закачался.

– Берти, ты потрясающий человек! – воскликнула она, смеясь, хотя мне-то было совсем не до смеха. – Настоящий Дон Кихот. Вот что я в тебе люблю. Кто бы догадался, слушая тебя, что по правде-то ты больше всего на свете хочешь жениться на мне сам.

Я хотел возразить, но не смог: язык зацепился за нёбо и мозги онемели. Что-то в этом же роде, по-видимому, чувствовал Чичестер Устрица, когда дверь сарая захлопнулась и Боко поднял крик на весь сад. Жутко оказаться беспомощной игрушкой в руках Судьбы.

Флоренс взяла меня под руку и стала втолковывать мне, точно гувернантка, объясняющая отстающему ученику начатки арифметики:

– Неужели ты думаешь, что я не поняла? Мой дорогой Берти, я не слепая. Когда я разорвала нашу помолвку, я, естественно, предполагала, что ты все забудешь – или же обидишься и разозлишься и станешь плохо ко мне относиться. Сегодня я убедилась: я была не права. Брошь, которую ты мне подарил, открыла мне глаза на твои истинные чувства. Тебе вообще не обязательно было делать мне на день рождения подарок, если бы ты не хотел этим сказать, что любишь по-прежнему. А уж такой несоразмерно дорогой подарок... Разумеется, я сразу догадалась, на что ты намекаешь. Это совпало со всем остальным, что я от тебя слышала. Например, о том, что ты читаешь Спинозу. Ты думал, что потерял меня, но продолжал читать серьезную литературу – из любви ко мне. И я застала тебя в книжном магазине за покупкой моей книги. Не могу передать, как это меня тронуло! После этой случайной встречи ты не мог совладать с собой и приехал в Стипл-Бампли, чтобы снова оказаться вблизи от меня. А нынче ночью ты украдкой пробрался к нам в сад – постоять при свете звезд под моим окном... Нет, исключим всякие недоразумения. Я рада, что успела разгадать твои робкие намеки и что вовремя разглядела истинную сущность д'Арси Чеддера. Берти, я согласна быть твоей женой.

Что тут скажешь, кроме как «Большое спасибо!». Я и сказал, и на том наши переговоры завершились. Она еще раз поцеловала меня, выразила желание, чтобы свадьба была скромная, в присутствии небольшого числа родных и ближайших друзей, и потопала к себе.

Глава 19

Я тоже двинулся, но только не сразу. Время было позднее, у Боко меня ждала теплая постель, но я еще довольно долго стоял, глядя как безумный в темную даль. Крылатые ночные существа с налета ударялись о мое лицо и, ударяясь, отскакивали от него, другие в то же самое время использовали заднюю сторону шеи в качестве катка, но я не поднял ладони, чтобы им помешать. Приключившаяся со мной ужасная беда превратила меня в настоящий соляной столб. Я думаю, ночная бабочка, или что это была за тварь, выделявшая гимнастические упражнения у меня за ухом и вокруг, небось даже и не догадывалась, что у нее под ногами – тело некогда жизнелюбивого столичного щеголя. Наверное, считала, что это дерево или даже просто одушевленный камень.

Но постепенно жизнь все же возвратилась в похолодевшие члены, и я уныло поплелся по аллее к воротам, из ворот – по дороге и наконец достиг крыльца Фитлуортова дома. Дверь стояла открытая, и я просунулся внутрь. В конце коридора горел свет, я побрел на него и добрался до гостиной.

Боко сидел в кресле, задрал ноги на каминную полку и сжимая в руке стакан. Вид второго стакана, а рядом еще графина и сифона с содовой водой повлек меня к столу как магнит. Бульканье льющейся жидкости пробудило от задумчивости хозяина дома, и он тут только заметил мое присутствие.

– Угощайся, – сказал он.

Я поблагодарил.

– Хотя я изумлен, что у тебя хватает духу пить после всего, что было.

Голос его звучал холодно, и отчужденность, с какой он потянулся и снова наполнил свой стакан, тоже бросалась в глаза. Задержав на мне выразительный взгляд, словно увидел гусеницу в салате у себя на тарелке, он затем продолжил разговор:

– Я видел Нобби.

– Вот как?

– Да, и она, как я и ожидал, пролила потоки слез.

– Очень сожалею.

– И правильно делаешь. Это твоя рука выдавила из ее глаз жемчужные капли.

– Да брось ты.

– К чему отмахиваться? Ты, надеюсь, не совсем уж бессовестный человек? Собственная совесть наверняка твердит, что вина за эти слезы лежит на тебе. Н-да, если бы кто-нибудь мне сказал, что Берти Вустер меня подведет...

– Ты это уже говорил.

– И еще буду говорить. Хоть и до седмижды семидесяти раз²³. Для таких поступков мало одного вскользь произнесенного замечания. Когда рухнула вся твоя вера в человека, поневоле станешь повторяться.

Боко рассмеялся коротким горестным смехом, хриплым и режущим слух. После чего, как бы отложив на время эту малоприятную тему, осушил стакан и заметил, что я сильно припозднился, он ждет меня уже тысячу лет.

– Выйдя с тобой прогуляться после ужина, я никак не думал, что ты будешь гулять чуть не до привоза утреннего молока. Тебе придется изменить свои беспутные столичные привычки, если ты хочешь вписаться в добропорядочную английскую деревенскую жизнь.

– Да, я несколько задержался.

– Из-за чего?

²³ Выражение из Евангелия от Матфея, 18:22.

– Ну, во-первых, Эдвин съездил мне клюшкой по голове. На это ушло какое-то время.

– Что-что?

– Что слышишь.

– Он шмякнул тебя клюшкой?

– Прямо по макушке.

– А-а! – Боко заметно повеселел. – Славный парень этот Эдвин. У мальчишки отличные задатки. И высокие идеалы.

В эту тяжелую минуту такое вопиющее бесчувствие сильно огорчило меня, наполнив мне душу, как выразился бы Дживс, печалью, которую не выразить словами. Человек в моем положении ждет, чтобы друзья сплотились вокруг него.

– Не хихикай и не злорадствуй, Боко, – жалобно попросил я. – Я нуждаюсь в сочувствии, в сочувствии и совете. Знаешь, что случилось?

– Что?

– Я помолвился с Флоренс.

– Как? Опять? А куда девался Сыр?

– Сейчас я тебе все расскажу. Это ужасно.

Наверное, мой жалобный голос разбудил в нем добрые чувства, я описывал ему пережитую трагедию, а он внимательно слушал, и на лице у него отражалось вполне человеческое понимание. Дослушав до конца, он весь передернулся и потянулся за графином, и видно было, что плоток спиртного ему сейчас жизненно необходим.

– Эта же судьба могла выпасть Джорджу Вебстеру Фитлуорту! – шепотом произнес он. – Бог упас.

Я обратил его внимание на то, что он упускает главное:

– Все это, конечно, так, Боко, и я тебя от души поздравляю, что с тобой этого не случилось. Но самое существенное тут то, что Бертрам Вустер, о котором у нас идет речь, погиб окончательно и бесповоротно. У тебя нет никаких идей?

– Все под Богом ходим, – все так же задумчиво проговорил он. – Я уж надеялся, что черная метка окончательно перешла к Чеддеру по прозвищу Сыр.

– Я тоже так думал.

– И очень жаль, что не перешла, ведь Сыр в самом деле любит Флоренс. Ты, конечно, испытывал сострадание к нему, но совершенно напрасно, уверяю тебя. Он ее любит. А когда такой осел, как Сыр, любит, это уже навсегда. Мы бы с тобой сказали, что этого не может быть, никто по своей доброй воле не захочет жениться на этой ужасной девице, но факт таков. Она заставляла тебя читать «Типы этической теории»?

– Заставляла.

– Меня тоже. Это было первым, что открыло мне глаза на грозящую опасность. А вот Сыр схрумкал у нее эти «Типы» и не поморщился. Не понял, разумеется, ни единого слова, но, повторяю, схрумкал за милую душу. Они – идеальная пара. Жаль, что сорвалось. Конечно, если бы Сыр ушел из полиции, можно было бы попробовать вернуть им взаимопонимание. В этой его службе – корень всех бед.

Было ясно, что он опять упускает суть проблемы.

– Мы не о Сыре говорим, старина, а обо мне. К Сыру я отношусь вполне благосклонно и был бы рад видеть его счастливо женатым, но основной-то вопрос в том, как вызволить беднягу Вустера? Каким образом выпутаться Бертраму?

– А ты действительно хочешь выпутаться?

– Ну, знаешь!

– Она же будет оказывать на тебя положительное влияние, не забывай. Отрезвляющее. Просветительное.

– Зачем ты меня мучаешь, Боко?

– Ну хорошо, а как ты выпутался в предыдущий раз, когда был с ней помолвлен?

– Долго рассказывать.

– Тогда, пожалуйста, не начинай. Я просто имел в виду, нельзя ли воспользоваться тем же приемом и для выхода из теперешнего кризиса?

– Боюсь, что нет. Тогда я должен был выполнить одно ее поручение, но не выполнил, и она послала меня куда подальше. Второй раз этого не устроишь.

– Понятно. Жаль, что ты не сможешь воспользоваться тем методом, к которому прибег я. Методом Фитлуорта, простым и действенным. Все бы твои трудности преспокойно разрешились.

– Почему я не могу им воспользоваться?

– Потому что он тебе неизвестен.

– Ты бы мне объяснил.

Боко покачал головой:

– После того как ты почему-то отказался помочь мне добиться расположения твоего дяди Перси? Нет, Берти. Метод Фитлуорта, испробованный и проверенный и, можно смело сказать, стопроцентно надежный, получит только тот, кто его заслужил. Своим секретом я согласился бы поделиться лишь с самым верным другом, надежным, как сталь.

– Я и есть друг, надежный, как сталь, Боко.

– Нет, Берти, ты совсем не как сталь, далеко не как сталь. Какой ты мне друг, стало ясно из твоего поведения нынешней ночью. У меня открылись глаза, Берти. Мне в совершенно ином свете представилась наша с тобой многолетняя дружба, начиная с самых истоков. Конечно, если ты готов пересмотреть свое решение и все-таки согласишься сыграть свою роль в деле, план которого разработал Дживс, тогда бы я с величайшим удовольствием... Но что толку рассуждать? Ты сказал «нет», значит, так тому и быть. Знаю, какая у тебя железная воля. Принятое тобою решение принято раз и навсегда.

Ну это еще как сказать. Что воля у меня железная, я не отрицаю, но ее можно отключить, если обстоятельства того требуют. Волевой человек без труда определит, когда следует уступить и пойти на компромисс. Я с этим много раз сталкивался в моих взаимоотношениях с Дживсом.

– Ты полностью ручаешься за этот свой секретный метод? – уточнил я.

– Могу только свидетельствовать, что в моем случае он моментально принес желаемый результат. Только сию минуту я был помолвлен с Флоренс, раз-два – и вот я уже с ней не помолвлен. В два счета. Больше всего похоже на магию.

– И ты мне его откроешь, если я пообещаю обругать дядю Перси?

– Открою после того, как ты его обругаешь.

– А почему не прямо сейчас?

– Ну, просто прихоть у меня такая. Совсем не потому, что я тебе не доверяю, Берти. И опасаясь, как бы ты, узнав секрет Фитлуорта, не передумал и не отказался со своей стороны выполнить договор. Но все-таки это было бы искушением, а я не хочу пятнать твою чистую душу соблазнами.

– Но когда я выполню, ты расскажешь? Точно расскажешь?

– Как штык.

Я задумался. Выбор, стоявший передо мною, был ужасен. Но колебался я недолго.

– Ладно, Боко. Я согласен.

Он любовно ткнул меня кулаком в грудь. За один вечер это стало у него неискоренимой привычкой.

– Молодчина! – похвалил он меня. – Я так и думал, что ты согласишься. А теперь беги спать, чтобы выспался хорошенько и встал завтра бодрый и свежий. А я тут посижу еще, набросаю кое-какие обороты и выражения, которые ты швырнешь старику в лицо. Нельзя полагаться

на вдохновение минуты. Текст должен быть написан и выучен наизусть. Да и вряд ли ты сам, без посторонней помощи, способен придумать что-нибудь подходящее. Тут требуется перо профессионала.

Глава 20

Спал я в ту ночь беспокойным сном. Мне снился дядя Перси, гонящийся за мною с охотничьим хлыстом. Проснувшись поутру, я увидел, что, несмотря на свинцовый груз на сердце, погодные условия за окном просто великолепны. Солнце сияло, небо блистало голубизной, и в листве слышалось чириканье целого полчища, или легиона, наших пернатых соседей.

Но как я уже сказал, хотя Природа и улыбалась, в душе Бертрама отсутствовала склонность следовать ее примеру. Солнечное сияние меня не будоражило, небесная лазурь (как иногда называют этот оттенок) не веселила; а что до птичьего ликования, то оно при данных обстоятельствах казалось мне неумеренным и в дурном вкусе. Когда человека ждет такое тяжкое испытание, какое ждало в тот день меня, не очень-то радует даже хорошая погода.

Часы показывали время весьма раннее, обычно я воздвигаюсь ото сна много позже, и будь камень у меня на сердце не такой тяжелый, я бы, возможно, перевернулся на другой бок и вздремнул еще минут сорок. Но мысль о черном деле, которое мне предстояло совершить, прежде чем солнце этого дня спрячется за горизонтом – или можно сказать: пока обед этого дня не упрячется в желудки, – исключала дальнейший сон. Поэтому я поднялся и, подхватив губку и полотенце, направился было в ванную для обливания туловища, но заметил какую-то бумажку, торчащую из-под двери. Я поднял ее – это оказался предназначавшийся для меня текст, над которым минувшей ночью трудился Боко, кое-что из того, если помните, что я должен был, по его мнению, сказать дяде Перси. Я скользнул по нему взглядом, и на лбу у меня выступила испарина. В ужасе я опустил на кровать. Впечатление было такое, будто схватил рукой живую змею.

Помнится, я уже выше рассказывал, как однажды юным растущим отроком в школе я проник среди ночи в кабинет нашего директора преподобного Обри Апджона с целью выкрасть горсть-другую печенья, которое, согласно моей информации, хранилось у него в шкафу, и как, исполнив задуманное, я обернулся и увидел, что законный владелец печенья при сем присутствовал – сидел за письменным столом и ледяным взглядом наблюдал за моими действиями.

А почему я сейчас опять припомнил тот случай, так это потому, что тогда, после краткой паузы, пока я стоял в смущении, а преподобный Обри все сильнее ярился и разводил пары, он дал юному Вустеру пространную устную характеристику, которую я до сего дня считал высшим достижением в области ученой брани – такое мог бы написать кто-нибудь из малых библейских пророков, вставший утром с левой ноги. Мне казалось, как я уже говорил, что до этой планки не дотянуться больше ни одному оратору.

Текст был машинописный, через один интервал, слов примерно на шестьсот, и из этих шестисот – не больше десяти таких, которые я способен был бы, если очень постараться, произнести перед человеком дядиного масштаба – разве что накачавшись выше ушей неразбавленным спиртом. А Боко, не забудьте, назначил мое выступление на десять часов утра!

Выскочить пулей из комнаты и ворваться к Боко с пеной негодования на устах было для меня делом одной минуты. Но заготовленный мною красноречивый протест пропал даром, так как Боко в комнате не оказалось. От престарелой женщины, копошившейся в кухне, я узнал, что он отправился на реку купаться. Мчусь туда и вижу – Боко плещется на глубине и воздух звенит от его жизнерадостного гогота.

И опять мне пришлось прикусить язык, потому что со второго взгляда я обнаружил бок о бок с ним некий розовый, похожий на большого дельфина объект и понял, что в купании принимает участие Чеддер по прозвищу Сыр. Этому неумоимому стражу порядка в Стипл-Бампли и адресовал Боко свой жизнерадостный гогот. Я прикинул, что лучше мне не показываться. Было очевидно, что в данных условиях разговор с Сыром не принесет ни проку, ни удовольствия.

Словом, я побрел потихоньку вдоль берега, весь погруженный в думы, и вдруг слышу: рыболовная леска со свистом разрезает воздух. Оказалось, это Дживс задает жару чешуйчатым жителям водной стихии. Я мог бы догадаться, что, обосновавшись в Стипл-Бампли, он первым делом устремится на берег, чтобы забросить крючок-другой.

А поскольку именно этому любителю-рыболову я был обязан теперешним своим бедственным положением, вы не удивитесь, если я скажу, что обратился я к нему довольно холодно.

– А-а, Дживс, – буркнул я.

– Доброе утро, сэр, – ответил он. – Чудесная погода.

– Кое для кого, может быть, и чудесная, – сдержанно возразил я. – Но не для последнего из Вустеров, который по вашей милости угодил в такую передрагу, в сравнении с которой меркнут все предыдущие.

– Сэр?

– Нет смысла говорить «сэр». Вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Исключительно благодаря вашим стараниям я теперь должен буду наговорить дяде Перси таких слов, которые что-то такое учинят с его кудрями – что именно, я в данную минуту не припомню.

– Напомаженные завитые кудри рассыплются, сэр, и каждый волосок поднимется, как иглы китовраса²⁴.

– Китовраса?

– Да, сэр.

– Тут, должно быть, какая-то ошибка. Такого животного нет. Но впрочем, не имеет значения. Важно, что из-за вас я оказался перед необходимостью обругать дядю Перси. И я хотел бы знать, зачем вы это сделали? Разве это не жестоко с вашей стороны? Не противоречит духу феодальной верности?

На его лице выразилось недоумение. Легкое недоумение, другого от него не дождешься. Чуть-чуть вздернулась одна бровь, и капельку шевельнулся кончик носа.

– Вы говорите, сэр, о том предложении, которое я выдвинул по просьбе мистера Фитлурорта?

– Да, я говорю именно об этом, Дживс.

– Но ведь ваше согласие на сотрудничество в этом деле диктовалось исключительно движением вашего доброго сердца, сэр. Ваше право было отказаться от какого-либо участия в нашем плане.

– Ха!

– Сэр?

– Я сказал «ха!», Дживс. Потому что именно это я и хотел сказать. Вам известно, что произошло этой ночью?

– Этой ночью многое произошло, сэр.

– Ваша правда. Среди прочего я, например, получил удар по голове скаутским стеком от юного Эдвина, принявшего меня за грабителя.

– Вот как, сэр?

– После чего мы с ним разговорились, и он сообщил мне, что нашел в траве ту брошь, которую мы считали погибшей в огне, и вручил ее леди Флоренс в качестве подарка на день рождения от меня.

– Вот как, сэр?

– Эта вещица оказалась соломинкой, перетянувшей чашу весов. Леди Флоренс жутко переругалась с Сыром и дала ему отставку за неуважительные высказывания о современных

²⁴ Слегка переиначенные слова призрака из шекспировского «Гамлета». Акт 1, сц. 5.

прогрессивных взглядах и теперь опять помолвлена с несчастным козлом отпущения, которого вы видите перед собой.

Я опасался, что тут он опять произнесет: «В самом деле, сэр?» – а я бы тогда вполне мог забыть всякие цивилизованные благопристойности и вlepить ему раза. Но он все-таки в последнюю минуту сдержался и только озабоченно и сочувственно поджал губы. Уже лучше.

– А согласился я участвовать в вашей затее потому, что Боко, как он сам признался, знает простое и верное средство избавления от помолвки с этой конкретной барышней, но сообщит его мне только после моего разговора с дядей Перси.

– Я понял, сэр.

– Мне бы надо узнать это средство. Метод Сыра – наговорить гадостей насчет современных прогрессивных взглядов – для меня не подходит, я не могу сочинить ничего подходящего. В моем случае либо средство Боко, либо ничего. Вы, случайно, не знаете, из-за чего леди Флоренс прервала с ним отношения?

– Не знаю, сэр. Для меня вообще новость, что мистер Фитлуорт был обручен с ее милостью.

– Конечно, был, еще бы! В послеуистеровский и дочеддеровский период. Но что-то такое между ними произошло, какие-то нелады, и все немедленно отменилось. Как по волшебству, Боко сказал. Он что-то предпринял, мне кажется. Что бы это могло быть?

– Не рискну выдвигать предположения, сэр. Может быть, вы желаете, чтобы я провел опрос среди слуг в «Бампли-Холле», сэр?

– А что, отличная мысль.

– Не исключено, что кто-то из них осведомлен об этом событии.

– Да там, наверное, много дней об этом только и разговору было. Поинтересуйтесь у дворецкого. Прощупайте повара.

– Очень хорошо, сэр.

– Или можно поспрашивать личную горничную леди Флоренс. Кто-нибудь наверняка знает. Не многое из того, что делается в доме, остается тайной для обслуживающего персонала.

– Ваша правда, сэр. Слуги в доме, как правило, хорошо обо всем осведомлены.

– И вот еще что. Имейте в виду, необходима быстрота. Если вам удастся снабдить меня информацией до того, как я двинусь на дядю Перси – то есть до десяти часов, это предельный срок, – тогда я смогу не обращаться к дяде со словами, при мысли о которых у меня, честно признаюсь, мурашки по спине бегут. А что касается счастья Боко и его дамы сердца, то я, конечно, рад буду им посодействовать, но, наверное, это можно сделать каким-нибудь другим, менее убийственным способом. Словом, Дживс, не теряйте времени, идите и проведите опрос.

– Очень хорошо, сэр.

– Встреча – у ворот, начиная с половины десятого. Я там буду и жду вас с донесением. Постарайтесь не подвести меня. Сейчас такой момент, когда люди доброй воли должны сплотиться и прийти человеку на помощь. Если бы я показал вам составленный Боко список слов и выражений, которые от меня требуется бросить в лицо дяде Перси, – к сожалению, он остался у меня в комнате, выпал из моих похолодевших пальцев, – ваши завитые напомаженные кудри рассыпались бы как миленькие, можете мне поверить. Вы точно помните, что там написано «китоврас»?

– Точно, сэр.

– Поразительно. Хотя Шекспир, он вообще, наверное, по большей части совал в свои сочинения что под руку подвернется.

Поскольку я собирался в ванную, когда прочел сочинение Боко и побежал его разыскивать, на мне все еще было обычное ночное одеяние английского джентльмена плюс халат, так что, пока я вернулся к себе, переоделся и явился в столовую, прошло еще некоторое время. Боко был уже там и уминал утреннюю яичницу. Я спросил у него, кто такой китоврас. Но он

ответил, что к черту всех китоврасов, а видел ли я инструкцию, и если видел, то каково мое мнение.

На это я ему ответил, что еще бы не видеть, видел, и она меня потрясла до глубины души. Нет на свете такой силы, добавил я, которая бы заставила меня пересказать дяде Перси, даже в общем и целом, кошмарное содержание этого документа.

– Кошмарное содержание?

– Да. Мои слова.

Боко обиженно пробормотал что-то насчет художника и убийственной критики.

– По-моему, это отличная проза. Упругая, плотная, выразительная. Тема меня вдохновила, и, на мой взгляд, я справился с ней неплохо. Но конечно, если тебе кажется, что личная нота несколько слишком подчеркнута, можешь кое-где внести небольшие поправки – разумеется, сохранив суть.

– Кстати сказать, – вставил тут я, чтобы его немного подготовить, – не удивляйся, если в последнюю минуту я все-таки переменю свои планы и выйду из игры.

– Что?!

– Я подумываю об этом.

– Ну, знаешь ли! И это говорит...

– Да.

– Но ты же еще не слышал, что я хотел спросить.

– Я знаю: «И это говорит Бертрам Вустер?»

– Верно. И что же?

– Да.

Дальше его застольные речи приняли довольно язвительный критический уклон и коснулись так называемых старых товарищей, которых он до сих пор считал надежными и верными, а они, к великому его разочарованию, оказываются трусливыми ничтожествами, малодушными, как зайцы.

– Где же внуки английского бульдога, я спрашиваю? – горько заключил он на высоких тонах. – Ну что ж. Ты, конечно, понимаешь, что отсюда следует. Подведешь меня – и не видать тебе тайного средства Фитлуорта.

Я хитро улыбнулся и положил себе на тарелку кусок ветчины. «Много ты знаешь», – подумал я.

– Я буду смотреть, как ты идешь к алтарю об руку с Флоренс Крэй, и даже пальцем не шевельну, чтобы спасти тебя. Мало того, ты услышишь в хоре один голос, который будет петь «О, высшая любовь» громче всех; и это будет мой голос. Лучше выбрось это из головы, Берти, я тебе советую.

– Я же не говорю, что отказываюсь сыграть свою роль, – возразил я. – Я говорю только, что, может быть, откажусь.

Это его немного успокоило, он слегка размяк и высказался в том духе, что, когда настанет миг, он уверен, лучшая сторона моей натуры возьмет верх. А еще немного погода мы расстались, обменявшись взаимными наилучшими пожеланиями.

Между нами было заранее условлено, что в «Бампли-Холл» мы придем порознь. Ему, считал Боко, и не без основания, лучше пробраться в дом тайно, а то еще на него набросятся и выставят вон. Поэтому он сказал, что пойдет в обход, отыщет где-нибудь прореху в изгороди и подкрадется к окну кабинета, держась под прикрытием кустов и ступая с осторожностью, чтобы не хрустнула ветка под ногой.

Ну а я пошел сам по себе и у ворот увидел ожидающего Дживса. С первого же взгляда я понял, что у него есть для меня хорошие вести. Я умею определять. Он не то что улыбается в таких случаях, улыбаться он не умеет, но уголки губ у него слегка вздрагивают и взор исполнен благорасположения.

Я поспешил с вопросом:

– Ну как, Дживс?

– У меня есть для вас нужные вам сведения, сэр.

– Вы герой, Дживс! Расспросили дворецкого? Прощупали повара?

– На самом деле информацию я получил от мальчика, который чистит ножи и ботинки, сэр. От подростка по фамилии Эрбут.

– Каким же образом он попал в наши специальные корреспонденты?

– Дело в том, сэр, что он оказался очевидцем интересующего нас происшествия, когда, скрывшись за кустом, втайне покурил сигарету. С этой позиции он мог наблюдать всю сцену.

– Что же там творилось? Рассказывайте, Дживс, и не опускайте ни одной, самой мельчайшей подробности.

– Первым, что привлекло его внимание, было явление мастера Эдвина.

– Значит, без него и тут не обошлось?

– Не обошлось, сэр. Его роль, как вы увидите, была весьма важной. По словам Эрбута, мастер Эдвин пробирался среди кустов, сосредоточенно глядя себе под ноги. Похоже было, что он шел по следу.

– Следопыт. Бойскауты все обожают строить из себя следопытов.

– Именно так, насколько мне известно, сэр. А его действиями с сестринским умилением любовалась леди Флоренс, срезавшая цветы на цветочном бордюре по соседству.

– Наблюдала за ним?

– Да, сэр. С другой стороны в это же время появился мистер Фитлуорт, двигавшийся по следу молодого джентльмена.

– Выслеживал следопыта?

– Да, сэр. Эрбут говорит, что вид у мистера Фитлуорта был сосредоточенный и целеустремленный. Таков, во всяком случае, смысл его слов, хотя сами слова он употребил не эти. Мальчики, которые чистят ножи и ботинки, по большей части не умеют правильно выражаться.

– Я тоже заметил. Словарь у них бедный. Продолжайте, Дживс. Я сгораю от нетерпения. Итак, Боко, вы говорите, шел по следу Эдвина. Зачем?

– Тот же вопрос задал себе и Эрбут.

– Он был озадачен?

– Да, сэр.

– Неудивительно. Я тоже озадачен. Вижу, что интрига закручивается, но провалиться мне, если понимаю, к чему дело идет.

– Однако очень скоро мотивы мистера Фитлуорта стали ясны, сэр. Когда мастер Эдвин приблизился к цветочному бордюру, он внезапно прибавил шагу...

– Эдвин?

– Нет, сэр. Мистер Фитлуорт. Он подскочил к молодому джентльмену и, воспользовавшись тем, что тот, приглядываясь к следу, нагнулся, нанес ему сильный удар ногой по... телу.

– Вот это да!

– Мастер Эдвин подлетел в воздух и упал прямо к ногам леди Флоренс. Ее милость, потрясенная и разгневанная, резко упрекнула мистера Фитлуорта и потребовала, чтобы он немедленно объяснил свой безобразный поступок. Он попытался оправдаться тем, что-де мастер Эдвин ковырялся в его электрической яйцеварке, вследствие чего сырое яйцо вылетело из аппарата и ударило его по носу. Однако ее милость не сочла возможным принять такое оправдание и объявила помолвку расторгнутой.

Я набрал в грудь воздуха. Пелена упала с моих глаз. Мне все стало ясно. Вот, оказывается, какое оно, средство Фитлуорта – пинок в зад юному Эдвину! Не зря Боко назвал его простым и безотказным. Все, что нужно, – это крепкий башмак и сестринская любовь.

Я услышал вежливое покашливание Дживса.

– Если вы поглядите влево, сэр, то увидите, что на аллею как раз вышел мастер Эдвин и нагнулся над каким-то предметом на земле, чем-то привлёкшим его внимание.

Глава 21

Я его понял. Ясно ведь, что он хотел сказать. Одного того, как он при этом на меня посмотрел, с намеком и призывом, было довольно, чтобы я уловил скрытый смысл его сообщения. Точно так мог смотреть папаша-римлянин, передавая сыну щит и копье и подталкивая его на битву. Последние слова Дживса должны были взбодрить меня, как зов боевой трубы.

И однако же, я оставался в нерешительности. Конечно, после того, как юный Эдвин шарахнул меня ночью стеклом по голове, возможность дать ему пинка была заманчива, мальчишка давно уже напрашивался на что-нибудь в подобном роде. Но браться за такое дело на холодную голову все же немного неловко. Как, скажите на милость, подвести к этому в ходе обычного разговора? «Привет, Эдвин, как дела? Прекрасная погода, не правда ли?» И шмяк! Вот видите? Я и говорю – неловко.

В случае Боко все складывалось совсем иначе, он был в состоянии слепого бешенства, которое охватывает человека, получившего по носу сырым яйцом. Это давало ему определенный разбег.

Словом, я стоял и задумчиво теребил подбородок.

– Верно, – говорю, – это он, и действительно, как вы заметили, стоит нагнувшись. Но, Дживс, вы в самом деле рекомендуете...

– Да, сэр.

– Что? Прямо сейчас?

– Прямо сейчас, сэр. «В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха, когда ж отлив наступит, лодка жизни по отмелям несчастий волочится»²⁵.

– Да-да. Конечно. Тут двух мнений быть не может. Но...

– Если вы имеете в виду, сэр, что необходимо еще присутствие леди Флоренс в качестве свидетельницы происходящего, как это было в случае мистера Фитлуорта, то я с вами совершенно согласен. Я могу пойти и сообщить ее милости, что вы ждете ее в аллее и были бы рады перемолвиться с нею несколькими словами.

Но я все еще колебался. В делах такого рода, бывает, полностью разделяешь общую идею, но, когда доходит до практического осуществления, все-таки как-то не можешь решиться. Я объяснил это Дживсу, и он сказал, что примерно то же самое было с Гамлетом.

– Ваша нерешительность вполне понятна, сэр. «Меж выполнением замыслов ужасных и первым побуждением промежутки похожи на морок или на страшный сон. Наш разум и все члены тела спорят, собравшись на совет, и человек похож на маленькое государство, где вспыхнуло междоусобье»²⁶.

– Вот именно, – согласился я. Он хорошо умеет формулировать такие вещи.

– Если это поможет вам разжечь кровь и напрячь жилы²⁷, сэр, позвольте напомнить вам, что уже почти десять часов и только спешное исполнение предложенного вам мною плана избавит вас от необходимости явиться в кабинет его сиятельства.

Он избрал верный подход. Я больше не колебался.

– Вы правы, Дживс. Сколько, по-вашему, времени я должен буду занимать Эдвина разговором, пока вы не вышлете на сцену леди Флоренс?

– Не долее нескольких минут, сэр. Мне известно, что ее милость сейчас находится в своих апартаментах и занимается литературными трудами. Так что она явится, так сказать, по первому зову.

²⁵ У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 4, сц. 3. Перевод М. Зенкевича.

²⁶ Это тоже цитата из шекспировского «Юлия Цезаря». Акт 2, сц. 1. – Перевод М. Зенкевича.

²⁷ Слова из шекспировской хроники «Генрих V». Акт 4, сц. 1.

– В таком случае – вперед!

– Очень хорошо, сэр.

Он, мерцая, уплыл выполнять поручение, а я, слегка мобилизовав нервы и напрягши жилы, насколько это осуществимо прямо так, с бухты-барахты, расправил плечи и отправился туда, где посреди дороги сидел на корточках Эдвин. Утро было по-прежнему погожее, солнце сияло, и черный дрозд, помню, свистал в близлежащем кустарнике. Да и что бы ему не свистать? Я просто упомянул о нем, желая подчеркнуть царившее кругом безоблачное спокойствие. Признаюсь, у меня тогда мелькнула мысль, что для такого дела более подходящей сценой был бы пустынный верещатник в полночь, а над ним чтобы выл холодный ветер и три ведьмы произносили бы свои реплики над кипящим котлом.

Ну, да что поделаешь, приходится выбирать одно из двух. Посторонний наблюдатель, я думаю, не заметил бы ничего особенного в выправке Бертрама, шагающего к своей жертве. Может быть, он подумал бы про себя, что Бертрам сегодня в превосходной форме.

Подойдя к юнцу, я остановился.

– Привет, юный Эдвин, – говорю я ему.

Он смотрел в землю, но при звуках знакомого голоса поднял на меня пару глаз в покрасневших веках – настоящий хорек, ищущий общества себе подобных.

– Привет, Берти. Знаешь, Берти, я сегодня утром совершил еще одно доброе дело.

– Да?

– Кончил наклеивать в альбом Флоренс все отзывы на ее роман. Теперь у меня заполнено все до прошлой среды.

– Молодчина. Нагоняешь. А тут ты что делаешь?

– Изучаю муравьев. Ты знаком с муравьями, Берти?

– Только на пикниках с ними встречался.

– А я читал про них. Интересные.

– Не сомневаюсь.

Я был рад предложенной теме, ее нам с лихвой хватит до прибытия Флоренс. Было видно, что юный негодник до макушки полон знаниями об этих трудолюбивых букашках и только того и жаждал, что поделиться со мной.

– А ты знал, что муравьи умеют разговаривать?

– Разговаривать?!

– На свой лад. Между собой, понятное дело. Они колотят головой о листок. Да, Берти, как твоя голова сегодня? Я чуть не забыл справиться.

– Еще чувствительно.

– Я так и думал. Надо же. Ну и смеху было ночью, правда? Я от хохота потом никак уснуть не мог.

Он звонко расхохотался, и от этого пронзительного звука всякие угрызения начисто испарились из моей груди. Мальчишка, для которого шишка на макушке Вустера, размером с мяч для гольфа, является предметом бессердечного осмеяния, заслуживает любого, самого свирепого пинка. Теперь задача, которую мне предстояло выполнить, не внушала мне больше ничего, кроме злорадства и упоения. Святое дело, можно сказать. Только подумать, как много пользы принесет этому ребенку хороший, основательный пинок в зад! Он может послужить для него началом новой жизни!

– Значит, ты хохотал, а?

– Вовсю.

– Ха! – промолвил я и скрипнул несколькими зубами.

Бесило, конечно, то, что я уже вполне раскогегарился и был готов к выступлению и Эдвин в ходе своих муравьиных штудий принял как раз такую позу, какая требовалась по сценарию, а приступить к действиям пока еще нельзя. Я был как гончий пес на сворке. До прихода Флоренс

я ничего стоящего не мог сделать. Как выразился Дживс, необходимо ее присутствие в качестве свидетельницы происходящего. Напрасно, высматривая ее, я обшаривал глазами горизонт, как потерпевший крушение моряк высматривает в морской дали одинокий парус, а тем временем продолжалась наша беседа о муравьях. Эдвин объяснил мне, что они относятся к семейству Гименоптера, а я в ответ пробормотал:

– Ну-ну. Гляди, какие шустрые, а?

– Они характеризуются чрезвычайно четким делением туловища на три отдела: голова, грудь и брюшко, – и еще у них брюшко прикреплено к груди посредством черенка, или петиолы, из двух чешуек, или узлов, и поэтому может свободно поворачиваться относительно груди.

– Честное слово?

– Самка кладет яйца и кормит личинок тем, что отрыгивает из желудка.

– Не будем касаться неаппетитных подробностей, мой друг.

– И самцы, и самки имеют крылья.

– Почему бы им их и не иметь?

– Но самки себе крылья отрывают и бегают без них.

– Не верится. Даже муравьи едва ли способны на такую глупость.

– Нет, это правда. Так в книге написано. Ты видел, как муравьи сражаются?

– Что-то не припомню.

– Они встают на задние ноги и подгибают брюшко.

Тут, к великому моему сожалению, то ли для наглядности, то ли у него ноги затекли, он именно так и поступил: встал на задние ноги и подогнул брюшко. В это же самое мгновение я увидел вдали Флоренс – она вышла из дома и торопливо зашагала в нашу сторону.

Ситуация создалась критическая, человек менее изобретательный решил бы, наверное, что все пропало. Но мы, Вустеры, соображаем быстро.

– Эй, смотри-ка, – сказал я.

– Что случилось?

– Это ты уронил шестипенсовик?

– Нет.

– Кто-то уронил. Погляди.

– Где?

– Вон под кустом. – Я показал на какой-то куст, росший с краю аллеи.

Как вы, наверное, поняли, говоря это, я опустил до хитрости; люди, знающие Бертрама Вустера и его твердые правила, могут предположить, что после такого сознательного отклонения от истины щеки его залились краской стыда. Ничего подобного. Щеки у него действительно покраснелись, но то был румянец азарта и торжества.

Тонкий расчет на его детскую жадность полностью оправдался. Не успел я оглянуться, как он уже стоял на четвереньках, и притом в такой подходящей позе, что удобнее я бы и сам не мог его поставить. Его выпуклые в обтяжку шорты смотрели на меня снизу вверх призывно и соблазнительно.

Как справедливо говорит Дживс, в делах людских есть приливы и отливы, с приливом достигаем мы успеха. Я замахнулся ногой и шарахнул его по тому месту, где ткань была натянута сильнее всего.

Результат оказался превосходен. Принимая во внимание, что я со школьных лет никого не пинал, можно было опасаться некоторой заржавленности в суставах. Но нет, ничего подобного. Давняя ухватка сохранилась. Расчет был точен, и исполнение безупречно. Мальчишка исчез в кустах, пролетев по воздуху, как из пушки. И в тот же самый миг раздался голос Флоренс:

– Ах!

В этом возгласе ощущалась бездна эмоций, они хлестали через край. Но к великому моему недоумению, это были не совсем те эмоции, которых естественно было бы ожидать. Ужас в нем отсутствовал, не было и ничего похожего на негодование и оскорбленную сестринскую любовь. Хотите – верьте, хотите – нет, но преобладала в этом возгласе нота радости. Можно даже сказать, ликования. Короче говоря, ее «Ах!», в сущности, равнялось обыкновенному «Ура!», и я был этим глубоко озадачен.

– Вот спасибо, Берти! – сказала она. – Я как раз собиралась сама дать ему хорошенько. Эдвин, поди сюда!

В чаще леса затрещало. Рассудительный ребенок осторожно выбирался из зарослей, придерживаясь диаметрально противоположного направления. «Ух ты!» – смутно донеслось издалека, и он окончательно сгинул, не оставив даже обломков.

Флоренс взирала на меня с сердечным и благодарным выражением во взгляде и с довольной улыбкой на губах.

– Большое тебе спасибо, Берти, – повторила она прочувствованным голосом. – Я готова с него шкуру спустить! Открываю альбом с газетными вырезками, а негодник половину отзывов на «Сплин и розу» наклеил вверх изнанкой. По-моему, назло. Жаль, что не удалось его поймать, но ничего не поделаешь. Не могу сказать, Берти, до чего я тебе благодарна. Как ты додумался?

– Да так, пришло вдруг в голову.

– Понимаю. Внезапно осенило. Центральная тема моего романа тоже пришла мне в голову внезапно, как бы сама по себе. Дживс сказал, что ты хочешь со мной поговорить. Это что-то важное?

– Да нет, ничего важного.

– Тогда отложим. Я пойду попробую как-нибудь отпарить то, что он наклеил, может быть, получится.

Она торопливо зашагала обратно, но все-таки на пороге оглянулась и любовно махнула мне рукой. Я остался один и мог наконец проанализировать создавшееся положение.

Хуже всего себя чувствуешь, мне кажется, когда накрылось дело, которое, ты считал, у тебя в кармане. Я растерянно смотрел в будущее и никак не мог вздохнуть, мне словно вlepили медицинболлом под ложечку, – был со мной один раз такой случай, когда я ездил в Америку. Даже неожиданно обнаружившиеся в характере Флоренс нормальные человеческие черты, о наличии которых я до сих пор и не подозревал, не могли примирить меня с тем, что меня теперь неотвратимо ожидало. Флоренс, которой хочется содрать шкуру с Эдвина, это, конечно, лучше, чем Флоренс, неспособная испытывать такие желания, но все равно, как ни верти, ничего хорошего я впереди для себя не видел.

Сколько я так простоял, предаваясь горьким думам, прежде чем обратил внимание на слабое попискивание у себя под боком, мне трудно сказать. Довольно долго, я думаю, так как, когда я все же заметил рядом с собой Нобби, она уже дергала меня за рукав довольно раздраженно, точно человек, который попытался вступить в общение с глухонемым, но в конце концов убедился, что от такого одностороннего разговора одна досада и никакого прока.

– Берти!

– А? Прости, я задумался.

– Ну, так очнись. Опоздаешь.

– Опоздаю? Куда?

– К дяде Перси в кабинет.

Я уже раньше имел случай сообщить, что неплохо умею различать у тучек светлую изнанку, и если любой катаклизм или бедствие имеет положительную сторону, я рано или поздно обязательно ее замечу. Вот и теперь слова Нобби напомнили мне, что крушение всей моей жизни имеет положительную сторону. Как ни мрачна открывающаяся передо мной пер-

спектива, от которой уже не отвертеться, зато можно, по крайней мере, избежать разговора с дядей Перси.

– А, – говорю, – ты вот о чем. Это отменяется.

– Отменяется?

– В награду за участие в этом деле мне должны были открыть тайный способ Фитлуорта, как освободиться от помолвки с Флоренс Крэй. Я его уже узнал, и он здесь неприменим. Поэтому я возвращаю верительные грамоты.

– Значит, ты отказываешься нам помочь?

– Любым другим образом, который вы мне предложите, – пожалуйста. Но не посредством приведения в бешенство дяди Перси.

– Ах, Берти!

– И нечего восклицать «Ах, Берти!».

Нобби выпучила на меня глаза, и на минуту мне показалось, что сейчас снова вступят в действие жемчужные капли, о которых так красноречиво говорил Боко. Но Хопвуды сделаны из прочного материала – плотину не прорвало.

– Но я не понимаю, – только и произнесла Нобби.

Я подробно объяснил ей, что произошло.

– Боко утверждал, – заключил я свой рассказ, – что его метод безотказен. Но это оказалось не так. И если никакого другого предложения у него нет, я...

– Но у него есть другое. Вернее, у меня есть.

– У тебя?

– Ты хочешь, чтобы Флоренс расторгла помолвку?

– Да!

– Тогда ступай поговори с дядей Перси, а я покажу ей то письмо, где ты написал все, что о ней думаешь. Оно не может не подействовать.

Я встрепенулся. Точнее, я подпрыгнул вверх на добрый фут.

– Вот это да!

– Ты что, не согласен?

– Еще бы не согласен!

Я разволновался, как, кажется, никогда в жизни. Про то письмо я совершенно позабыл, но теперь, припоминая его пламенные строки, я почувствовал, что надежда, уже совсем было умершая, скидывает с себя гробовые пелены и снова приступает к исполнению прежних обязанностей. Способ Фитлуорта, может, и не сработал, но средство юной Хопвуд, без сомнения, сделает свое дело.

– Нобби!

– Думай на бегу!

– Ты обещаешь показать то письмо Флоренс?

– Честное благородное, если ты задашь жару дяде Перси.

– Боко на посту?

– Сейчас уже наверняка.

– Тогда с дороги! Я иду!

И я как на крыльях устремился к дому, перескочил через порог, пронесся по коридору к дверям дядино логова и вломился в дверь.

Глава 22

Кабинет дяди Перси, который я, вообще говоря, посетил сейчас впервые в жизни, представлял собой, как пишут в сценических ремарках, «богатый интерьер», изобилующий всевозможными столами и столиками, креслами, коврами и прочими устройствами. Одну стену целиком занимали книги, а на противоположной висело большое живописное полотно, изображающее, надо полагать, нимф или кого-то в этом роде, занятых играми с существами, которые, как я понял по виду и манерам, были фавнами. Обращали на себя также внимание большой глобус, вазы с цветами, чучело форели и скульптурный бюст – не исключено, что покойного мистера Гладстона.

Одним словом, там было все, что твоей душе угодно, кроме самого дяди Перси. Он не восседал в кресле за письменным столом и не расхаживал туда-сюда по комнате, подкручивая глобус, нюхая цветы в вазах, читая корешки книг, любуясь чучелом форели или разглядывая фавнов и нимф. Нигде не видно было ни малейших признаков дяди Перси, и это полное отсутствие в помещении родственников и свойственников сильно меня озадачило.

Странное испытываешь ощущение, когда настроился на стычку с противником и вдруг убеждаешься, что никакого противника в поле зрения нет. Вроде как поднял ногу, чтобы ступить на последнюю ступеньку, а ступеньки не оказалось. Я стоял, прикусив губу, и растерянно думал о том, что же делать дальше.

Аромат сигарного дыма, все еще висевший в воздухе, свидетельствовал о том, что совсем недавно дядя здесь был, а распахнутая дверь на террасу подсказывала, что он мог выйти в сад – быть может, чтобы на свежем воздухе поломать голову над одолевавшими его заботами, например: как, черт возьми, при таких порядках в «Бампли-Холле» улучшить пять минут для спокойного разговора с глазу на глаз с Чичестером Устрицей? В этой ситуации я колебался, последовать ли мне за ним в сад или же, сохраняя status quo, остаться на месте до его возвращения.

Многое тут, конечно, зависело от того, как долго он будет отсутствовать. Ведь боевой задор, с которым я влетел в кабинет, само собой, не вечен. Я уже ощущал определенное похолодание в области ног, не говоря о пустоте под диафрагмой и склонности к икоте. Еще минута или две промедления, и недуг распространится по всему телу, так что дядя, вернувшись, застанет у себя в кабинете Бертрама, из которого уже высыпались все опилки, Вустера, только на то и способного, что лепетать: «Да, дядя Перси» или «Нет, дядя Перси».

Следовательно, как ни посмотреть, а лучше все же выйти в сад и обратиться к нему прямо на широких открытых просторах, где затаился где-то поблизости Боко. Подойдя к распахнутой двери, я уже готов был переступить через порог, хотя и не особенно радуясь предстоящей встрече, когда мое внимание привлекли какие-то громкие голоса. Они доносились издалека, и текст диалога не достигал барабанных перепонки, отчетливо слышны были только обращения: «Мой дорогой Уорплесдон» и «Эй, вы, ничтожество!» – на основании чего я заключил, что они принадлежат соответственно Боко Фитлурту и владельцу замка.

А в следующую минуту моя догадка подтвердилась. На лужайку перед домом вышла небольшая процессия. Возглавлял ее Боко с видом менее оптимистичным, чем мне случалось его видеть, а за ним следовал мужчина, похожий на садовника, вооруженный вилами и с подкреплением в лице пса неопределенных кровей. Замыкал шествие дядя Перси, угрожающе размахивающий сигарой, с видом ангела, изгоняющего Адама из Эдемского сада.

Говорил главным образом дядя. Боко время от времени оглядывался, порываясь, возможно, тоже что-то сказать, но у пса на морде было выражение, свидетельствующее о способности на грабеж, измену, хитрость, а упомянутые вилы концами почти касались его брюк, и речи его оставались произнесенными.

Прошествовав в хвосте колонны до середины лужайки, дядя Перси оторвался от своих спутников и решительными шагами направился ко мне, раздраженно попыхивая сигарой. Боко и его новые друзья продолжали двигаться по направлению к аллее.

Я был, естественно, потрясен зрелищем старого друга, выводящего вон из парка, но потом подумал, что, стало быть, мне тут больше делать нечего. Весь смысл плана, в осуществлении которого я согласился принять участие, состоял в том, чтобы, когда я буду высказываться перед дядей Перси, поблизости находился Боко, но было совершенно ясно, что, пока престарелый свойственник вернется к себе в кабинет, Боко улетит вдаль, как легкая цветочная пушинка.

Соответственно, я рванул к выходу, не заботясь о соблюдении протокола, но вдруг заметил над притолокой потрясающе похожий портрет тети Агаты от пояса и до макушки. Входя, я его не увидел, так как он оказался у меня за спиной, но теперь она смотрела прямо на меня, и я с разгона так и остановился, словно наткнулся на фонарный столб.

Это было произведение одного из тех художников, которые передают на полотне душу оригинала, и смотревший на меня портрет так красочно передавал душу тети Агаты, словно это смотрит она сама, собственной грозной персоной. Я чуть было не сказал: «А-а, здравствуйте!» – и одновременно чуть ли не услышал, как она произносит «Берти!» привычным властным, безапелляционным тоном, всегда внушавшим желание съежиться клубком в надежде, что кротость и раболепие помогут отделаться малой кровью.

Разумеется, малодушие это было лишь мимолетное. Мгновение спустя Бертрам уже снова был самим собой. Но за это мгновение дядя Перси как раз успел, громко топая, возвратиться из сада в свой кабинет. Пути к бегству оказались отрезаны. Поэтому я остался стоять на месте, выпрастывая манжеты, это иногда придает храбрости.

Дядя Перси произносил монолог:

– Я наступил на него! Наступил ногой ему на руку! Он затаился в траве, и я на него наступил! Мало того, что этот субъект расхаживает по моему парку без приглашения в любое время ночи. Но он приходит еще и днем и валяется на моей личной траве. И преградить ему вход невозможно. Он просачивается сквозь землю, как нефть.

Только тут он заметил присутствие племянника.

– Берти!

– А-а, привет, привет, дядя Перси.

– Дорогой мой! Я как раз хотел тебя видеть.

Бесполезно говорить, что его слова меня удивили. Это было бы слишком слабо сказано. Они меня совершенно потрясли.

Ну, подумайте сами. Я близко знал старого сыча добрых пятнадцать лет, и в отрочестве, и потом, когда вырос, и ни разу за все это время он ни намеком не дал мне понять, что мое общество для него хоть сколько-нибудь привлекательно. Я бы даже сказал, что в большинстве случаев при общении со мной он всячески подчеркивал обратное. Я уже упоминал эпизод с арапником. Но за эти годы имели место и другие происшествия подобного рода.

Мне кажется, я достаточно ясно дал вам понять, что за все времена Природа произвела на свет немного таких твердокаменных людей, как этот грозный Персиваль, лорд Уорплесдон. Закаленные капитаны дальнего плавания, привыкшие без малейшего трепета смотреть в глаза штормам в океане, начинали дрожать, как бланманже, будучи призваны пред его очи и спрошены, какого черта они не положили – или, наоборот, положили – руль на борт и какого дьявола выкатили – или не выкатили – бочку на ют, когда последний раз ходили в плавание на шхуне, принадлежащей его компании? Ухватками он сильно напоминал каймановую черепаху особенно раздражительного норова, и всегда чудилось, что у него вот-вот поползет пена изо рта.

Тем не менее этот старый свояк сейчас взирал на меня, если присмотреться сквозь усы, не только почти по-человечески, но даже просто приветливо. И похоже, совсем не испытывал общепринятых мучений, которые обычно вызывает у людей один вид Бертрама Вустера.

– Кого? Меня? – слабым голосом переспросил я, пораженный до такой степени, что даже облокотился на глобус.

– Да, тебя. Вот именно. Не выпьешь ли рюмку, Берти?

Я пролепетал что-то такое, что, мол, пить еще рановато, но он отвел мои возражения, сказав:

– Никогда не рановато пропустить рюмочку, если только что брел по щиколотку в чертовых Фитлуортах. Я вышел на прогулку с сигарой и шагал, погрузившись в размышления на важные темы личного характера, как вдруг моя нога вошла во что-то раскисшее, и это оказался он, затаился в высокой траве у пруда, словно полевая мышь или еще какая-нибудь ужасная тварь. Будь у меня слабое сердце, тут бы мне и конец пришел.

Мысленно я оплакивал Боко. Нетрудно было представить себе, что произошло. Прокравшись к кабинетному окну, бедняга, должно быть, услышал шаги дяди Перси и запрятался в траве, не чая, не гадая, что минуту спустя огромный башмак опустится на некую мягкую часть его организма, как можно было понять из упоминания «чего-то раскисшего». Каково ему было, страшно подумать. А каково было дяде Перси! Получилась одна из тех ситуаций, когда жалко обе стороны: и ту, что исполняла заглавную роль, и ту, что шла под номером вторым.

– Фитлуорт! – Дядя посмотрел на меня с укоризной. – Твой приятель, а?

– Да, друг детства.

– Надо осмотрительнее выбирать друзей, – произнес он наставительно, сделав первый шаг в сторону от только что проявленной необычной благосклонности.

Тут-то, наверное, мне и надо было выступить с горячей речью в защиту Боко, оттенить его положительные черты. Но я не мог припомнить ни одной, поэтому промолчал. А дядя продолжал развивать свою мысль:

– Ну да ладно. Бог с ним. Мои садовнические силы в настоящий момент выдворяют его из наших пределов, им дан твердый приказ при малейших признаках сопротивления всадить ему вилы в седалище. Можно надеяться, что впредь он будет появляться здесь существенно реже. И клянусь, именно это требуется «Бампли-Холлу», чтобы быть настоящим раем на земле: поменьше Фитлуортов и получше качеством! Возьми сигару, Берти.

– Да нет, спасибо, не надо.

– Вздор. Не понимаю я такого непоследовательного отношения к моим сигарам. Когда я запрещаю, ты их берешь и куришь – помнишь арапник, а? хе-хе, – а когда я предлагаю тебе закурить, ты отказываешься. Глупости все это. Суй эту штуковину в свою пасть, негодник, – заключил он и вытащил из коробки длинную, как торпеда, сигару. – И чтобы я больше не слышал от тебя никаких «спасибо, не надо». Я хочу, чтобы ты чувствовал себя раскованно и уютно, потому что мне нужно посоветоваться с тобой по важному вопросу. Давайте сюда, Мэйпл.

Я забыл упомянуть, что еще раньше, при словах: «Никогда не рановато пропустить рюмочку», дядя надавил кнопку звонка, вследствие чего явился дворецкий и выслушал распоряжения. И вот теперь он снова возник, неся в руках полбутылки из старейших запасов. Тароватым жестом раскупоривая вино, дядя Перси продолжал рассуждать:

– Н-да, бог с ним, с Фитлуортом. – Он протянул мне бокал с драгоценной влагой. – Изгоним его из наших мыслей. Мне надо обсудить с тобой другие вещи. И прежде всего... Твое здоровье, Берти.

– И ваше, – слабым голосом ответил я.

– Успешных преступлений.

– Обдери вам нос, – не совсем опомнившись, отозвался я.

– Песок тебе в глаз, – не полез за словом в карман этот неузнаваемый свойственник. – Да, так прежде всего, – продолжал он, торопливо опрокинув в глотку полный бокал, – я хочу выразить восхищение достойным и великолепным поступком, который ты сейчас только совершил на аллее. Я видел Эдвина, и он сообщил мне, что ты дал ему пинка в зад. Я уже не один год мечтаю это сделать, но все не могу решиться.

С этими словами дядя встал с кресла, протянул мне руку, горячо пожал мою и снова сел.

– Перебирая в памяти наши с тобой последние встречи, Берти, – продолжал он не то чтобы тихо, тихо он говорить не умел, но настолько тихо, насколько может говорить человек, который не владеет тихой речью, – я опасаюсь, что произвел на тебя впечатление злобного и сварливого старикашки. Я, кажется, резко говорил с тобой нынешней ночью. Не придавай этому значения. Будь ко мне снисходителен. Человека, имеющего такого сына, как Эдвин, нельзя судить по тем же меркам, как и людей, у которых нет такого сына, как Эдвин. Ты знаешь, что он сегодня ночью стукнул меня своим чертовым скаутским стеклом?

– Меня тоже.

– Прямо по...

– А меня по голове.

– Принял меня за грабителя, видите ли. Совершеннейший вздор. Я хотел ему всыпать, но вмешалась Флоренс и не позволила. Ты не представляешь себе, что я почувствовал, узнав о твоём пинке. Жаль, не видел своими глазами. Однако из его рассказа я понял, что ты вел себя отважно и изобретательно, и, честно скажу, я полностью изменил свое мнение о тебе. Много лет я видел в тебе лишь ротозея и лоботряса. Но теперь понял, как я глубоко заблуждался. Ты проявил талант деловитости и предприимчивости, и я решил, что именно ты можешь дать мне совет в эту решающую для моих дел минуту. Я стою перед неразрешимой проблемой, Берти. Мне действительно необходимо... Но может быть, ты уже слышал обо всем этом от Дживса?

– Да, в общих чертах.

– Насчет Чичестера Устрицы?

– Да.

– Тем лучше. Не будем вдаваться в вопрос, почему именно мне необходимо провести совещание с Чичестером Устрицей тайно и с глазу на глаз. Важно, что ты это усвоил, и не будем размениваться на мелочи. Это он сидел ночью в садовом сарае.

– Знаю.

– Вот как? Тебе уже известно? Этот план предложил Дживс, превосходный план, кстати сказать. Если бы не мерзкий Фитлуорт... Но не будем переходить на Фитлуорта, мне нужно хранить спокойствие. Словом, в сарае сидел Устрица. Удивительный господин.

– Да?

– Потрясающий. Как бы тебе его описать? Ты видел когда-нибудь трепетную лань? Такое робкое животное, все время вздрагивает, пугается, при малейшем признаке опасности начинает дрожать, как... ну, как та самая трепетная лань. Вылитый Устрица. Не с виду, конечно. С виду он покрупнее лани и в очках в роговой оправе, а лани очки не носят. Я имею в виду его нрав и манеры. Ты со мной согласен?

Я напомнил ему, что не имел удовольствия быть лично знакомым с мистером Устрицей и потому его психология для меня – закрытая книга.

– Верно. Я забыл. Но вот такой это человек. Похож на лань. Пугливый. Робкий. Чуть что – сразу приходит в ужас. Из сарая, наверное, вышел, весь дрожа как осиновый лист и говоря себе: «Чтоб я еще когда-нибудь!..» Теперь из него испарились последние остатки мужества, и какой бы мы ни придумали на будущее способ встречи, это должен быть способ беспроеигрышный, стопроцентно надежный, чтобы даже Устрице было очевидно, что никакой опасности для него он не таит. Удивительно, какие они нервные, эти американские бизнесмены. Можешь ты это как-то объяснить? Нет? А я думаю, пьют слишком много кофе.

– Кофе?

– Да, всему виной кофе. И еще Новый Курс²⁸. Там, в Америке, жизнь бизнесмена состоит из бесконечного кофепития, перемежающегося потрясениями от Нового Курса. Человек выпивает литровую кружку кофе, и тут же Новый Курс преподносит ему неприятный сюрприз. Чтобы очухаться, он выпивает другую литровую кружку кофе, и снова пожалуйста – неприятности от Нового Курса. Он уходит на подгибающихся ногах и слабым голосом просит еще кофе... Ну и так далее. Порочный круг. Чьи нервы могут такое вынести? У Чичестера Устрицы нервная система полностью разрушена. Он хочет первым же пароходом уплыть к себе в Нью-Йорк. Понимает, что сорвется выгоднейшая сделка в его жизни, но говорит, что пускай, ему наплевать, лишь бы широкая, бездонная Атлантика пролегла между ним и английским садовым сараем. Странное какое-то предубеждение против садовых сараев. Так что запомни, что бы ты ни придумал, никаких намеков на садовые сараи! Ну, Берти, так какие будут предложения?

На это, как вы понимаете, мог быть только один ответ:

– По-моему, надо посоветоваться с Дживсом.

– Я советовался с Дживсом. Он разводит руками.

Я ошарашенно выдохнул облачко дыма. В это невозможно было поверить.

– Дживс не знает, что делать?

– Он сам мне сказал. Поэтому я и обратился к тебе. На свежую голову.

²⁸ Система мероприятий администрации президента США Ф. Рузвельта в 1933–1939 гг., после Великой депрессии 1929–1933 гг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.